

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

КОСТРОЙСКАЯ ОДОДАЯ

№2 (13) 2017

Издание осуществлено Музеем-заповедником «Костромская слобода» в рамках проекта электронной энциклопедии «Традиционная культура Костромского края».

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНЫЙ МОТИВ

Митин А.И. Культурное наследие Костромского края: собиратели, хранители, подвижники 3

Положение областного дистанционного конкурса исследовательских работ, рефератов, записей фольклора «Народные семейные традиции и фольклорное наследие Костромского края» на темы этнографии и краеведения 5

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Светлана Михайловна Гусева: памяти коллеги 9
Смирнов В.И. «На всем печать бедности...» 12
Ганцовская Н.С. Особенности говоров Шарьинского района 18
Масалёва С.Д. Традиции в народной одежде ветлужан 22
Румянцева О.В. Горшечный промысел в Шарьинском районе 29

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Пиляк С.А. Трансформация архитектуры традиционного крестьянского дома 35
Новиков Е.А. Повседневная и праздничная жизнь Поветлужской деревни в 1940-е – 1980-е годы 42
Петрова О.А. Особенности говора села Одоевское Шарьинского района Костромской области 51
Уткин С.А. Из этнографической поездки в село Николо-Шанга 56
Дерепашук С.О. Женские промыслы и ремесла: кукла «карцевяночка» 61
Гончарова Т.Г. Традиции в народном питании и траволечении у сельских жителей Поветлужья 69

КОСТРОМСКОЙ ФОЛЬКЛОР

Народные сказки, частушки, пословицы, обрядовый и детский фольклор, загадки 83

НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ

Тихомиров А.Н. Трижды о любви 90
Заботкина О.А. Алёшкина школа 95

МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ

Шабалина Н.Ю. История храмов Шарьинского благочиния 100
Вахрушева Е.Н. «От семьи тропинка к роду и народу» 105
Ростислав Королёв. Фотография из бабушкиного альбома 107
Глушкова С. В. Свадебные обряды нашего края в прошлом 109
Соколова С.И. Жизнь молодой семьи в военные годы 110
Хахилева С.С. Лечебные свойства растений в народной медицине 111
Смирнов А.Ю. Такой простой, не простой гвоздь 112

Музей-заповедник выражает благодарность администрации Шарьинского района и Шарьинскому отделению Русского географического общества за помощь в организации экспедиционного выезда в Поветлужье летом 2017 года.

На обложке. Летом на Ветлуге.

А.И. МИТИН,
директор Музея-заповедника
«Костромская слобода»

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ: СОБИРАТЕЛИ, ХРАНИТЕЛИ, ПОДВИЖНИКИ К 105-летию КНО

Официально открытие Костромского научного общества по изучению местного края в Костроме состоялось 5 мая 1912 года. В первый же год его образования была составлена этнографическая программа по изучению культуры и быта жителей Костромского края, программа по собиранию произведений народного творчества и народной словесности, предметов быта. Рассыпались анкеты, опросные листы, собирались письма, деревенские песни, сказки и легенды, закупались семейные архивы и мемуарные рукописи.

В.И. Смирнову, неутомимому костромскому исследователю и этнографу, бессменному председателю КНО, его команде энтузиастов-помощников и деятелей общества, наш край обязан тем, что кроме усадебных архивов, вывезенных Костромским научным обществом из ликвидированных дворянских гнезд, были выявлены, закуплены и спасены в 1920-х годах многие частные коллекции предметов, документов и произведений искусства.

Благодаря этому, а также экспедиционным выездам и собранным полевым материалам, музей КНО постоянно пополнялся бесценными экспонатами – и теперь это богатейшие фонды костромских музеев, библиотек и архивов.

В.И. Смирновым, только за время работ в одной экспедиции 1924 года, она продолжалась 30 дней, было осмотрено 17 стоянок и древних поселений, найдены две неизвестные до того времени неолитические стоянки; им были сделаны богатые сборы предметов (365 ед.), исследованы свайные постройки,

бытующие в Шунгенской и Минской волостях, записаны приемы стройки, например, «рубка в ряж», в 25 селениях собран этнографический и словарный материал.

Заложив традиции музейной работы в крае, КНО помогло сформировать научную школу исследователей народной культуры. Это позволило, несмотря на трагические страницы истории краеведения 1930-х годов и многие трудности, проистекающие от бедности провинциальной культуры, укоренить в сознании общественности идеи преемственности в изучении культурно-исторического наследия Костромского края.

Труды сотрудников этнологической станции КНО – Л.С. Китицыной, Н.П. Беляевой, Н.А. Калиткина, И.В. Шумского, Е.М. Полянской, В.И. Иванова, Н.А. Дубровиной и других деятелей КНО, стоявших у истоков костромской этнографии, для нового поколения собирателей и хранителей музеиных и архивных фондов, просто бесценны.

В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения известного исследователя-краеведа, архивиста В.Н. Бочкова, 80 лет Н.С. Ганцовской, учёного-диалектолога с мировым именем, объездившей с экспедициями всю Костромскую область.

Мы отдаём сегодня дань памяти этнографу С.М. Гусевой, недавно ушедшей из жизни, оставившей свой творческий след в истории нашего музея. Мы поздравляем с новыми книгами-исследованиями по этнографии С.С. Каткову, С.Д. Масалёву, постоян-

ных авторов наших этнографических научных сборников. Также поздравляем нашего автора Т.В. Смирнову, дочь В.И. Смирнова, с присуждением ей в этом году премии им. А.А. Григорова.

Новый номер этнографического альманаха «Костромская слобода», его итоговый выпуск 2017 года, посвящённый экспедиционной деятельности музея-заповедника (этнографическому выезду в Поветлужье), открывают также экспедиционные материалы, собранные подвижниками этнографии прошлых лет.

Этнографические командировки и выезды с целью продолжения исследовательской работы по изучению традиций края и сбора материалов и предметов – это одно из основополагающих направлений деятельности Музея-заповедника «Костромская слобода». Чтобы оживить её и сформировать адресную программу экспедиционной работы музея

на 2018 год, чтобы привлечь к участию в ней волонтёров из числа студентов гуманитарных вузов и местное население сельской глубинки Костромской области, мы решили провести в следующем году областной дистанционный конкурс исследовательских работ, рефератов, записей фольклора «Народные семейные традиции и фольклорное наследие Костромского края» на темы этнографии и краеведения.

Партнерами проекта станут Костромская областная универсальная научная библиотека, историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом».

Всех победителей ждут призы и награды от учредителей, а лучшие работы будут изданы на сайте музея-заповедника «Костромская слобода» в электронном этнографическом альманахе и других изданиях музея серии «Народные традиции Костромского края» (начата в 2013 году).

Новые экспозиции в Музее-заповеднике «Костромская слобода».

«Таинство крещения в сельских православных храмах Костромской губернии. Кон. XIX – перв. пол. XX вв.».

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЛАСТНОГО ДИСТАНЦИОННОГО КОНКУРСА исследовательских работ, рефератов, записей фольклора «НАРОДНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ» на темы этнографии и краеведения 2017–2018

Учредители: Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», Костромская областная универсальная научная библиотека, историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом».

Содержание

1. Цели и задачи.
2. Время и место проведения.
3. Организаторы, модераторы, участники.
4. Порядок проведения конкурса, формы участия в конкурсе.
5. Тематическая направленность, основные критерии подведения итогов.

Цели и задачи.

Конкурс посвящен 105-летию КНО, 100-летию областной научной библиотеки, 25-летию историко-краеведческого журнала «Губернский дом» и 5-летию художественно-этнографического альманаха «Костромская слобода».

1. Главной целью данного проекта является *привлечение внимания общественности* к состоянию памятников нематериального и материального культурного наследия Костромского края, к проблемам сохранения и изучения традиционной народной культуры, богатства русского национального народного творчества, фольклора, народной поэзии и красноречия, обследованию местных обычаем

Выставка «Резные и расписные предметы крестьянского домашнего обихода».

Дом Липатова. 2017 г.

и семейных традиций. Это консолидация культурных, научных, образовательных учреждений и местного самоуправления в вопросах сохранения и изучения культурного наследия Костромского края.

2. Стремительное разрушение традиций провинциальной жизни, исчезновение многих сел и деревень с карты Костромского края, переезд из сельской глубинки старожилов, помнящих традиции народной культуры, и многие другие социальные изменения в жизни села – вынуждают всех болеющих за сохранение культурного наследия Костромского края активизировать свою работу. Сегодня особенно важна *собирательская деятельность*:

- с использованием методов анкетирования и опроса;
- выполнением фото фиксаций построек старинных сел и деревень, предметов быта;
- записи на цифровых носителях информантов-старожилов Костромского края;
- сбора и записей фольклорных текстов, текстов народных мемуаров и зарисовок видов народного творчества;
- фиксации обычаев и семейных традиций населения, их изменений в 1940-е – 2010-е годы.

3. Важной задачей является *исследовательская работа* по изучению *изменений семейных традиций* и облика костромской деревни на рубеже XX и XXI веков, записи новых традиций и обычаев культурной и духовной жизни села и малых городов Костромской области.

4. Конкурс исследовательских работ предполагает *публикацию* их в открытом доступе для специалистов, изучающих народную культуру, и любителей народного творчества. Это электронные издания Музея-заповедника «Костромская слобода», научные сборники по итогам конкурса, публикации в историко-краеведческом журнале «Губернский дом». По итогам конкурса в областной научной библиотеке проводится научная конференция, где награждаются его победители.

Время и место проведения конкурса.

Конкурс исследовательских работ по этнографии и краеведению Костромского края проводится **с 15 декабря 2017 по 15 ноября 2018 года** в три этапа. Кострома, Костромская область – муниципальные районы, исторические и малые города Костромской области.

Организаторы, модераторы, партнеры и участники конкурса

1. Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода» выступает в роли *организатора и модератора проекта*, научные сотрудники музея-заповедника входят в состав экспертного совета по оценке выполненных исследовательских работ.

2. *Партнерами* в организации проекта являются: областная научная библиотека, историко-краеведческий журнал «Губернский дом», местные отделения Русского географического общества, межпоселенческие библиотеки, администрации муниципальных районов Костромской области, учреждения культуры сельских поселений – центры традиционной культуры и досуговые учреждения культуры районов области.

3. В конкурсе могут принимать участие специалисты районных и сельских учреждений культуры, межпоселенческих библиотек, участники читательских и краеведческих объединений, коллективы народной самодеятельности, народных театров и студий, мастера традиционных для данной местности промыслов и ремёсел, школьники, студенты, учителя и т.д.

Порядок проведения конкурса, формы участия в конкурсе

1. Предоставление заявок на областной дистанционный конкурс рефератов по этнографии и краеведению «Народные семейные традиции и фольклорное наследие Костромского края» – **с 15 декабря 2017 года – по 20 января 2018 года.**

Форма заявки на участие в конкурсе:

ФИО _____

Год рождения _____

Адрес _____

Контактные телефоны _____

Адрес электронной почты(если есть) _____

Род занятий _____

Тема реферата, исследования, записи _____

Срок отправки заявки – до 20 января 2018 года на электронную почту – muzeizapovednik@yandex.ru или по адресу: 156000, Кострома, ул. Советская, д. 41. Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода».

ГЛАВНЫЙ МОТИВ

2. Выбор темы. Предлагаемые темы исследований:

1. «Мифы, семейные предания, байки, сказки, легенды края».

2. «Народные традиционные игры и забавы, современные семейные формы досуга».

3. Костромской фольклор:

– «Детский фольклор: колыбельные, потешки, дразнилки, страшилки и т.д.».

– «Обрядовый фольклор календарного круга народных праздников: песни, заклички, колыда, частушки, гадания и т.д.».

– «Народное краснословие: словарь местных диалектных слов, пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, афоризмы, анекдоты».

4. «Календарные народные праздники края и новые традиции Дней села».

5. «Семейные православные традиции: крещение, имянаречение, именины, вступление в брак, благотворительность, духовное просвещение, обряды поминания родителей и предков».

6. «Обычаи «жизненного круга» в сельской и городской среде: крещение, имянаречение, именины, дни рождения, проводы в армию, женитьба и т.д.»

7. «Свадебные обряды края в прошлом и настоящем».

8. «Опыт и суеверия народной медицины. Семейные традиции врачевания: травники, знахарство, обычаи и обряды исцеления».

9. «Традиции и обычаи в строительстве в прошлом и настоящем: опыт старожилов-плотников, печников, кузнецов, лесорубов».

10. «История семейных женских ремесел и рукоделий края: обработка льна, ткачество, кружевоплетение, вышивка, изготовление одежды и игрушек, оберегов».

11. «Семейные традиции и обычаи в выпекании хлеба, пирогов, обрядового печенья. – Традиции народной кухни в будни и гостевания в праздники в прошлом и настоящем».

12. «Народные, семейные мемуары, рассказы, воспоминания о жизни костромской деревни в военные и послевоенные годы».

(Можно выбрать тему реферата, исследовательской работы, записи информантов по своему усмотрению).

3. Требования к оформлению текста:

– Титульный лист с названием темы, данными об авторе работы с указанием года рождения, почтового адреса, телефона и эл. почты, библиографией публикаций, если такие имеются. Для коллективных работ – контакты организации, учреждения.

– Необходимо обратить внимание на то, что в работе должно быть обязательное указание на то, у кого записан материал (полное имя, отчество фамилия информанта, года рождения, место рождения,), где записан и кем, в какое время.

– Текст формата Word (rtf), размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5. Объем материала до 40 стр. Приложения – объем не ограничен.

I этап проведения конкурса работ по темам этнографии и краеведения: **с 20 января 2018 по 18 мая 2018 года**. Итоги подводятся к Международному дню музеев (18 мая) и Международному дню библиотек (27 мая). Участники: библиотечные работники, школьники, педагоги, учащиеся и студенты, работники учреждений культуры и дополнительного образования.

1. Подведение итогов первого этапа конкурса в номинациях:

«Лучшая коллективная работа».

«Лучшее авторское исследование».

«Лучшая детская работа».

«Родословная семейной традиции».

«Лучшая запись воспоминаний».

«Народное краснословие».

(Запись фольклора – любого из предложенных жанров: песни, загадки, пословицы, поговорки, потешки, колыбельные, сказки, легенды, предания, игровой фольклор, заговоры и т.д.).

2. Проведение в муниципальных районах Костромской области круглых столов – «Народные семейные традиции и фольклорное наследие Костромского края». Награждение победителей 1 тура конкурса.

3. Победители получают дипломы, грамоты, подарки от учредителей на итоговых встречах, круглых столах. Лучшие работы предлагаются для публикации в изданиях учредителей конкурса, в серии книг для семейного чтения «Народные традиции Костромского края» – изданиях Костромского музея-заповедника «Костромская слобода».

2. Основные критерии в оценке исследовательских работ и рефератов:

- Глубина и логичность в раскрытии темы, обоснованность выводов работы.
- Достоверность местного материала, записей, включённых в работу.
- Историческая и этнографическая точность в описании и интерпретации фактов.
- Качество и объем материала, записанного у старожилов и других информантов.
- Качественное оформление собранного фольклорно-этнографического материала.
- Разнообразие и качество иллюстративного материала в приложении – фото, аудио и видео материалов.

II этап конкурса: 18 мая – 15 сентября 2018 года. Подведение итогов конкурса на лучшие фольклорные записи материала. Награждение победителей на выездных презентациях этнографического альманаха «Костромская слобода» с публикацией работ участников проекта: Шарьи, Нерехта, Кологрив, Макарьев, Вожма и др. Экспедиционные выезды научных сотрудников музея-заповедника и волонтёров, встречи со старожилами, с участием победителей 1 тура конкурса, мастер-классы.

III этап конкурса: 15 сентября – 15 ноября 2018 года. Подготовка докладов по итогам исследовательской работы на научную конференцию Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». Регламент выступления до 10 мин. Материалы проекта поступают в научный архив музея-заповедника с целью использования на научных семинарах, интерактивных мероприятиях, для работы специалистов в области народ-

ной культуры, при соблюдении авторских прав на авторские исследования.

Планируется публикация докладов на конференции в итоговом научном сборнике музея-заповедника с предоставлением авторских экземпляров участникам конференции и победителям конкурса.

Контакты для справочной информации и консультирования: по вопросам собирательской работы: составление опросных листов, анкет для записи воспоминаний старожилов, запись материалов со слов старожилов, обработка рукописей, составление обобщающего исследовательского текста, подготовка приложений к реферату (это могут быть отсканированные рукописи фольклорных текстов, выписки из записных книжек, местных семейных рецептов и травников, фото- и медио- приложения и т.д.)

Гончарова Татьяна Григорьевна, учёный секретарь Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»

Тел. – 8909-254-15-77, goncharova4848@mail.ru

Львова Наталья Валерьевна, заместитель директора по научной и методической работе Костромской универсальной научной библиотеки – тел. 8909-254-77-79, nmokounb@yandex.ru

Муренин Николай Владимирович, редактор журнала «Губернский дом» –

Тел. (4942) 31-43-67, gd_izdat44@mail.ru

Директор Музея-заповедника «Костромская слобода» – А.И. Митин

Директор Костромской областной универсальной научной библиотеки – Г.В.Зыкова

Редактор Костромского историко-краеведческого и литературного журнала «Губернский дом» – Н.В. Муренин

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА ГУСЕВА: ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

21 августа 2017 года безвременно ушла из жизни Светлана Михайловна Гусева, известный костромской этнограф, наша коллега, друг и единомышленник, беззаветно и преданно любившая музей, которому бескорыстно посвятила жизнь. Для неё народная культура вообще и традиционная культура жителей Костромского края в частности была не мёртвым объектом изучения, но живым организмом, который она познавала, частью которого была и она сама.

Между тем, она родилась далеко отсюда, в Приамурье, 18 июня 1951 г. Судьба военного лётчика забросила её отца, Михаила Васильевича Яркина, далеко от родного села Красного-на-Волге, в местечко Лысая гора. Только через три месяца удалось ему добраться до станции Возжаевка Белогорского района Амурской области, чтобы зарегистрировать появление на свет нового человека, а потому и в

документах была указана неверная дата. Прошло немало времени, пока семья перебралась в Кострому. Не придавала ли эта оторванность от корней особой ностальгической нотки в рассказах родителей? Мама, Анастасия Даниловна, была родом из Черкасской области, и, возможно, тоже переживала отрыв от родных мест. Среднюю школу Света Яркина окончила уже в Костроме. Получить подобно старшему брату театральное образование уже не получалось, и она осенью 1968 г. пошла руководительницей танцевального кружка в 41-ю школу, связь с которой не будет прерываться до самого конца её трудовой деятельности. Через год она поступила в Костромское областное культурно-просветительное училище, а летом 1972 г. окончила его с квалификацией «клубный работник, руководитель самодеятельного хора». И даже работая в музее, она не оставляла верности народной песенно-танцевальной культуре, руководя ансамблем «Берегиня». Следующий учебный год она отслужила на должности художественного руководителя Яковлевского дома

культуры Костромского района, не оставляя танцевального кружка 41 школы. Только в августе 1973 г. она уволится отовсюду «в связи с поступлением в институт». Следующие пять лет она студентка Ярославского государственного университета. Там же у Светланы Михайловны впервые зародился профессиональный интерес к этнографии как научной дисциплине, благодаря сближению с замечательным ярославским археологом Ириной Леонидовной Станкевич, преподававшей студентам-первокурсникам историю древнего мира, основы археологии и этнографии.

Такой она и пришла в Костромской музей-заповедник 1 августа 1978 г. с дипломом историка в кармане. Музей занимал тогда архитектурный комплекс Ипатьевского монастыря. Месяц осваивала экскурсию в отделе пропаганды, а с 1 сентября на многие годы ушла в Музей народной архитектуры и быта. Ей поручили заниматься тем, чем она жила – народной культурой, той частью её, которая сегодня называется «нематериальное наследие». Это не значит, что она не собирала в экспедициях предметы наследия «материального», которое оттягивало руки и оставляло синяки от переноски на плечах. Культуру она воспринимала целостно, но главным для неё оставалась крестьянская жизнь в будни и праздники, представления и мечты крестьян о добре и зле, их представления о природе, о «том» и «этом свете», их верования и картина мира. Откуда она всё это брала?

Книги, конечно, читала, изучала то, что опубликовано и осталось ненапечатанным со времён Костромского научного общества. Но самым главным источником были рассказы, песни, обычаи и обряды, зафиксированные во время экспедиций, где она дотошно выспрашивала самих носителей этой культуры. Писала диссертацию о костромской свадьбе, но множество формальных препятствий помешали её дописать и защитить. Самым главным препятствием, наверное, была живая жизнь – рождение детей, Ани и Данилы, организация ежегодных праздников в музее, для которых и был создан этнографический ансамбль «Берегиня», который первоначально состоял из сотрудниц музея. А ещё – экспедиции, когда в ту

самую народную жизнь погружались по самую макушку, и потом – строительство экспозиций. Ею была воссоздана предметная среда в доме А. Серова, но, наверное, самой значительной была построенная ею часть экспозиции «Лён в жизни костромских крестьян» (первый и второй этажи липатовского дома), где удалось не только показать процесс обработки и прядения льна, но и сделать посетителя свидетелем, погрузить пришедшего на выставку в мир крестьянских посиделок-бесед, позволило рассказать о девичьих мечтах, о детстве, юности, взрослой жизни крестьян.

Другим масштабным экспозиционным проектом, осуществлённым Светланой Михайловной и её коллегами, была выставка «Костромская старина», открытая на центральной городской площади в здании бывшей гауптвахты 24 мая 1996 года в день проведения в Костроме всероссийского торжества, посвящённого дням славянской письменности. Интерес у костромичей и гостей города вызывали и другие экспозиции, построенные С.М. Гусевой: «Древо народных традиций» в ц. Спаса в Гостином дворе, «Свадьба на Вохме», «Русские сани», «Костромские беседки», «Хоровод», «Братчина», «Русское чаепитие», «Традиции русского гостевания», «Возвращение» и другие.

Светлана Михайловна написала путеводитель «Костромская слобода». Конечно, это не первый путеводитель, за всю историю музея их было несколько. В 2003 г. она участвовала в составлении подобного издания в соавторстве с Л.В. Москалёвой. Как правило, это было описание памятников, отчасти – рассказ о размещенных там экспозициях.

Но именно в последнем, её авторском путеводителе, осмыслен путь по музею как путь человеческой жизни: в первой по маршруту нерехтской избе говорится о том, как рано приучали детей к труду, в мухинской – о свадьбе, как самом важном событии на жизненном пути, когда взрослый мир принимал недавних детей; в избе из д. Аристиха рассматривается пространство избы как поле деятельности хозяина-горшечника и хозяйки; а в лоховской – как раз возможность поговорить о рождении следующего поколения.

С 1986 г. С.М. Гусева занимала должность заместителя генерального директора музея-заповедника по научной работе. Руководящая должность часто испытывает человека на прочность. Светлана Михайловна это испытание выдержала достойно. Ни одна дружеская связь не была разорвана, она бережно относилась к научным интересам каждого, помогала, как могла. Всё это время, несмотря на занятость, она не оставляла «Берегиню», вела этнографический кружок при 41-й школе, в которой учились её дети. Несколько лет организовывала для учеников летний этнографический лагерь при музее-заповеднике, где сотрудники музея водили экскурсии, знакомили ребят с музеинными коллекциями, проводили со школьниками исследовательские экспедиции, дававшие реальный научный выход.

1 июня 1999 г. она ушла на должность заведующей архитектурно-этнографическим отделом музея. Превратности перестроенной тарификации заставляли менять штатные сетки, и она на какое-то время становилась старшим научным сотрудником, но это не меняло главного: предметом её заботы до самой реорганизации Костромского музея-заповедника в январе 2005 г. оставался архитектурно-этнографический музей

21 августа 2006 Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода» зажил своей жизнью. Многое осталось в другом музее, переехавшем в центр города. Приходилось работать с тем, что было включенным в основные экспозиции этнографического музея. Она надеялась на то, что будут реализованы планы по развитию музея, над которыми она работала вместе с московским архитектором-реставратором Ириной Генриховной Семёновой. Предполагалось значительно увеличить территорию Костромского музея деревянного зодчества, вывозить из глубинки намеченные во время экспедиций редкие памятники крестьянской архитектуры, строить новые экспозиции и выставки. Не случилось, и это было для Светланы Михайловны ударом. В «Костромской слободе» она с 2009 г. заведовала научным отделом.

Она считала главным сохранение аутентичной народной культуры и с тоской спрашивала коллег: а будет ли когда-то снова востребовано то, что мы собирали и хранили?

Пример Костромского научного общества показывает: времена меняются, и то, что удаётся сохранить, будет через десятилетия востребовано новыми поколениями ученых. Тяжелая болезнь заставила её уволиться из музея весной 2016 г. Без работы, которой она занималась целую жизнь, всё лишалось смысла. Она ушла.

*Л.В. Москалёва, С.Д. Масалёва,
Л.И. Сизинцева, С.Г. Виноградова,
С.А. Уткин и другие коллеги и друзья.*

ДА ПРОДЛИТСЯ ПАМЯТЬ О ТЕБЕ

Светлана Михайловна Гусева. Светлый образ твой останется в сердцах тех, кому посчастливилось работать и общаться с тобой.

Тебя отличала порядочность, мягкость и деликатность в общении с коллегами, увлечённость в работе. Это ты в начале 1980-х объединила музейную молодёжь в замечательный коллектив с чудесным названием «Берегиня». Под твоим руководством мы не только разучивали песни, хороводы и кадрили, мы жадно пили из незамутнённого родника народной культуры, к которой ты нас приобщала. Мы учились у тебя бережному отношению к слову, к жесту, к интонации. В экспедициях ты кропотливо собирала песни, танцы, обряды – а потом «Берегиня» возвращала людям то, что бытовало совсем недавно и уже унесло неумолимое время, но что живо где-то в генетической памяти нашей – и радостно было видеть прекрасные глаза и одухотворённые лица зрителей, чувствовать их благодарную энергию.

Спасибо тебе за любовь и преданность русской культуре.

Да продлится память о тебе.

*О.А. Заботкина,
преподаватель русского языка
Дарэмского университета (Англия),
член Союза журналистов России.*

В.И. СМИРНОВ,
председатель Костромского научного
общества по изучению местного края

«НА ВСЕМ ПЕЧАТЬ БЕДНОСТИ...»
Из записной книжки краеведа

<...> В районе Молвитина и далее к северу до Буя мне нужно было ознакомиться с крестьянской стройкой и получить сведения о здешнем плотницком промысле. Попутно с этой работой в моей записной книжке накопилось порядочно разных заметок о том, что встречалось на пути, около чего краевед не пройдет безучастно, хотя бы и шел он с определенно поставленной целью. Об этих местах, о встречах и впечатлениях я и хочу здесь поделиться с читателями.

<...> Хожу по окрестным деревням, раскиданным на противоположных сторонах долины. В Евлеве и Степурине я видел, как делаются деревянные игрушки – коньки с тележкой, которыми завален был раньше рынок Костромы, Буя, Судиславля. Когда-то здесь этот промысел был очень широко распространен. Теперь он умирает. Евлевский конек вытесняет нижегородская (семеновская) игрушка. «В нашей игрушке никаких правилов нет, не то, что в нижегородской. Мы не ученые. Работа топорная». Действительно, осиновый конек почти целиком делается топором и ножом. Молотки, скобель, шильце и желобчатое долото дополняют несложный инструментарий игрушечника. Красят мелом на kleю. По белому фону сажей ставятся черные яблочки, кроном пятнают желтые и суриком красные. Для кружков на колесиках и яблочек есть особое приспособление вроде деревянного циркуля «воробинка» и для раскраски кисточка из щетины, вставленной в куричью «зорьку», т.е. конец перышка, надетого на палочку. Промысел идет из старины, и стилизованный конек делается по старой традиции. Попытки учесть, сколько сработает и выработает кустарь, безнадежны. Из боязни налога вам скажут: «Раньше был расходишко игрушке, а теперь ремесло падает», игрушка идет тупо, в магазины не берут сера работа и цена дешевая (7 руб. за 100 штук).

Дневники экспедиций

Фото из личного фонда В.И. Смирнова.
ГАКО Ф.Р-550, оп. 1, л.15.

В д. Степурино игрушка делается иначе. Стариk Павел Захарович Брусенин, маляр по профессии, «по зимам от безделья стал работать коней», а теперь только и занят этим. «Я на што посмотрю, все сумею сделать. Делал и куклы, и пряхи. Впервые сделал коня, присмотревшись к привезенной от Троицы игрушке». Здешние кони и коляски других форм, красятся масляной краской, распятываются также разнообразных цветов яблоками и расписываются зубчиками. Трехрогая молвитинскаяпряха широко распространяется отсюда во все стороны (я встречал ее и на р. Костроме, и в Галичском уезде около Игодова), делается к сезону к Филипповкам и красится чаще всего красной краской. И в Евлеве, и в Степурине кустари мне сделали полный набор игрушек и их частей в процессе производства для музея...<...>

Есть такой довольно крупный по числу занятых в нем лиц кустарный промысел, который, думается мне, никогда не будет механизирован, это плетение лаптей. Весь инструментарий лапотника состоит из кодочки и ножа. Нужна еще колодка (называют ее «дерево»), на правую и на левую ногу одна и та же.

Чтобы правильно описать какой-нибудь промысел, необходимо самому выучиться этому производству, так как во всяком деле, даже

в плетении лаптей есть своя суть дела, которую сразу не схватишь. С плетением лаптей я ознакомился у одного старика в д. Грибово. Сырье в виде трубок липовой коры покупают на Буйском базаре. Мера счета «ноша» и «полуношка» (около полутора десятков). Довольно длительная процедура подготовки материала. Первое надо «навертеть» трубы (лыко). Верят их в дыму, в печи распаривают. Затем мочат лыко в прудовой воде или в квашёной, последняя предпочтется (съедает лучше). Далее чинят лыко, нарезают из трубок липовой коры ленты в 1 см шириной «ремешки» и, наконец, скоблят, выравнивают и минут. Первая процедура делается ножом, вторая тупой стороной того же ножа. Закладывают лапоть с пятой (на правую ногу с правой руки) в лык да 3 лыки потом вплетают в «рожу». Через оборник перегибаются заготовленные лычки пополам и потом переплетаются между собою. Вторая стадия плетения начинается после того, как весь лапоть сплетается в один ряд. В него вставляется колодка, и начинается «ковыряжье щен» переплетание лыком при помощи кодочки второй раз. Сплетенный лапоть подрезается (подравнивают выставившиеся кончики лык) и опаливается на жару. Одним словом, лапоть может быть сделан чисто и аккуратно. «Уседом сидеть, так три пары сплетеши, проворный пять пар за день плетет». Из готового материала один лапоть плется 1 1/2 часа.

Дедушка Василий бранит свое ремесло: «Работа непользительная. Петр плел, и тот проклел. Кто, говорит, это ремесло делает, тот не сыт, не голоден».

В доме гнетущая нужда, на всем печать бедности. Сам он в домотканине («за 9 лет одну рубаху купил»), в рваном хорошенъкие двое вищут, больная жена, два года не слезавшая с кровати. Даже часы давно остановлены таранами.

Он был очень доволен, когда я закупил у него для музея кодочки, «дерево», чиненую и ношеную лутошку и лапти в разных стадиях производства. В деревнях очень интересуются кто и зачем ты ходишь, сколько за это платят жалованья?

Некоторую часть пути потом я сделал с другими краеведами: с П.А.Царевым (1), который в это время отдыхал и готов был идти куда угодно, и с Л.С.Китицыной (2), изучавшей горшечное дело в Молвитине, в Жданове, а потом в Петровском. Мы просто рекомендуемся краеведами: надо вводить среди широких масс в употребление это понятие. Нужно сказать, что идея краеведения очень легко понимается в деревне. Здесь быстро какими-то неведомыми путями узнают о каждом новом человеке всю подноготную. «Вон идут краеведы!» — говорили, встречая нас в деревнях и на дорогах, крестьяне. Отношение к нам было неизменно приветливое.

Недалеко от деревни Григорово, на лесной дорожке, нам кто-то крикнул из кустов: «Обойдите сторонкой!» На дороге в колеях была положена солома.<...>

* * *

В Борщине, Бабышеве, Федотове, Никольском, Починке, Худлове, Носкове, Синейникове, Селище и в других окрестных деревнях и селах были когда-то поместья усадьбы, теперь разваленные или совсем исчезнувшие. Кое-где увидишь остатки парка с одицальным колокольчиком, с прудами и беседками, в другом месте старики расскажут о крепостном праве, озnob от которого далеко не забылся. В д. Фролово Малое, когда-то тоже бывшей усадьбе, бедный одинокий дед Степан Петрович, у которого я ночевал, рассказывал, как помещик Шипов, которому была проиграна усадьба, пригнал сюда из Куданова три семейства крестьян, так последним приходилось на барщину ходить под самую Кострому (в Елизаветино).

...В избе встретишь интересный мотив скамьи, лесенки на голбец, спинку деревянной кровати, полочку и т.д. У председателя райсовета в с. Носково полон дом ампира. Меня удивило, что даже такие предметы, как полатный брус, причелины скамей, перегородки имеют ампирные золоченые окладки. Оказывается, он купил старый церковный иконостас и остроумно приспособил его части для украшения своего жилища.

Одно интересное наблюдение можно, кстати, отметить здесь. Нигде в другом месте края мне не приходилось видеть столько народной росписи. Сказался малярный отходий промысел. Опечик, голбец, посудник, филенчатый шкафчик, люлька и т.д. нередко расписаны цветами, вазами с цветком и птичкой, львами и проч. В одной деревне (Молочное Андреевской в.) имеются на воротах двора в четырех клеймах любопытные изображения львов и коней, а на двери крыльца фигура солдата с обнаженной шашкой с надписью: «Не ходи, зарублю». Встречается живопись, датированная: лев и виноград 1812 г. (в д. Молочное). Сюжет цветка с птичкой я встретил в д. Дубровка, в доме Д.В. Смирнова дата живописи 1821 г. В д. Григорово на шкафе ваза с цветами, исполненными желтыми, бледно-голубыми, коричневыми, белыми красками, и с птичкой имеет подпись: «1886 г.» Расписывал, как объяснили хозяева, Перцев А.И. из Завражья. В д. Фролове изображение льва на шкафе, дата 1818 г. Интересные расписанные дощечки 30-х годов от посудника и тябла мне подарил в д. Братилово Р.Т. Смирнов (в Костромском музее). С большим вкусом сделанную роспись крылечка я видел на доме Билибина в д. Оклесово.

Фото из личного фонда В.И. Смирнова.
ГАКО Ф.Р-550, оп. 1, л. 15.

В этой деревне мне удалось приобрести для музея целый резной фасад дома с подписью мастера, насчитывающей, по словам хозяев, 120-летний возраст. Помимо малярной профессии и независимо от помещичьего ампира, население хранит какие-то старинные художественные традиции...

* * *

«Заводопеешь ты у нас», — говорили мне в Юрине. Непрерывные дожди напоили до отказа луга и пашни. Везде хлюпает вода, непролазная грязь на дорогах. Я ходил босой, высоко засучившись.

Сижу в избе и записываю сказки, которые рассказывает за вязаньем веников больному горбатому мальчику девушка 17 лет. Одна за другой текут сказки про Василису Несчастную, про двух братьев, про то, как барин отелился.

«В одном городе жил-был барин с барыней. Жили богато. Барин ничего не работал, выспится, погуляет, поест и опять спать. Вот он все пил парное молоко и до чего сделался толстый...» Сказочница Лена почти неграмотная, сказки она слышала от отца, рассказывает их гладко, как по книге... Сказки в деревне почти везде еще найдешь. Мне называли нескольких известных здесь сказочников и особенно указывали на Никиту Тимофеев-

Фото из личного фонда В. И. Смирнова.
ГАКО Ф.Р-550, оп. 1, л. 14.

вича Котова из деревни Коломино. Я разыскал Н.Т.Котова. Он, печник-самоучка, перекладывал печку в бане. От него я узнал некоторые интересные сведения по части патрубка с опечка, кожуха, о том, как можно по-разному нарядить печку пиястрочками, членоками, и в щиточке устроить зеркальце, и т.д. Но сказок я от него не записал. Он был занят своим делом и очень высоким стилем выражал свои мысли, вроде того: «Из-за коммерческих долгов и войны вспыхнула», «был такой период, все сгорнисовались»... Вообще, я заметил, что при встрече с нами, городскими людьми, в деревне начинают говорить иногда не тем языком, который употребляют в разговоре между собою. Когда заговорят таким манером с вами, перевести человека на надлежащие рельсы бывает уже трудно.

Замечу, что Н.Т. Котов, как и подобает истинному артисту, а может быть, по другим причинам, начал отказываться: «Пустое говорят, что я сказочник». А потом обещал рассказать, когда будет посвободнее, закончив философски беседу: «Что ж, дни у нас не купленные, каждый день для нас подарок».

В том же Коломине гораздый был сказки рассказывать Александр Васильевич, по прозвищу «Барин». Одевался и вел себя, как барин, и

потешный был, как шут, чудить любил. Об этой фигуре надо было бы собрать более подробные сведения, так как это представляет интерес для выяснения творчества Н.А.Некрасова, который вывел, думаю, этого «Барина» в «Кому живется весело...»

Все Юрино и ряд окрестных деревень когда-то занимались своеобразным промыслом, ходили «по грушу». Забирали в Молвитине, в Буе или в Костроме пряники, конфекты («с морхотком»), семечки, иголки, булавки, кружево, тесемку, пояски, мыло, чай, сахар, постом веретена, членоки, прошвы и на это выменивали лен, щетину, шерсть и другой деревенский товар. Уезжали за сотни верст. В д. Сергеево Иван Афанасьевич и сейчас еще «грушечницает». Один ведерник из д. Конюхово рассказал мне сказку, в которой герой «ходит по грушу» с приговором, не оставляющим никакого сомнения в том, что некрасовский образ Якова взят из здешних мест.

Занимающиеся изучением творчества Некрасова, может быть, подробнее выяснят этот вопрос. Упомяну кстати, что Кашировы, владельцы Бочатина, упоминаются в той же поэме Некрасова «Зузенята с Каширятами»...

В Юрине «орут на самолетах» (пашут сохой), в д. Филюшино плугом, переделанным

Фото из личного фонда В. И. Смирнова.
ГАКО Ф.Р-550, оп. 1, л. 16.

Фото из личного фонда В. И. Смирнова.
ГАКО Ф.Р-550, оп. 1, л. 16.

на манер косули. В деревне придумали приделать к плугу приспособление, называемое решеткой, благодаря которой регулируется глубина вспашки. Другая особенность этого земледельческого орудия, что рычаг опилен и приделаны две ручки. Чаще, однако, здесь видишь косулю, которые делают в д. Сырневе.

* * *

Мне хочется посмотреть всю деревню, которую мы, городские, так мало знаем, заглянуть во все ее щели, в самую гущу. В Кокошине выбираю самую старенькую избу самого бедного крестьянина И.Ф.Соколова. Захожу. Дом, построенный 70 лет тому назад (двор глаголем), худой, с покривившимися полами. Куча оборванных хорошенъких ребят ревет хором. Едят сочни из ржаной муки, окуная их предварительно в общую чашку с молоком. Картошки нет, капусты нет, пшена нет, в лавке хлеба уже куплено 15 пудов, до нового еще понадобится 5 пудов, но муки трудно достать, кто имеет лишний хлеб, тот не продает или продает по высокой цене: «неподмоготно купить».

Земля «неродимая» здесь, и «окортомить» (арендовать) негде. Стройка: дом с двором и сараишкой. Амбара и овина своего нет. (Овины подлазком без печей). Телку придется продать, потому что сена не хватит. Кроме нее, на дворе лошадь и корова вся живность. Землеустройство еще не проходило здесь, и у него земли не вдоволь, по-старому, душа с четвертью. Подсобный промысел у него ведерный. «Ремесло наше наподобие мицшаво (нищее). А кто ево изобретал, и тому бы провалитца!» (промысел распространился на памяти, передавали, что его принес из Москвы некто Феофаныч). «Заработка десятку в две недели, издыхаем на чужой стороне, а все нет ничего, а доход на меня исчислили 500 р. Вот как у нас разбираются. Треплешься из года в год. Плотники лучше зарабатывают (в Вичуге по 5-6 руб. на день). Он домой от Пасхи за 8 недель принесет рублей 300-350. У нево домашность, а исчислят доходу столько же. Сейчас никому не охота быть богатым, все в бедные идем. Отстаиваем, которые за себя горлом...»

Последнее он пояснил таким образом: «Плотник бывает разный, который с «свершонки» (проценты) берет наподобие подрядчика. На собрании горлом врут (о своих доходах), а нас совесть убивает. Сказать быврешь».

Недоумеваешь, что может спасти положение, кроме коллективного хозяйства, о чем здесь тогда бедняцкая часть не слыхивала еще или не понимала.

Значительная часть населения, «есвенче», как сами они себя называют, хлебом не скучает. Но живут довольно грязно: вонь, тараны. Жалобы на то, что налоги большие – не заведи лишнюю корову. Бранят бедноту, переделы: бедняки, говорят, имели 2-3 десятины, и те были не обработаны. Что заработают шапками, то и пропьют. Рыло мокрое вот и бедняки. Если порвется наше хозяйство, деревня им держалась, хлеба не будет, пропадет и город, и деревня»... Одним словом, мотивы очень известные.

* * *

Очень интересные сведения по плотницкому промыслу и по архитектуре избы дал мне в этой деревне старик плотник Гордей Иваныч, ходивший работать и за Чухлому, и в Кострому, и к Середе. Из разговоров с такими специалистами для меня понемногу выясняется эволюция избы и двора в здешнем крае. Когда-то здесь сплошь строились дома и дворы под разными крышами («дом с разжелобком» или «дом под двумя конями»). Двурядная связь потом (по экономическим причинам) заменена была домом с двором под полой. Более зажиточная часть строит и развивает тип дома с двором сбоку. Двор сзади более позднее явление, объясняемое тем обстоятельством, что с ростом населения дворина становится меньше (по лицу 15 аршин).

* * *

Еще одно незабываемое воспоминание осталось у меня от д. Кокошино. Любезные хозяева, у которых я остановился на ночь, предложили мне по случаю субботы попариться в печи. Я проделал весь ритуал. Должен сказать, мыться в печи дело непростое. Нужен навык, большое

искусство. Сидишь в печи на соломке, согнувшись и памятуя, что разогнуться нельзя, что размахивать руками тоже нельзя, ударишься о свод или стены. С мылом, мочалкой и с водой действуешь ощупью: устье закрыто, и темно, как в душе грешника, лишь в углу (в задороге) светятся еще не затухшие угли. Чугун с горячей водой в печи и шайка с холодной на шестке, чтобы наполнить еще раз таз свежей чистой водой. Если печка хорошо вытоплена, можно произвольно повысить температуру до любых пределов, поддавая с веника водой на свод и стены. Несмотря на самую тщательную осторожность, я жестоко измазался в саже и вызвал самый искренний смех хозяина. Потом я «скакивался» во дворе чистой водой. Лошадь и корова равнодушно взирали на эту операцию. Когда я взошел в избу, так же равнодушно смотрела на меня хозяйка и, когда я одевался, делала замечания, что-то вроде того: «Какой ты худющий...»

* * *

Направляюсь через деревни в Железный Борок и везде встречаю что-нибудь любопытное, что оставляет след в моей записной книжке. Когда разговариваешься, расспросишь, окажется, каждый человек чем-нибудь да замечателен, что-нибудь да умеет делать: один умеет делать борону, другой клещи для хомута, третий может склеивать колесную железную втулку с перьями и врезать ее в ступицу. У всех здесь какое-нибудь ремесло. Некоторые знают по два и по три ремесла или что-то знают примечательное. Ребята расскажут, как по весне они «ходят сочать березу («сладко, жирно!»), едят кошачью ядель, песты» и т.д. ...

Хуже, когда народа не застанешь или почему-нибудь не заладится надлежащий подход.

В селе Павловском народ ушел в крестный ход, «моление по случаю червя, лет 30 назад истребившего здесь хлеба». Когда я усомнился в целесообразности такого препровождения времени, баба, у которой я пил молоко, сразу перестала быть разговорчивой, промолвив лишь: «Дураки и теперь уже не молятся, а умные почитают»...

В Дубровках все мужчины, справивши пашню, «ушли в плотники». Сел под окном, что-то зарисовываю. Слыши, в избе баба говорит про меня: «Вот, чего-то ходит по деревням, дома списывает, ему то ли надо заплатить, а с кого? Опять с нас». Брюхатые бабы, замазанные, с ребятишками, обступили меня. Спрашивают, не выдам ли с пособия. При таких условиях не так-то просто бывает развивать массовое краеведение. <...>

Примечания

1. Павел Михайлович Царев – краевед, с 1927 года директор Галичского музея.

2. Лидия Сергеевна Китицына – сотрудник этнографической станции КНО, жена В.И.Смирнова. Материалы Л.С.Китицыной об экспедиции см. ГАКО. Р-550. Оп. 1. Д. 123.

Публикуется в сокращении с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации. Материалы ГАКО. Фонд Р-550, оп. 1 (доп), д. 1-3.

Фото из личного фонда В. И. Смирнова.
ГАКО Ф.Р-550, оп. 1, л. 16.

Н. С. ГАНЦОВСКАЯ,
доктор филологических наук,
профессор КГУ

ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ ШАРЫНСКОГО РАЙОНА

Из материалов экспедиций 1960-х–1980-х годов

Шарынский район расположен на востоке Костромской области. Он окружен пятью районами Костромской области, на юге граничит с Ветлужским районом Нижегородской области; узкая полоса Поназыревского района отделяет его от Кировской области, Говоры Шарынского района, как и говоры близлежащих районов, – окающие. Это полное оканье, так как /о/ на месте безударных /о/ и /а/ звучит во всех безударных слогах слова: **молоко, ворот, городсково.**

Территория района велика, и говоры, обладая рядом общих черт, все же неоднородны. На северо-западе по особенностям они ближе к вологодским, на востоке – к вятским, а на юге – к нижегородским говорам.

Яркой приметой шарынских говоров является произношение /ц/ мягкого, что является старинной славянской чертой, а также смешение звуков /ц/ и /ч/, так называемое **цоканье** и **чоканье**, которые характеризуют архангельские, вологодские, кировские и восточные костромские говоры. В составленном в 1915 году членами Московской диалектологической комиссии Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» говоры современного Шарынского района относились к Вологодско-Вятской группе северновеликорусского наречия.

Кроме перечисленных выше черт, шарынские говоры характеризует также ряд следующих особенностей: наличие под ударением на месте литературного /е/ особого звука, близкого к /и/ или сливающегося с ним: **ись, здись, письни пить; еканье и ёканье**, т.е. произношение /е/ и /о/ на месте безударных

Нина Семеновна Ганцовская, профессор Костромского государственного университета, известный исследователь костромских диалектов и словарного богатства Костромского края, автор множества статей и книг на эту тему.

Первые записи костромской диалектной речи были сделаны ею в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда она под руководством преподавателя Костромского пединститута им. Н.А. Некрасова Г.З. Шкляра, заложившего основы картотеки будущего словаря костромских говоров, начала исследовать эту тему. Студенты и преподаватели выезжали тогда в разные районы Костромской области для сбора материалов для Диалектологического атласа русских народных говоров. В 1970-х годах возникла необходимость сбора диалектного материала на территории области для Общеславянского лингвистического атласа, и Н.С. Ганцовская постоянно выезжает в диалектологические экспедиции. А с конца 1980-х годов также вместе со студентами и преподавателями, теперь уже Костромского государственного университета, она работает по составлению общенационального Лексического атласа русских народных говоров. Экспедиционные материалы Н.С. Ганцовской публиковались в различных сборниках, отдельных изданиях и периодике.

В этой публикации представлены полевые экспедиционные записи конца 1970–1990-х годов XX века, где в форме наивных народных рассказов и мемуаров дается представление о подлинно народной речи Шарынского района.

гласных после мягких согласных: в **лесу, бегу, чесы** (возможно, **часы**), **пети** (возможно, пяти (еканье); отсутствие звука /й/ (йот) в окончаниях глаголов и прилагательных: **знаэт, молодада**; произношение /мм/ вместо /бм/, /нн/ вместо /дн/, /мн/ вместо /вн/, /с/ вместо /ст/ на конце слова: **омман, бенныи, дамно, радосъ**; склонение существительных с суффиксом -ушк- по типу склонения слов мужского-среднего рода: **дедушко, у дедушка, с дедушком** и др.; употребление после слова согласуемых частиц: **дом-от, жена-та, дочь-ту, избы-те**; использование формы местоимения 3 лица: оне, формы мн.ч.: **волосъя**, форм инфинитива типа: **пекчи, стерекчи**, а также форм типа: **пеком, пекош**; ударных окончаний глаголов 2 лица мн.ч.: **несетё, идитё**; распространение слов **квашня, квашонка, сковородник, ухват, озимъ, сугенная, берёжая** (жерёбая), **коровод, елоха, поветь** (повить), **баско, баской**.

В шарьинских говорах и до настоящего времени сохранилось много архаических явлений, уже ушедших из литературного языка и других костромских, более западных говоров, или же никогда в них не существовавших. Поэтому шарьинские говоры называют периферийными в отличие от более западных костромских говоров, говоров центрального типа.

Говоры центрального типа расположены тремя концентрическими кругами вокруг Москвы, в пределах бывшего Владимиро-Сузdalского княжества, на территории которого впоследствии и сложились основные особенности литературного языка. Заселение же земель Заветлужья, как и соседних северных и восточных регионов, было связано с новгородской экспансией; отсюда и такие типично старинно новгородские приметы шарьинских говоров, как **чоканье**, особое произношение звука /л/ как полумягкого согласного, так называемого европейского «л» в словах **голова, яблоко** и др.

Представление о говорах Шарьинского района дадут следующие диалектные тексты – современные записи говоров района.

«НЕ ТА НОНЬЦЕ МОЛОДЁШ ПОШЛА»

Не та ноньце молодёш-то пошла, не та. Веть вот как ранынэ-то было. По ноцям-то не шастали. А ежэли кака гулянка, дак фсё большэднём. Каждой, поцитай, празник отмичали. Веселья было! Допьяна-то ретко напивались. А мы, дефки, вовсе не пили, да и нельзя было, в строгости нас дёржали. А на игришшо-то соберёмся, и старухи, конечно, придут. Сядут и смотрят, кажду дефку опеудят. Во што одета, обута, как волосья зачёсаны. Не дай бох, ежэли какой волосок на голове выехал да размохнатился, опсмеют. Зато ту дефку хвалят, которая окуратна да статна, да пляшот бойко, да частушки поёт. А топере фсё не так. Песён по деревне не услышыши, а уш про гармошку и говорить нецёво, никто не умиёт. А уш как пляшут-то, и смех и грех. А уш ежэли наадуюцца, дак и веселья никаково нету. Нет, не ндравицца мне нонешна-то молодёш.

Записала Носачева Татьяна, студентка КГУ, в 1989 г. у Морозовой Лидии Яковлевны, 1914 г.р., с. Одоловское.

«ПОДНОСИЛИ КОРОВАЙ СВАДЕБНЫЙ»

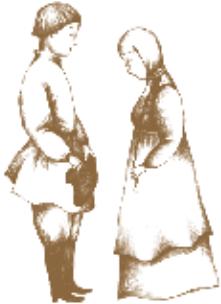
Сестра со свадьбой выходила: приежжал поес, за столом фее сидели, в церкофь венцяцься ездили. Подносили коровай свадебный, блюсловляли молодых. На хлеб клали соль, коровай оржаной. Ранынэ-то немного пшэнисного пекли. Пироги пекли, пряжё пекли на таганах, пирожки маленькие, булоцьки. Самогон раньше гонили. На пасху и пироги когда пекли, и наливышки. Картошками и творогом наливают. Пасху пекли сдобную, творили на сметане, делали крестик, узорчики, изюм клали.

Кресты пекли в Великое говинье, в Середу пекли кресты. Ходили сбирали кресты робятишка. Детки войдут в избу, споют, и им подают кресты. А они говорят: «Не реште, не ломайте, феё по целому давайте».

На поминки феё пекли, хорошо сбирали. И пиво варили

Записала Ганцовская Н.С. в 1994 г. у Нечаевой Марии Аркадьевны, 1912 г.р., в с. Троицком.

**«ПОЗНАКОМИЛИСЬ МЫ С МИТЬКОЙ
НА ВЕЧЁРКЕ СЕЛЬСКОЙ»**

Да што я могу типерича сказывать вам, много времечка ушло с той поры. Познакомились мы с Митькой на вечёрке сельской. Шыпко часто у нас вечёрки-то бывали. Раньше веть мы не так, как ноньче молодёш веселища, жили. Меня мама за околицу не пускала, пока не придела фсё по дому.

Выдеш на улицу, а там уш дефчата с гармонистом тибя поджыдают. Уйдём за диреуню да поём до ранней зорьки. Там-то и встретила Митьку свово. Был он в стареньком картузе, в сапогах оццовых, на гармонике хорошо умел играть, роботяшным быу, и не шыпко уздорным. Пока сенокос шол, мы часто с ним фстречалися за нашей хатой, штоп мамка не зави-дела. Весело было. Но скоро мамка не стала пускать нас с сестрой за ворота. Так мы сами убегали. Дождешая покудова фсе спать ляжут, навернёш поддубайки на ноги, сунёш ноги ф сапожышы да и вылезеш через окно в огорот. Завидела мамка моя как-то, што Миться меня до дому провожал, и начала наговаривать мне про нево: нашто он нужон-то тебе, такой никудышной. Неужто энта парней пригожых нет, веть у нево не рубахи, не штаноф баских нету. А мне фсё едино. Да и сусетки-тырындычихи покоя не давали, фсё кумекали про нас с Митькой. Рас подруга Клафка сказывала мне, што, мол, маманька балакала с Митькой-то про миня, а про што и не говорит. Я в ызбу, а мать-то и дверь на запор. Пошто тебе нужон такой? А я фсё едино – убегу! Тут мамка и скажы, что у Митьки друга дефчонка. Я сперва не поверила, а опосля-то ухо востро держать стала: кто чиво про нёво бает. На вечеринках фсё онна была, а опосля з братовьями ходила до дому. Идём, а в нас кто-то каменьями швыряет. Обернёшша – а и нету никово. Тут я и удумала, што энта Митька мой. Ну, а опосля фсё само разрешилось: оммонула меня Клафка-то, штоп с Мить-

кой не гуляла. Веть сама-то шыпко любила ево, Клафка-то. А была сама лутша подруга. Утопла, бенная. У нас лёт ишчо тонок был, а она и пошла через реку с санями, да и не поворотилась. Уш мне жалко было, хотя и наделала она мне вного худово. Зима прытка была.

Ну, а по весне сыграли у нас аш четыре свадепки. И я за Митьку выходила, и подруги в ноги замужними стали. И фсе весело жыли.

Записала Дурягина Ольга, студентка КГУ, в 1989 г. у Оленевой Таисии Андреевны, 1918 г.р., с. Рождественское.

«КАК ГУЛЯЛИ В ШУВИХЕ»

Были в каждой деревне вечерки. Из деревни в деревню ходили. Коло рождесва – съески. Сходились в одну диревню. Если в Шубихе съески, то подруги к дефкам ис Шашина на ниделю шли. И парни. На вечерках по избе кругом ходили и пили. Плесали двоечку, ветлушки – восьмеро девок. Бароньку – табуном. Цыганочьку. Было фсё интересно.

Если групповая драка – то диревня на диревню. Если мы идём в Шашино, то нас парни гонят, не пускают. Из-за девок одиночные драки были. Если у меня уводят, то я бью. В саму масленицу на лошадях катались. Лошеть нарежали. Дивок насадят. С гармошками. Нюра Кононова нашево табуна, Нина Перцева с Мещерихи. Был старшой, средней, млатшой табун.

Записано автором у Швецова Александра Ивановича, 1925 г.р., в д. Шубиха в 1990 г.

«ТАК ГУЛЯЛИ – ТАК СПАСУ НЕТ»

Так гуляли – так спасу нет. Полная деревня народу-то придёт. Сколько кавалероф-то было! Сопляки-то драцца сымуцца: фсякому сопливому фсё надо красивую. Раньше девушки в потставах бегали. Из других деревень ходили гулять: Михалиха, Курёхино. Письни пили. Идут в диревне, табун девок, поют. Идут в другой конец – пляшут. Фсё плесали да пили. Хорошо было ранышэ. Первый день гуляли

в Печёнкине, второй – в Филихе, третий – в Шубихе. Топеря Троица была, так никово диревней-то нет. Одна девушка была, так и ту родители продали. А мы дорогу загородили. Стали за руки фсе старушки. Оне вынесли нам преженцов, вина.

Или вот масленица была. Крук заводили старухи. Девушек остановляли. Письни пили: «Из-за леса да леса тёмново...». В святки нарежались да по женихам сопливым ходили. Шляпы соломенны, фсё обряжены лентами да цветами.

Бисетки раньше были. Фсё с самопрятками. А чужан-то сколько найдут! А если не пойдёш к жениху – за волосы на мос вытащат. Одиново было: ушли мы в Филиху, да робята нас отпустили. Да фсё кольями валяли.

Придёш с работы, и опять фсё сойдёмся, дефки и робята. Гуляем, деревня веть большая была. У нас в симье пять дивушёк было. Пришли сваты, просватали меня. По петнацать корчаг пива ставили. Перво зделают зговоры. Зговорёнка в чулане воёт, гости за столом. Сама-то радёшенька, а воет. Дифки за диньги письни пили, сваребные.

Я пришла к мужу, а ево маменька фсё: иди домой! Бутто я на бисетки. А куды мне ити? Не сравниш теперешнюю жысь.

Раньше убиства не было. Драчи-то были. Дикой знаэт, чево и дилили! Много было рибят и дивок. Успевали везде. И гуляли, и работали. Фсё прибирали. Штабы гот осталося нежжатое или некошоное? Топере безобразие.

Записано студентами у Беляевой Нины Ильиничны, 1905 г.р., в д. Шубиха в 1977 г.

«КАК ПИВО ВАРИЛИ, КВАС ДЕЛАЛИ»

Пиво-то теперь из свёклы варят. Из ржи делают солоду. Замоциш, чтобы он осолодел, росток подал. На пецыке высушыш, на мельнице смелют, али в ступе истолцёш. В корцягах заварят. Муку с мекиной перемешают, и в пецыку к ноце ставиш. Она устоицьца, осолодеет, и сцидиш в бак. Меу (мел) делала, это

для закваски, теперь уш дрожжи кладут. Пиво на хмелю. Раза два или три, а то одиново мало, подымецьца. Пена наверху сберёцыца, тогда и пей.

Для кваса сварю свёклу-ту в цигуне. Сольёш, накладёш песку, дрожжей. Зберёцыца слатко, хорошо. Две буханки можно, воды в кастрюлю, зобью, взопреёт, водёнку-то сольёш. Выкинет – вот и квас.

Раньше пиво изо ржы, ис солоду делали. Рош цистую помоцис, сутки или двое. Выце-пиш из воды. Росстилаешь на стол, на большой, толсто. Она штоб выросла, закроеш её ветошкой. И поглядывать надо, и помацивать. Может быть, и недилю. Выростёт, ростаскайт её. И её скласс на пецы. Полить горяченкой водёнкой, закрыть и накласть дроф или гнёт. Она побудёт сутки, угнетёцыца. Раsterебите и высушыте на пеци, токо помешывайте. Потом мелют в жорнове, потом ставят в пецы. Берут мекину, солот – и в корцягу. Сделайте как коровашек мекину с солодом. Пот покрышкой пехнёте в пецы. Она сделаецьца бурой (снацяла без мекины в пецы утром пехнёш). Потом с соломкой перемешай, разломает на кусоцьки и нальёш воды (или с лапками еловыми, поцяшшэ накладёш, чтобы дрын не проходил). Кипятком заливай, потом будеш спускать. И обратно залей водой, а третий рас – на квас.

А как спустит пиво, хмелю надо, штобы навеселить, дрожжэй немного. Горьковатей будет, если много хмелю положыш. Мужыки любят горько, про их второй и третий рас делают.

Со свёклой-то проишшэ. Только то, што надо её сухую клась. Сварить, выпарить (а то она бурая жывёт) – так-то она алая жывёт. Скипятит, неодиново скипятит. Красную жыдкось с песоцьком скипети. Опять дрожжэцек положыш. Зато с солодом полуцьце будет. .

Записала Ганцовская Н.С. в 1994 г. у Нечаевой Марии Аркадьевны, 1912 г.р., в с. Троицком.

С.Д. МАСАЛЕВА

ТРАДИЦИИ В НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ ВЕТЛУЖАН

Из материалов экспедиционного выезда
в Шарьинский район в 1976-1980 гг.

Для изучения материальной культуры сельского населения бывшей Костромской губернии сотрудниками Костромского музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» в 1970-е-1980-е годы был предпринят ряд выездов и экспедиций в Шарьинский район, в прошлом входивший в бывший Ветлужский уезд. Информация записывалась со слов жителей деревень, сел изучаемого района. На территории Ветлужского уезда носили из верхних одежд кафтаны, шубы, полушибки, а также и другие виды одежд, отличавшихся по названию, но схожих по покрою, материалу из которого их шили.

Село Рождественское

Группа крестьян:

«Зимней одеждой была кошуля, пониток, тяжёлка, кафтан. Их носили в холодное время года. Кошуля – это овчинная «оболочка» с «перехватом», сборами, длинная,

сверху покрытая крашениной домотканой – черной или синей. Пониток – ткань домотканая, тканая на ткацком домашнем станке. Основа – портяная, льняная, а уток шерстяной. Застежка на левом боку. С изнанки на «портяной» подкладке. Тяжёлка – по покрою такая же, как и кошуля. Сшита из домотканой крашениной ткани – основа портяная, уток – шерстяной. Носили шубы обязательно крытые сукном: черным или синим. Шилась как кафтан – длинная, со сборами. Праздничная шуба крылась покупным сукном.

Кафтан шили только из хорошего сукна на ситцевой подкладке. Женщины носили сарафан. У «славниц», т.е. богатых, сарафаны шелковые, шерстяные, ситцевые. Под сарафан надевали рубаху, снизу еще юбку с оборками, кружевами. На сарафан надевали пояс. На голову красивые платки различных цветов – розовые, бордовые, красные, а также шелковые платки с цветами».

Деревня Притыкино

Группа крестьян:

«Одежда называлась «портно». Шуба была обязательно. У зажиточной девушки обязательно был шелковый сарафан, атласный, шерстяной и тканый».

Экспозиция в Шарьинском краеведческом музее-филиале КГИАХМЗ.

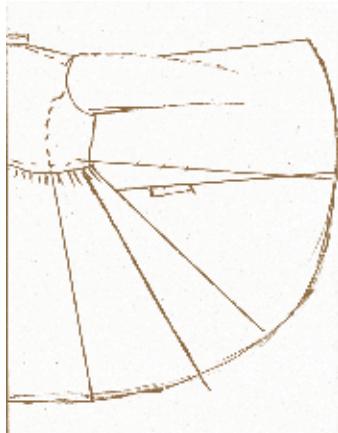
Кафтан. Распространённой верхней одеждой ветлужан в холодное время года был кафтан, шитый из сукна домашнего ткачества, черного и серого цвета. Иногда его мастерили из разных кусков ткани, если семья жила не в достатке. Почти все верхние одежды, даже шубы, полушубки, «покрывали» сверху холстом или сукном домашнего изготовления, а праздничные – фабричным.

Кафтан представлял собой распашную одежду с цельными передними полотнищами и отрезной спинкой по талии. Правая пола кафтана глубоко заходила на левую полу и плотно закрывала грудь.

Застежка находилась в верхней части кафтана – на груди от ворота до талии. Нижние полы кафтана были свободными, что не мешало ни при ходьбе, ни при работе.

Кафтан из деревни Притыкино Шарьинского района

Из шерстяной ткани домашнего ткачества коричневого цвета спинка кафтана с фигурным подкроем. Рукав втачной, с небольшим клином впереди и одним швом внизу. Ворот стойка с прямоугольным вырезом. Общая длина кафтана – 98 см, длина спинки – 36 см, длина рукава – 60 см, ширина воротника – 5.5 см

Зимой надевали овчинные полушубки, которые, как и кафтаны, покрывались холщовой тканью коричневого или черного цветов, так называемой «кращениной» – то есть покрашенной в домашних условиях. Часто для тепла на верхнюю одежду надевали дополнительную одежду – полукафтан. Это короткий кафтан, тоже распашной. В Костромской губернии он встречался в Ветлужском, а также в Кологривском, Юрьевецком и Кинешемском уездах. Шили его из шерстяной ткани домашнего ткачества. Полукафтан считался дополнительной верхней одеждой в холодное время года.

Пониток. Пониток – это верхняя будничная одежда, в основном рабочая, носили ее в холодное время года. Шили пониток из домашнего полусукна – «понитчины», когда в основе ткани проходила льняная нитка, а в «утке» – лен с шерстяной ниткой.

На голове носили круглые шапки из черного сукна или овчины с околышем, спереди – из овчины. На ногах были липовые лапти с онучами (портянками) домоткаными суконными белого цвета.

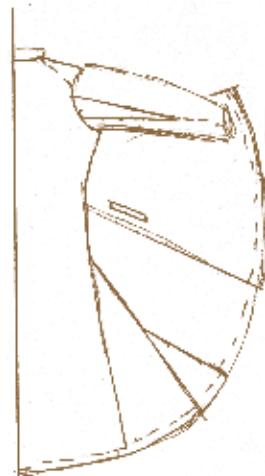
Пониток из дер. Слепниха Шарьинского района

Рукав понитка длинный, широкий, с клином в верхней части у плеча. С изнанки пониток на подкладке из домотканого серого льна.

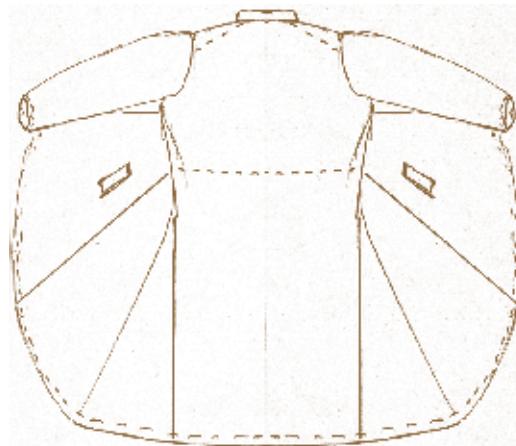
Сшит полностью на руках.

Застежка в верхней части понитка – у плеча на груди и у талии.

Длина – 105 см, ширина спинки – 40 см, длина клиньев – 90 и 65 см, длина рукава – 56 см, ширина клина у плеча – 8 см, длина 34 см.

Зипун из дер. Толшма Шарьинского района

Зипун окрашен в синий цвет, из ткани домашнего ткачества. Это распашная зимняя одежда с цельными передними полами и цельной спинкой. Между спинкой и передними полами вшиты клинья.

Праздничной одеждой ветлужан была шуба суконная – по покрою как кафтан – распашная, длинная, с запахом правой полы на левую, отрезная по талии и с «борами». Главное достоинство этой шубы – она покрыта сверху сукном, оно должно быть хорошее, т.е. покупное, а не домашнего изготовления. Шили легкие кафтаны из хорошего покупного сукна на ситцевой цветной подкладке. Такой кафтан носили только по праздникам.

Деревня Столбецкое

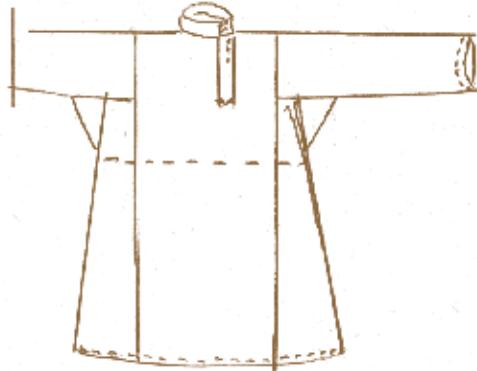
Тихомирова Ольга Алексеевна:

«...Одежду «за все» (будничную) вешали на мосту на стене – «оболочку» (тулуп суконный), кошулю с «подхвадцами» (со сборами). Мужчина рубаха изорвётся – на рукотерник, а новую «онучницу» постилали под испеченный хлеб на залавок». Интересно отметить, что всю одежду местное население называло «оболочка», говорили «оболокать», то есть надевать на себя одежду, «разболокаться» – раздеться. «Овчинной оболочкой» была названа зимняя одежда «кошуля», шитая из овчины «с перехватом» (отрезная по талии со сборками сзади), длинная, а сверху покрытая «кращениной» (черной или синей).

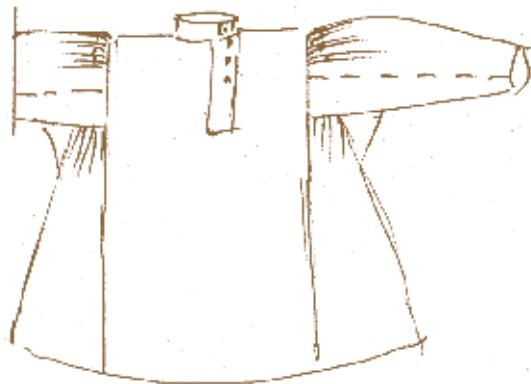
«Тяжелка» по покрою, как и «кошуля», – распашная, длинная, но сшита уже из ткани домашнего ткачества. У нее основа «портная» – льняная, а уток шерстяной, как у понитка. Верх тяжелки покрывали «кращениной». «Тяжелка», как и пониток, – рабочая одежда, в ней ездили в лес за дровами или перевозили какой-нибудь тяжелый груз.

Мужские рубахи. Под верхней одеждой мужчина носил рубаху, порты и обязательно пояс, который завязывали на левой стороне или посередине. Все мужские рубахи шили по древнему крою – туникообразного покроя из одного прямого полотнища ткани, перегнутого пополам по утку, одновременно образующего перед и спинку рубахи. Посредине перегнутого полотна делали разрез для головы косой разрез на левой стороне рубахи для приполка. Такая рубаха получила название «косоворотка».

Рубаха мужская праздничная из с. Троицкое Шарьинского района (местное название «кручёношная»)

Рубаха праздничная из дер. Аристиха Шарьинского района

Рукава у рубахи прямые с косым клином впереди. Широкий у плеча рукав иногда собирался в мелкую сборку – характерная деталь для мужских рубах этого района. К запястью рукав сужался и оставался свободным. Ворот – невысокая стойка, выкраивался из прямой полосы ткани, которую перегибали пополам. Застегивалась рубаха на пуговицы на прорезанные петли.

Основной тканью для пошива рубах было пестрядь, домотканая льняная ткань в мелкую клеточку или узкую полосу. Основное сочетание ниток красного, синего, белого цветов, иногда прокидывается нить жёлтого цвета. Основной фон красный, на нём прокидывались нитки синего, белого цвета, образуя клетку.

Деревня Филатиха Шарьинского района

*Быстрова Августа Платоновна,
1904 года рождения:*

«Ходили в портняном, вся одежда была портняная. Носили кофты «суровые», их вышивали «веревочкой» (тамбур) и крестом двойным маленьkim. Рубахи шили с «наставой» (подстава) и без наставы, такая рубаха называлась «вороток» или «крученошная» (по названию ткани, из которой шили рубаху из пестряди, так называли пестряди, тканую из льняной с хлопчатобумажной ниткой в утке и льняной в основе). Рукава у рубахи были длинные, широкие, внизу с «перерукавышом» и «грибком».

С изнанки рубаха обязательно подшивалась серым неотбеленным домашним холстом для тепла, чтобы носилась дольше. Изношенная мужская рубаха часто использовалась для пеленок.

Праздничные рубахи шили из фабричной яркой однотонной ткани жёлтого, малинового цветов, они обязательно украшались вышивкой на вороте, по приполку и краям рукавов. Под рубаху надевали порты, которые шили из белой льняной домотканой ткани, на них в холодное время года надевали верхние порты из более гру-

бого домотканого холста синего цвета в узкую белую полоску. Все новые одежды вначале использовались как праздничные, в них ходили в гости, принимали гостей. По мере изношенностии они переходили в разряд будничных.

Женские рубахи. Основу женского костюма составляла рубаха, на которую надевался сарафан, подпоясывался поясом, и завершал – головной убор.

Рубаха кроилась по определенной схеме, которая была известна на Руси в XVI – XVII веках, определились ее основные части – это ее стан и рукава. Все детали рубах и кроились из разновеликих прямоугольных кусков ткани, клин кроился разрезанием куска по диагонали. Это был очень практичный крой, при котором не оставалось ни одного кусочка ткани, а если и оставались, то их не выбрасывали. Все одежды шились на руках. Не у каждой семьи была швейная машина – в прошлом очень дорогое удовольствие. Навык шитья одежды на руках идет из глубины веков, передавался он из поколения в поколение. Легкую одежду шили жен-

щины, верхнюю из грубых тканей – мужчины, которые принимали заказы на дому. А некоторые из них собирали заказы по деревням и даже ездили в другие уезды шить одежду.

Сложилось два типа женских рубах: цельная и составная. Цельную рубаху шили из одного куска ткани от ворота и на всю ее длину. А составную – из двух отдельных разных по качеству кусков ткани. Состояла она из верхней, с рукавами, и нижней – подол рубахи. Каждая часть рубахи имела свое название, характерное для той местности, где ее шили и носили.

Самое большое распространение в каждом уезде губернии получила составная рубаха. В Ветлужском уезде составная рубаха получила название «воротушка» по ее верхней части. Определяющей частью в названии рубахи являлся ворот. А было и название рубахи – «рукава» (по рукавам).

Основной стан «воротушки» шили из трех одинаковых по длине и ширине кусков ткани, соединенных между собой. Воротушка шилась с прямыми «поликами» (полики – широкие полосы ткани прямоугольной формы, соединяющие спинку и грудку рубахи на плечах). Ворот рубахи был округлым, собранный в очень мелкую сборку и обшитый узкой полоской этой же ткани, из которой шилась рубаха. Под воротом делался разрез для более удобного одевания рубахи. Вверху, по краям ворота, пришивалась пуговица, которая застегивалась на прорезную петлю.

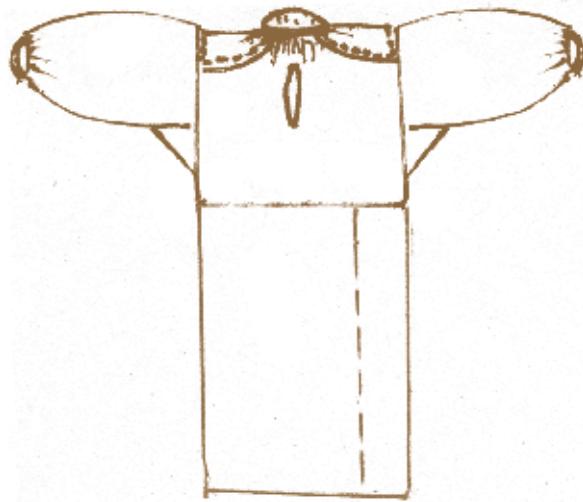
Рукава рубахи шились из полутора кусков ткани, при этом крою учитывалась небольшая ширина ткани – 40–44 см. Рукав кроился не длинным – за локоть. Край рукава собирался в сборку, которая по лицевой стороне закрывалась полоской этой же ткани, а иногда и однотонной – белым или красным ситцем. Оставшаяся ткань рукава выпускалась, образуя оборку, которая повсеместно называлась «гриб». Иногда такую рубаху называли по рукаву – рубаха с «грибом». Нашитую на рукав полоску украшали вышивкой – мелким крестом, в основном цветочным орнаментом. Такая нашивка на рукава называлась «перерукавыш» – рукав с «перерукавышем».

Рубахи шились из домотканой пестряди в мелкую клетку. Основной фон – красный. Праздничные рубахи шились также из пестрядиной ткани домашнего изготовления, но в уток (поперечная нитка) добавляли хлопчатобумажную нитку, которую скручивали с льняной. Такая нить получила название «крученосная», и рубаха соответствовала названию нити – «крученосная».

Нижняя часть рубахи – «становина» – шилась из однотонного белого неотбеленного льняного холста ткани. По выработке она была грубее и толще, дольше носилась, и в такой рубахе было теплее. Состояла «становина» из трех кусков, длина ее была 60–64 см.

«Женская рубаха шилась с широкими рукавами без манжет. Ворот круглый, собран на сборку, а внизу подшивается «наставка». В домотканой одежде ходили до 40–50-х годов».

Праздничная женская составная рубаха из села Троицкого Шарьинского района

Сарафаны. На рубаху надевался сарафан. Сарафан был сложным видом одежды, имел разнообразные типы кроя. На территории Ветлужского уезда во второй половине XIX века – первой четверти XX века был распространен сарафан прямой из прямых полос ткани, который называли «круглый сарафан». При покрое такого сарафана передние полотнища – одно или два – кроились длиннее боковых и задних,

образовывая, таким образом, грудку сарафана. Такой сарафан назывался «сарафан с грудкой». На один сарафан женщина расходовала от 5 до 6 полос ткани, полоса ткани колебалась от 90 до 105 см в длину.

Пошив такого сарафана заключался в следующем: сшитые между собой полосы ткани собирались в мелкую сборку. Сборка сосредотачивалась на боковых и задних полотнищах, фиксировалась в несколько рядов, от 2 до 5, прошитых ниткой. При такой сборке ткань не топорщилась, она плотно лежала на спинке. Передние полотнища не всегда собирались в сборку, а если и собирались, то очень редкую. Юбку сарафана сажали на лямки, так называемые проймы. Передние кроились раздельно по

ширине груди, на спинке вместе. Застежка сарафана – на один большой крючок всегда находилась на левой стороне. Шили сарафаны из пестрядиной ткани в клетку. Основной фон – красный. Клетка разная – от мелкой до крупной, от простой до сложной, образована пересечением нитей основы с нитями утка – синего, черного; красного, синего, белого, серого; часто была клетка по красному из синего, красного, ярко-желтого цветов. Иногда фон сарафана ткался белым и на нем ткали клетку из ниток красного цвета. При добавлении уток хлопчатобумажной нитки сарафан получал название «крученощник» и относился к разряду праздничных сарафанов. Праздничные сарафаны шили из домотканой шерсти домашнего изготовления, окрашенной в малиновый цвет. Для праздничных сарафанов покупали ситцевые ткани с ярким мелким растительным орнаментом из ягод, цветов, листьев. Такие сарафаны назывались «ситцевик», из шерстяной ткани – «шерстяник», из шелковой – «шелковик». На подол сарафана нашивали в два – три ряда неширокие полосы разноцветной ткани, по краю подола пришивали широкую оборку, волан, называемый «грибом».

На праздничные сарафаны надевали праздничные передники, ношение которых было обязательным, как и поясов.

Филатиха

Старожилы деревни:

«Сарафан шили из 4-х полотнищ, подпоясывали «поясьями» – поясами. Они были шелковые, шерстяные, портняные – завязка на боку. Ткали «повязки» – пояса на специальных «навойчиках» – трубочках для тканья поясов (трубочки из бересты или деревянные, а внутри полые). При тканье на поясах выбирали узоры, имена. Гулять ходили в коленкоровых белых рубахах с сарафанами. Сарафаны назывались по ткани, из которых они были сшиты: шерстяники – красные, бурые, гарусники из гаруса – серые, канифасные – из бурого канифаса. На гарусные сарафаны надевали пояс, плетенный на коклюшках из черных ниток, «черный плетень».

Село Троицкое Шарьинского района

Свистова Аполлинария Ивановна,
1918 года рождения:

«Носили крученые сарафаны-рубахи. Сарафаны подпоясывали поясами и надевали поверх фартуков. Фартуки были алые и красные. Их нужно было обязательно носить как пояса».

Деревня Колесиха

Ельцова Мария Дмитриевна, 79 лет:

«Плела кружева на коклюшках на бубнах. Шелковые сарафаны подпоясывали шелковыми поясами с кистями. Шерстяной сарафан подпоясывали бумажным поясом из катушечных ниток, который назывался «головня». Пояса подпоясывали по талии и завязывали на левом боку на два узла. Шелковые сарафаны носили только по большим праздникам. В косу девушка «славница» на выданье вплетала разные ленты и распускала их до подола. На голову надевала батистовый платок с каемочкой. Надевала рубаху белую, сарафан алый, фартук белый коленкоровый, пояс шелковый с большими кистями до подола, бусы белые на шею, к каждому сарафану фартук. Рубаха была белая коленкоровая, рукава с «перерукавышками», с «грибами». Кружева на рукавах купленные».

Деревня Старое Шангское

Рябинова Александра Дмитриевна,
1900 года рождения:

«...В будние все носили портняжное. Сарафаны «пестрые из пестряди в клетку». Рубахи «пестрые» в мелкую клетку. На голову обязательно платочек, любили покрупнее, у кого какой был, тот и носили».

Вся крестьянская одежда с древних времен кроилась по выработанной веками определённой схеме, передаваемой от матери к дочери из рода в род, из поколения в поколение. Вся одежда шилась на руках, женщина в совершенстве владела всей техникой ручного шитья. Лёгкую одежду: рубахи, сарафаны, порты и т. п. – шили

женщины, а пошивом одежд из толстых, грубых тканей, меха занимались портные-мужчины.

До сих пор сохранилось строгое разделение народной одежды на праздничную и будничную. Сохраняются в каждом районе и некоторые особенности традиционного костюма, связанные с верованиями, обычаями; свадебными, погребальными, трудовыми обрядами прошлого. Однако теперь по костюму уже трудно определить, к какой социальной группе населения относится человек. Проникновение в деревню городской моды, миграция сельского населения, промышленное производство тканей и одежды во многом повлияло на размывание традиций и обычаяев сельского уклада, в том числе и в народной одежде.

Несмотря на реформы Петра I об изъятии традиционного русского костюма из жизни россиян, он продолжал жить в среде крестьян, мещан, купцов в провинциальных городах вплоть до начала XX века и сохранил основные черты древнерусского костюма: оставался широким, длиннополым, многослойным, состоящим из нескольких одежд, одеваемых друг на друга одновременно.

В настоящее время мы используем совсем другие одежды, не те, что носили наши предки. Исчезли из нашего быта сарафаны, рубахи, кафтаны, кокошники, которые когда-то носили и хранили в сундуках как приданое. В настоящее время мы можем увидеть их только в музеях, где они бережно хранятся, или как семейные реликвии жителей костромской глубинки.

Примечания

¹ Экспедиционные материалы сотрудников Костромского историко-архитектурного музея-заповедника 1960–1980 гг. Шарьинский р-он. Рукописные материалы, копия. Архив автора.

² Там же

По экспедиционным материалам в Шарьинский район Костромской области 1970-х–1980-х годов.

По Материалам экспедиции автора в Шарьинский район. 1981 год.

Тенишев В. Н. Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы. Материалы этнографического бюро В.Н. Тенишева. – СПб. 2004 г. Т. I. С. 90.

О.В.РУМЯНЦЕВА,
кандидат культурологии, доцент КГУ,
старший научный сотрудник
Музея-заповедника «Костромская слобода».

ГОРШЕЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ШАРЫНСКОМ РАЙОНЕ ИЗ АРХИВА ЭКСПЕДИЦИИ 1974 года

В сентябре 1974 года силами сотрудников Костромского историко-архитектурного музея-заповедника была осуществлена экспедиция в Шарынский район (бывший Ветлужский уезд) Костромской области, во время которой исследованы деревни и села Троицкого, Одоевского, Марутинского и Ивановского сельских советов. Целью предпринятой экспедиции стало изучение гончарного (горшечного) промысла. Экспедиционные материалы сохранились в виде собранных артефактов, фотографий и дневниковых записей. [1]

Централами горшечного промысла в Шарынском районе считались деревни Анохино, Трушиха, Волчиха, Кузино, Колесовка, У половничиха. Некоторые из них в 1974 году еще существовали. Колесовка Ивановского сельсовета на момент экспедиции состояла из сорок шести дворов, горшечным промыслом занимались пять человек. В феврале 1974 года в возрасте девяноста четырех лет умер один из последних горшечников Назаров Назар Матвеевич. Его сын Матвей Назарович, которому на тот момент было семьдесят два года, поделился с исследователями воспоминаниями о промысле своего отца, который он прекрасно знал, но сам уже им не занимался.

В Колесовке издавна жили кирпичники, красильщики, горшечники. Лесом, который в изобилии растет в Поветлужье, там не занимались¹. Промысел горшечников и кирпичников обусловлен значительными месторождениями глины. Залежи синей глины, которая в основном использовалась и которой отдавали предпочтение, находились недалеко от деревни.

Синяя глина более однородная и обладает более клейкими свойствами. Заступами и железными лопатами осторожно, чтобы не попал сор, копали яму глубиной шесть метров и диаметром два метра, доставали глину комками или прямоугольными кусками величиной с ведро. Старались накопать сразу на весь сезон. Сырье укладывали в небольшой, на пять венцов срубник, устланный полом и покрытый тесом, чтобы не попадала вода.

Перед изготовлением посуды глину (комков пять – шесть) приносили в избу, укладывали в кути² и оставляли на ночь. За ночь она оттаивала, и ее мяли ногами, пока она не становилась мягкой и однородной (в течение примерно двух часов). Когда глину мяли, добавляли десятую часть песка, но, если будущими изделиями были кринки, то песка добавляли меньше.

Гончарный круг (обычно его называли просто круг) устанавливали в кути, поближе к окну, заранее подготовив необходимые инструменты:
– трепало деревянное (в виде деревянного ножа);
– помазуха (суровая льняная тряпочка);
– черепеня с водой.

Работать начинали с раннего утра. Перед началом работы суровой льняной ниткой от основного куска глины отделяли необходимые кусочки. Величина их зависела от будущего изделия. Мочили помазуху и глину. В Шарынском районе чаще всего использовалась техника налепа. Чтобы изделия легче снимались с круга, на круг перед работой насыпали красный песок. Снимали горшок с круга руками, подрезая дно суровой льняной ниткой.

После формировки изделий их просушивали на специальных полках внутри избы, ставили на дно и сушили примерно двое суток. После просушки – смазывали тонким слоем дегтя и посыпали свинцом, превращенным в пеплообразную массу. Через двое суток посуду закладывали в печь на ночь, утром вынимали, чтобы пропарить печь, а к вечеру снова ставили. Когда изделия расставляли в печи для обжига (до пяти – шести десятков за один раз), жар усиливался постепенно, чтобы они не лопнули. В Ветлужском уезде печи были большие. Так как бань в деревнях этого уезда было мало, печи выполняли их функцию, в них мылись, два человека внутри помещались свободно.³ Чтобы было больше жару, использовали большие, длиной до одного метра, березовые поленья. Дров уходило много, за один раз сжигали столько, что можно было пропарить печь для обогрева дома пять раз.

В печь горшки укладывали следующим образом: нижний ряд ставили на дно, остальные переворачивали, и так закладывали доверху. Когда изделия раскалятся докрасна, их вынимали с помощью палки. С ее же помощью горшки поворачивали внутри печи. Вынутую раскаленную посуду ставили в специальное деревянное, изготовленное из ели корыто, наполненное водой. Его устанавливали вдоль кухни к устью печи. С одного края под корыто подкладывали полено. Размеры корыта примерно следующие: длина – 1,5 м, ширина – 0,8 м, глубина – 0,4-0,5 м. Снятый раскаленный горшок мастер ставил в корыто, крутил, а помощник (часто женщина или дети) поливали водой. В воду для обливания добавляли две – три горсти овсяной или ячменной муки. Затем изделие помещали на специальные доски, установленные здесь же в чулане (на кухне).

В день делали примерно двадцать корчаг⁴, пятьдесят кринок⁵, сто плошек. Кринки, черепени, подойницы украшали суриком, корчаги – нет. Товар ездили продавать в Троицкое или Рождественское, возили даже в Ветлугу. Когда отправлялись на базар, горшки, чтобы не побились, обкладывали сеном. Корчагу продавали примерно за шестьдесят копеек, кринку – за пять⁶. Посуду покупали в основном жители окружающих сел и деревень.

Горшечный промысел хорошо обеспечивал семью, про гончарное ремесло говорили «работа грязная, но денежная». В семье горшечника могли позволить держать двух лошадей (причем кормить их овсом), до пяти коров, а также овец и поросят. Избы были просторные, в них специально клали большие печи. По рассказам М.Н. Назарова, когда хозяин принимался за работу, его жена обычно садилась рядом с прядкой и пела песни.

Житель деревни Медведица Троицкого сельсовета Иван Александрович Шиндяков (1900 года рождения) рассказывал о том, что горшечный промысел существовал в этих местах издавна, но основным занятием как и везде оставалось земледелие, несмотря на не очень благоприятные для этого условия. Недалеко от села Троицкого был так называемый Горшечный Лог, где и добывали глину. И.А. Шиндяков особо отмечал высокое качество синей глины.

Глину, количеством примерно до десяти возов, заготавливали осенью по мелкому снегу сразу на всю зиму. Сырье привозили к дому и закрывали «постилахой», предохраняя от высыхания. Специальных приспособлений для хранения глины, как это было в Колесовке, не было. На ночь замешивали такое количество сырья, чтобы его можно было использовать за день. Глину месили ногами.⁷

С круга изделие снимали руками и сушили на специальных полках до пяти суток. Посуду внутри обмазывали тонким слоем дегтя, затем – суриком и ставили обжигать в печь. По словам И.А. Шендейкова, печь топили очень жарко, чтобы изделие раскалилось докрасна.

Обжигали горшки в печи в избе. Однако в некоторых деревнях, например, в У половничихе, для обжига горшков ставили специальные горны. В день делалось до пятидесяти горшков, двадцати корчаг или ста плошек (в них жарили картофель или делали «яишину»). В основном глазировались кринки и плошки.

Продавали горшки на сельских базарах в Троицком, Одоевском, Рождественском в любое время года. К праздникам особым спросом пользовались корчаги для пива. В ассортимент также входили кувшины, опарницы, цветочницы, подойницы, топники для масла. Иногда готовые изделия не продавали, а обменивали на зерно, так как хлеб был дорогим. Чаще всего гончарным ремеслом занимался хозяин дома. Крестьяне с уважением относились к горшечникам. Горшечники здесь тоже жили довольно зажиточно: например, у каждого была своя лошадь. После революции горшечный промысел был распространен до 1930-1940-х годов.

Житель деревни У половничиха Марутинского сельсовета Николай Афанасьевич Алексеев (в 1974 г. ему было шестьдесят четыре года) рассказывал о том, что горшечным промыслом занималась вся деревня, состоявшая из тридцати дворов. Однако главным занятием все же было земледелие. Подсобным промыслом здесь так же занимался хозяин. Сыновья помогали ему: копали и мели глину.⁸ Работали только в свободное от сельскохозяйственных работ время года. Глину брали с Колесовки и Барского поля.⁹

На корчаги шла синяя глина, а на горшки и плошки, которые будут красить, желтая, добываемая в Рогачихе. Н.А. Алексеев приводит несколько иные сведения о заготовке сырья, чем И.А. Шендейков: специальной очень толстой железной лопатой копали яму до пяти метров глубиной и прямоугольниками в тридцать сантиметров; заготавливали глину зимой сразу после Нового года, вывозили до тридцати возов на лошадях и сваливали около дома, ничем не покрывая.

Технология окраски приводится такая же: сначала обмазывали внутреннюю поверхность кринки дегтем, затем суриком. Снаружи изделие в основном украшали свинцом, пережженным до состояния порошка. Высохшую посуду обмазывали дегтем, обсыпали свинцовым порошком и калили в печи. Первый ряд изделий ставили на донышко, все остальные – на горлышко.

В избу приносили до десяти кусков глины, ее крошили руками, мочили водой и мяли босиком около двух часов. В глину добавляли красный песок по ведру на десять кубов. Затем формировали два комка и оставляли в избе. От общего комка суровой льняной нитью отделяли небольшие куски в 20–30 см. Весь процесс работы происходил в кути, где находился гончарный круг. Сначала брали в руки небольшой комочек глины, клали его на круг, разбивали, поворачивали круг, деревянным ножом обрезали лишние края и методом налепа, срезая лишнюю глину, формировали изделие в виде прямоугольника. Рукой выводили округлость (пузо) и, повернув круг, с помощью мокрой тряпки формировали горлышко.

Снимали изделие с круга руками и ниткой и ставили на сутки сушить на полицы,¹⁰ затем калили в печи, которую сильно протапливали. В У половничихе помимо печей, обжиг изделий производили в специальных горнах.¹¹ Однако к 1974 году в деревне ни одного горна не оставалось. Горны были кирпичные, примерно на триста пятьдесят изделий. Печь находилась внутри деревянного сруба. Пространство между срубом и печью во избежание пожара засыпали песком. Выкладывали кирпичом только взвод, кирпич укладывали в пласт, из него же выкладывали чело, пода не было. Внутри горна прямо на земле рядами раскладывались кирпичи в шахматном порядке. Изделия укладывались на кирпичи, нижний ряд горлышками кверху, остальные – «на опрокидку» с определенным интервалом друг от друга. Когда горн заполняли, вся верхняя часть плотно обкладывалась битым черепьем, чтобы не было охлаждения. При обжиге изделий сначала подкуривалось в челе (шел подогрев). Затем постепенно повышалась температура внутри горна, горящие дрова «подпускали в задороги» (налево и направо). Когда плескали воду в чело на первые кирпичи, и она скатывалась «горошком», тогда усиливали огонь в передней части горна. Когда ближние изделия начинали краснеть, огонь подпускали по всей печи. Изделия калились в печи часов восемь.

Процесс обжига в печи происходил следующим образом. В печь посередине клади два больших еловых полена (подкладухи). Дрова укладывали поперек и закладывали не полностью. По сторонам (в задороги) и в задней части печи укладывали посуду, а дрова – ближе к устью.

В печи посуда калилась докрасна около четырех часов. Большую деревянную палку просовывали внутрь изделия и доставали изделие из печи. Быстро ставили в деревянное корыто (в длину не более метра, ширину – 70 см, глубину – 30-40 см), которое стояло тут же в чулане. В него наливали воду, добавляя

около горсти муки, чтобы вода помутнела. С помощью этого приема изделие получало красивый цвет. Без муки посуда выходила черной и непривлекательной.

Иногда брали березовый веник с листьями и хлопали по изделию, чтобы оно было красивой пегой окраски. Когда посуду таким образом обмоют, ее ставили на пол остывать. «Купали» изделие обычно двое: мужчина крутил, а женщина поливала водой. На просушку горшки помещали на полки в избе, ставили на дно.

Для работы гончар использовал следующие инструменты: круг ручной, ножик деревянный, черепеня с водой, помазуха с портняжной тряпицы. На изготовление кринки уходило десять минут, корчаги – двадцать пять минут, опарницы и кувшина – двадцать пять минут. За день изготавливали примерно по двадцать пять кринок, двадцать корчаг.

Продавать изделия возили в Одоевское, Шарью и даже Мантурово, где они пользовались большим спросом. Горшечники и здесь жили довольно зажиточно. Несмотря на это, девушки неохотно шли за них замуж, так как в избе из-за глины было грязно и приходилось помогать в тяжелой работе: привозить и месить глину.

Житель деревни У половничих Геннадий Константинович Малышев отмечал, что для более привлекательного вида посуду украшали свинцом (чаще) или суриком (реже). Свинец, как и везде, пережигали до состояния порошка, охлаждали и просеивали. Пережженный он приобретал зеленый цвет.

Если изделию с нанесенным на него свинцовым порошком дать охладится постепенно, то оно станет красным. Если же изделие вынуть из горна раскаленным, то – зеленым. При обжиге горшка в печи красили

не полностью, так как для этого требовалась очень большая температура.

Таким образом, основные приемы работы с глиной и процесс изготовления гончарных изделий в разных деревнях Шарьинского района не сильно отличались друг от друга. Центры сбыта также были одни. Основное отличие заключалось в том, где обжигали изделия: в печи в избе или в специальных горнах на окраине деревни. Чем вызвано это различие, трудно сказать. Скорее всего, уровнем зажиточности мастера: мог ли он позволить себе поставить специальный горн или нет. Популярность же данного ремесла в деревнях определялась, по всей видимости, близостью расположения глиняных месторождений и степенью востребованности гончарных изделий.

**Пример укладки
изделий в печи.
КГИАХМЗ – КАЭМ
нв-888/2, № 7.**

Примечания

¹ Сейчас весь Шарьинский район живет в основном за счет рубки леса.

² При входе в избу.

³ Помню, как однажды ребенком меня мыли в печи, когда мы приезжали в бабушке в деревню Завражье Одоевского сельсовета.

⁴ Корчага – крупный сосуд с довольно большим диаметром окружности на уровне плечиков и сравнительно узким дном-основанием. Использовали обычно для пива или вина.

⁵ Кринка – глиняный сосуд объемом около литра, в который обычно наливали молоко. Бывают разной конфигурации.

⁶ Не совсем понятно, о ценах какого времени идет речь. Вероятно, 1950-60-е годы.

⁷ Информатор упоминал, что на ноги надевали лапти.

⁸ Н.А.Алексеев приводит сведения, что у них глину мяли босиком.

⁹ Это название до сих пор бытует в деревнях Троицкого, Рождественского и Одоевского сельсоветов. Вероятно, это когда-то действительно было помещичье поле.

¹⁰ Полки.

¹¹ Житель деревни Красная Горка Шабалов Яков Дмитриевич (82 года), бывший печник, отмечал, что горны стояли примерно в пятистах метрах от дома или в самом конце усадьбы. Печи в избах, которые использовали для обжига глиняной посуды, были довольно объемными. Печь имела два чела, одно из них большое, укладываемое в шесть кирпичей в пласт.

Использованные источники

Материалы экспедиции в Шарьинский район: тетрадь рассказов, записанных в Шарьинском районе Костромской области в сентябре месяце 1974 года. Записывала научный сотрудник Масалева С.Д. / КАЭМ нв-888/1.

Сканированные фотографии из архива КГИАХМЗ / КАЭМ нв-888/2.

Масалева С.Д. Костромская глина. Гончарный промысел Костромского края. Конец XIX – начало XX вв. – Кострома : Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», 2013. – 68 с.: ил.

Участники экспедиционного выезда в сёла Шарьинского района, июль 2017 г.

С.А. ПИЛЯК,
архитектор, заместитель директора музея-
заповедника «Костромская слобода»

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА Сер. XIX-первая пол. XX веков

Традиции деревянной архитектуры, характерные для Костромского края, являются результатом работы многих поколений плотников по созданию комфортной среды. Традиции деревянного домостроительства трансформируются вслед за меняющимися социально-экономическими и более стабильными природными условиями. Жилой дом – наиболее динамично меняющийся тип сооружения. Наиболее близкое человеку здание, жилой дом, отчетливо транслирует национальные и исторические особенности архитектуры. Перелом социально-экономического положения конца XIX- первой

половины XX веков, естественно, вызвал ряд системных изменений структуры дома. Немалую роль в этом сыграло и изменение формы хозяйствования – от индивидуальной к коллективной. Выявленные в ходе экспедиции 2017 года сооружения, в большинстве публикуемые впервые, позволяют проанализировать и проиллюстрировать процесс изменения структуры дома на примере застройки городов и сел Шарьинского района. Несколько домов, которые удалось обследовать более детально, представляют картину трансформации традиционного жилища на протяжении второй половины XIX–середины XX века.

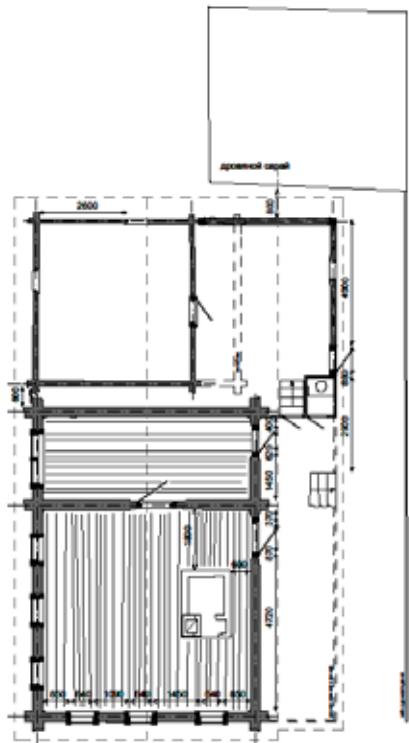
Древнейшим памятником жилой архитектуры, связанным с территорией Шарьинского района и сохранившимся в подлиннике, следует признать дом Ципелевой, перенесенный из деревни Аристиха Троицкого с/п на территорию Костромского музея деревянного зодчества. Памятник датирован серединой XIX века¹. Преобладающим типом планировки жилого дома,

Дом Орловых. Северо-восточный фасад.

Дом Орловых. Главный фасад.

План основного этажа.

в разных формах сохранившейся до недавнего времени, является традиционный для Центральной России тип двухсрубной избы. Таким примером является и дом Ципелевой. К зимней избе дома примыкает мост с летней горницей. В помещении моста выгорожен чулан. С восточной стороны к жилым объемам примыкает небольшой хозяйственный двор с двумя хлевами. Более крупный хозяйственный двор, ранее существовавший к северу от дома, не был восстановлен в ходе реставрации 1970-1977 годов.

Дом Орловых в селе Троицком представляет пример жилища зажиточного крестьянина. Дом поставлен вблизи культового центра – существующей Воскресенской и утраченной в настоящее время Троицкой церквей и нарядным боковым северо-восточным фасадом обращен в сторону храмов.

Состав помещений дома традиционен. Жилой пятистенок, объединяющий квадратную в плане избу и вытянутую летнюю горницу, дополнен самостоятельным срубом двухъярусного хозяйственного двора. В настоящее время в продолжение вытянутого дома-двора поставлен дровяник каркасной конструкции. С юго-западной стороны к дому примыкают остатки сеней с верандой.

Пятистенок и хозяйственный двор покрыты самостоятельными двускатными щеповыми кровлями. Стены жилого пятистенка изнутри отесаны «в лас». В избе сохранился невысокий брускатый опечек, опирающийся на четыре массивных деревянных столба.

Летняя горница, очевидно, играла роль нешироких сеней. Об этом говорит проем между горницей и избой, остатки колоды которого сохранились на бревнах стены. Окна пятистенка сохранили нарядные наличники начала XX века. Чердачное

окно в тимпане фронтона главного фасада оформлено сохранившимся с первоначального строительного этапа строгим рамочным наличником, характерным для позднего классицизма. Составители каталога памятников архитектуры Костромской области, осуществившие ввод в научный оборот дома Орловых, характеризуют памятник как «пример крестьянского дома периода эклектики, первоначальные формы которого ориентируются на традиции позднего классицизма»².

Сруб хозяйственного двора представляет многократно перестроенный объем, который возможно датировать серединой XX века. Композиция прямоугольного сруба приста – это стая – пример отдельно стоящего хлева с повитью-сеновалом на чердаке. Главный фасад, обращенный на юго-запад, имеет широкий залобник, формирующий глубокий навес. Помочи залобника лишены узора или резьбы, однако их энергичный прямой срез и ступенчатый первоначальный силуэт вторят известным плотницким традициям, представляющим лучшие особенности эстетики рационализма в Костромской народной архитектуре.

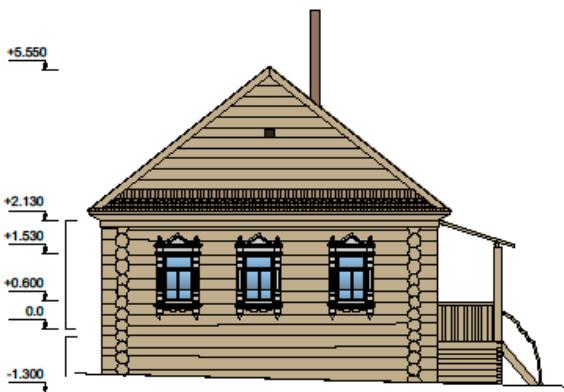
Под навесом и в бревенчато-каркасной выгородке под продолжением ската крыши образовано пространство хозяйственного двора. Любопытной деталью двора, оставшейся от многочисленных перестроек, является сложная дверь, ведущая на ярусы двора. В одной коробке заключены дверь к хлевам и люк на повить. На первом ярусе хоздвора сохранились выгородки хлевов и даже ясли в наиболее крупном хлеве. Помещения двора используется и в настоящее время для размещения курятника. Жилая часть дома не сохранила деталей интерьера. Утрачены также перекрытие, выпилены стены, руинирована печь.

Дом Марисовых в деревне Притыкино Троицкого с/п – интересный памятник, отражающий сохранение традиций планировки трехчастного жилища на фоне изменений дома-двора с учетом социально-экономический реалий XX века. Дом можно датировать началом XX века, с последующей реконструкцией первой половины XX века. К настоящему времени дом фактически разрушен и в ближайшее время может быть утрачен. В доме проживала семья Марисовых. Владельцы дома установлены на основании комплекта именных документов, найденных в доме.

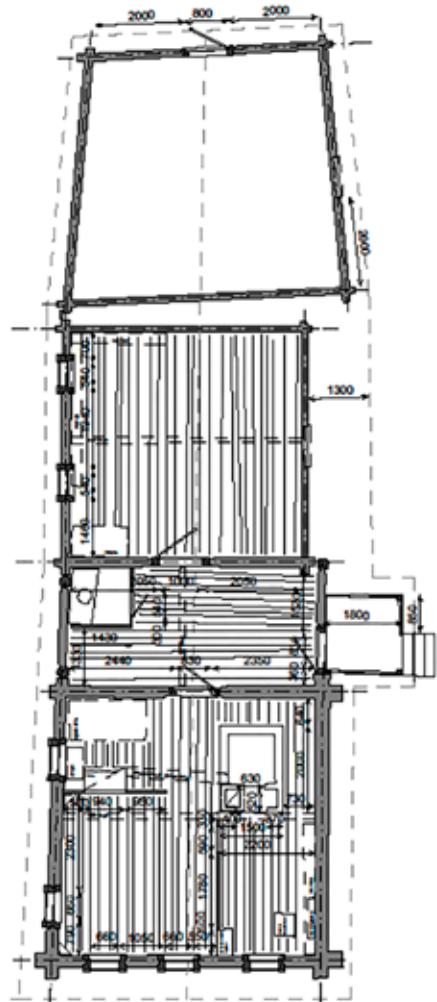
Дом поставлен в центральной части деревни, на небольшой площади при въезде со стороны села Троицкое. Ранее доминантой площади являлась высокая ярусная часовня, в настоящее время находящаяся в коллекции музея-заповедника «Костромская слобода». Главным фасадом дом ориентирован на реку Ветлугу, на северо-восток. В связи с неудобной постановкой по сторонам света юго-восточный фасад, обращенный на неширокий проезд к полю, получил несколько оконных проемов, служащих для лучшего освещения помещений.

Планировка дома традиционна. Распространенную в целом для Центральной России связь зимней избы и летней горницы с каркасным мостом между ними дополняет сруб двухъярусного хозяйственного двора, поставленный в продолжение вытянутого объема. Все срубы поставлены на одной оси и покрыты общей двускатной тесовой крышей стропильной конструкции. В ходе одного из ремонтов крыша была перекрыта дранкой, а над жилой избой – также и рубероидом.

Зимняя изба имеет типичное для региона решение. Относительно крупные размеры избы (примерно 6 на 6 метров) позволили

Жилой дом Марисовых. Главный фасад.

Дом Марисовых. План основного этажа.

строителям окружить печь, находящуюся в юго-западном углу избы, проходом. Середа и куть выделены перегородками, не доходящими до потолка. В кути, выполняющей функции спальни, устроена поздняя дополнительная печка, жестяной дымоход которой вмонтирован в дымоход основной кирпичной печи: «зимой ставят обычно на лавки для тепла еще маленькую кирпичную или железную печь – «притопок» с железными рукавами»³. Под избой устроено невысокое подполье переменной высоты – от 60 до 100 см. Люк в подполье расположен в середе, перед посудной полкой. Для спуска служит невысокая крутая лестница в три ступени.

В срубе меньшего размера, примерно 5,5 на 5,5 метра, ранее размещалась летняя горница. И в настоящее время в горнице находятся лавки, полки, крупный ларь. Рядом были найдены льномялка и детали разобранного ткацкого стана. Горница освещается двумя окнами колодчатой конструкции, обращенными на юго-восток. Под горницей находится подклет, вход в который устроен со двора в северо-западной стене.

Вытянутый объем дома-двора продолжается срубом хозяйственного двора. Очевидно, данный сруб появился позднее и заменил более крупную срубную конструкцию. В пользу этого предположения говорит не только иное качество рубки, но и первоначально зашитый фронтон крыши над летней горницей, снабженный дверью для загрузки сена на чердак. Сруб хозяйственного двора имеет неправильный план, близкий к трапеции и поставлен под углом к жилой части дома. Входы на ярусы двора устроены с разных сторон: ворота к хлевам прорублены в северо-западной стене, а люк на повить – в юго-западной. Концы балок междуярусного перекрытия выставлены за пределы стен, наподобие остаткам бревен сруба.

С дворовой стороны у сруба летней горницы за счет его меньшего размера образована ниша почти полтораметровой ширины. В глубине ниши устроен вход в хлева, размещенный на первом ярусе сруба летней горницы. Интересно устройство навеса. Конструктивно он является продолжением ската крыши, но с учетом его значительного выноса имеет дополнительные элементы крепления. Свес крыши укреплен бревном, одновременно несомым кобылками, удлиненными бревнами-помочами поперечных стен сруба и матицей летней горницы, имеющей консольное продолжение. За счет этого плотники обошлись без устройства традиционных многовенцовых помочей или столбов-подпорок. Такое позднее решение, отличающееся рационализмом и эффективностью, говорит о развитии традиций плотницкого ремесла.

Окна зимней избы на главном (северо-восточном) фасаде и одно окно на юго-восточном сохранили выразительные наличники, в упрощенных формах интерпретирующие мотивы классицизирующей эклектики. Боковины, оформленные парами кронштейнов и тонкими филенками, несут антаблемент с поясом сухариков, увенчанный треугольным фронтоном, фланкированным миниатюрными пинаклями на раскрепованных частях антаблемента. Фартук наличника схож с решением короны, лишь треугольный фронтон заменен парой волют. Наличники выкрашены в белый цвет. Ка-

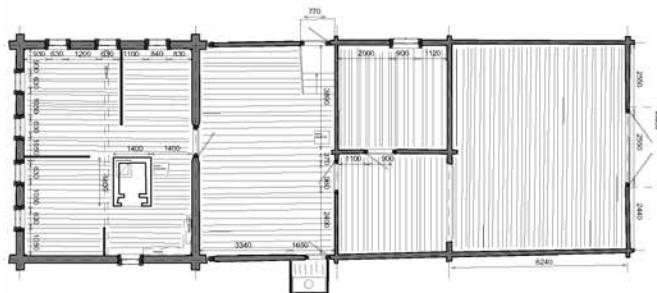
Дом Марисовых. Оконный наличник.

низ жилой части дома имеет дощатый подшив. Крыша стропильной конструкции. Фасадный фронтон зашифован профилированным тесом. Посередине устроен небольшой квадратный проход.

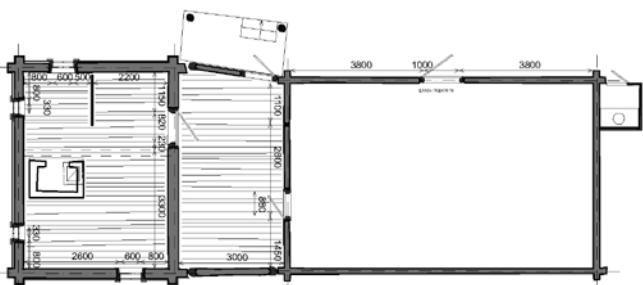
На примере представленных жилых домов заметно, как традиционная компоновка русской избы трансформируется в одноквартирный дом; уходит целостность интерьера, теряется единство внутреннего пространства за счет дробления отапливаемой площади на небольшие комнаты.

Крупный жилой дом в деревне Матвеевка представляет пример сохранения наиболее жизнеспособных традиций деревянного домостроения в период первой половины XX века. Типичный дом-брус поставлен жилым четырехстенком к улице, а отдельным срубом хозяйственного двора обращен к протекающей неподалеку Ветлуге. Жилой и хозяйственный сруб соединяются каркасной связью моста с примыкающим дощатым объемом уборной.

Крупная изба ранее была разделена перегородками, не доходящими до потолка, на несколько помещений, условно определяемых как гостиная, две спальни и примыкающая к печи кухня. В настоящее время дом руинирован, в связи с этим провести полноценное обследование планировки оказалось невозможно. Окна жилого четырехстенка обрамлены наличниками. Рама наличника оформлена профилированной рейкой, центральная часть завершена треу-

Дом №1 в Матвеевке, план основного уровня.

Жилой дом №2 в Матвеевке. План основного этажа.

гольным фронтоном, продублированным и в очелье. По центру тимпанов обоих фронтонов закреплены квадратные декоративные детали. Свесы боковин оформлены кистями простого рисунка. Наличники сохранили следы белой краски.

Крупный сруб хозяйственного двора представляет шестистенок с выделенными объемами летней горницы и проходного сельника. Восточная стена двора сохранила ворота от взвоза с остатками дверного полотна, поворачивающегося на пяте. Прорубленные в северной стене ворота вели к хлевам, расположенным ранее на первом ярусе хозяйственного двора. Дом покрыт тесовой кровлей стропильной конструкции с берестяной гидроизоляцией и поздним драночным покрытием. В целом крупный дом является типичным домом-брусом, отличительными особенностями которого является хорошая сохранность традиционных для начала XX века помещений хозяйственного

назначения и перепланированные помещения жилого назначения.

Дом № 2 в деревне Матвеевка представляет интересный, близкий к уникальному, пример глубокого взаимопроникновения плотницких традиций и квартирной планировки индивидуального жилого дома. Композиционно дом является распространенным брусом, объединяющим два сруба – жилой и хозяйственный четырехстенки с каркасными сенями. Дом неоднократно реконструировался. Как и в значительном количестве случаев, наиболее древней частью дома следует признать сруб хозяйственного двора. Вход на первый уровень двухъярусного сруба осуществляется через неширокую дверь в северной стене, дверь на повить прорублена с моста в частично заложенном проеме широких ворот, ранее, очевидно, необходимых для взвоза. Такое нетрадиционное решение говорит о многократных реконструкциях сруба хозяйственного двора.

Общей особенностью дома является использование самцовной конструкции крыши. Материальноемкая конструкция, вышедшая из широкого применения еще в конце XIX века в связи с подорожанием леса, самцовская крыша долгое время сохранилась на небольших сооружениях – амбарамах, банях и овинах. Самцовская крыша на доме постройки середины XX века – редкое явление, которое можно объяснить лишь сохранением плотницких традиций вкупе с возможностью использования значительного количества леса-кругляка.

Пропорции четырехстенка, расположение окон и сама планировка избы – напротив, современная эпохе новация. Печь – основополагающий в интерьере русской избы элемент, задающий функциональное зонирование и планировку, поставлена в данной избе примерно посередине фасадной стены.

Соответственно, планировка избы отличается нетрадиционным своеобразием. Перпендикулярно фасадной стене, приблизительно по лицевой стороне печи прорублена двухвенцовая балка, служащая основой для перегородки. Данная перегородка делит избу на две части. Меньшая разделена на небольшую темную прихожую, примыкающую к двери, и кухню, организованную близ устья печи. Кухня освещается двумя окнами, сгруппированными вокруг угла сруба. Большая часть избы представляет комнату, также освещаемую двумя окнами. В комнату крупным параллелепипедом врезается кирпичная печь. Печь, отличающаяся небольшими размерами, поставлена на настил из лафета, опирающийся на балки перекрытия. В районе печи круглые балки усилены подпорками – вкопанными в землю тупиками. Сруб четырехстенка снаружи до уровня карниза обшил вертикальными рейками. Самцовский фронтон с прямоугольным продухом примерно посередине оставлен без обшивки. Остатки бревен балки, выходящие за пределы обшитого сруба, в свою очередь, заключены в дощатый короб. К северной стене моста, где прорублен дверной проем, примыкает крыльце, в настоящее время руинированное. Также интересна постановка уборной. Отдельная дощатая уборная примыкает к северо-восточному углу хозяйственного двора, соответственно, доступ к ней возможен только через открытое пространство.

Общим как для обследованных в подлиннике, так и известных по другим источникам домов, является сравнительно низкий подклет – от 0,8 до 1,2 метров. Нижний ярус хозяйственного двора рубился немного выше, до 1,5 метров. Опеки опираются на деревянные сваи, либо, как выявлено в одном случае в деревне Притыкино, на рельсы, вкопанные в землю. Вариантов

ряжей не выявлено. Рудиментарные черты либо остаются в форме неиспользуемых элементов (ворота на повить при отсутствии взвоза), либо вовсе исчезают с очередной перестройкой дома. Изменяются и основополагающие элементы структуры жилого дома, сформировавшиеся на протяжении XVI-XIX веков, такие, как планировка избы и функциональное зонирование дома-двора.

Данные изменения происходят, преимущественно, постепенно. Лишь в единичных случаях проявляется резкое новаторство, далеко не всегда распространяемое повсеместно. В то же время, в редких случаях, в формате индивидуальных изменений, происходит возвращение традиционных конструктивных решений.

Следовательно, процесс трансформации крестьянского дома жилища имеет равно прогрессивный и регрессивный характер, свидетельствующий об укорененности традиций и связанных с ними плотницкими промыслами Ветлужского уезда.

По материалам этнографической экспедиции в Шарьинский р-н 2017 года.

Источники

1. ГАКО. Ф. р-2028. Оп. 3. Д. 199. Музей народной архитектуры и быта, XVI-XX вв. Дом жилой Ципелевой, сер. XIX в, ул. Просвещения, 1 «Б», лит. Е.
2. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск VII. Вохомский район. Октябрьский район. Павинский район. Поназыревский район. Пышугский район. Шарьинский район / И. Ю. Кондратьева. Е. Г. Щеболева (ред.). – Кострома: комитет по охране и использованию историко-культурного наследия, -Кострома: 2005. – С. 168.
3. ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 18. Статья краеведа, председателя Костромского научного общества по изучению местного края В.И.Смирнова «Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии» (отдельный оттиск из «Трудов Костромского научного Общества по изучению местного края», вып. III. Кострома, 1915.).

Е.А.НОВИКОВ,
заведующий научным отделом
музея-заповедника «Костромская слобода»

ПОВСЕДНЕВНАЯ И ПРАЗДНИЧНАЯ ЖИЗНЬ ПОВЕТЛУЖСКОЙ ДЕРЕВНИ в 1940-е – 1980-е годы

Из материалов экспедиционного выезда
в с. Одоевское Шарьинского района
Костромской области 2017 года

Село Одоевское расположено в Костромской области в Шарьинском районе на берегах реки Ветлуги. Первое упоминание о селе относится к 1616 году, где Одоевское упомянуто под названием погост Никольский. Троицкий черный стан в Поветлужье, как и соседние станы, в 1620 году был дан в вотчину боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому. Погост Никольский с приписанными к нему деревнями в 1629 году после смерти Мстиславского перешел к боярину Федору Ивановичу Шереметеву – царскому родственнику, активно участвовавшему в разгроме польских интервентов и в возведении на престол Михаила Федоровича.

Дочь Ф.И.Шереметева Евдокия Федоровна вышла замуж за князя Никиту Ивановича Одоевского, и Никольское с деревнями, отанными ему, стало Одоевским. Князь Н.И.Одоевский, наместник Астрахани, в 1644 г. возглавлял переговоры России с Данией. Он был образованный человек и возглавлял комиссию по составлению «Уложения царя Алексея Михайловича».

Среди владельцев вотчины был и знаменитый Саша Одоевский, друг А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Село Никольское (Одоевское) было родовой вотчиной князей Одоевских примерно до 1861 года. Последним собственником имения оказался писатель Владимир Федорович Одоевский, который и продал помещичье сельцо Нагорное Елизавете Яковлевне Баевой.

Экспедиционный выезд в с. Одоевское состоялся 26–28 июля 2017 года.

В ходе работы удалось пообщаться с местными старожилами и собрать сведения о многих сторонах деревенской жизни XX века.

ПРАЗДНИКИ В ДЕРЕВНЯХ

Носачева Евстoliaия Сергеевна, 1949 года рождения, уроженка села Боговарово:

«В Одоевском престольный праздник – Кузьминки. В честь этих святых целителей Косьмы и Дамиана и источник святой назван. Там есть и купель, где купаются. И не только на Крещение, и так купаются. И приезжает очень много людей, воду набирают, а купаются обязательно. Празднуется 14 или 13 июля. Всегда знали, что есть такой день и ходили на ключик за водой именно в этот день. Считалось, что в этот день вода там святая, ходят и каждый день. Так же и в праздники, такие, например, как Крещение. У нас туда дорога проторённая, туда ходят все и всегда, и зимой, в любое время года. Даже когда нет дороги, всё равно ходят, потому что там хорошая вода. Там была раньше часовня, но она рухнула. Есть такое предание, что она якобы под землю ушла, и на этом месте, куда ушла часовня, стал бить вот этот ключик. Давно существует эта легенда. Ведь у нас здесь место-то древнее. Коренные жители здешних мест не славяне, а черемисы, нынешние марийцы. Недалеко от этого ключика есть древнее городище, существовало, наверное, с 3-4 века до нашей эры. Там были раскопки ещё в XIX веке, а все материалы и экспонаты находятся в музее города Ветлуги.

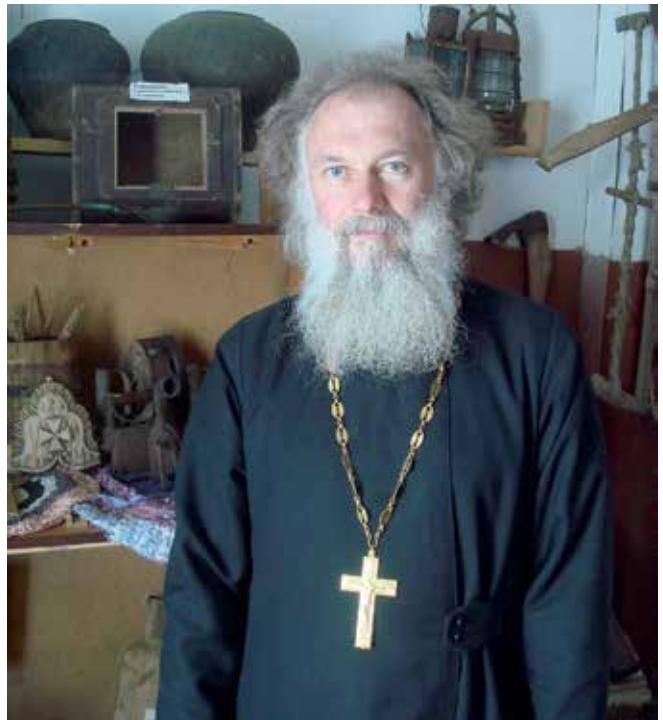
Главные праздники нашего села – Покров, Пасха. Раньше в каждой деревне был свой праздник. Во многих деревнях ходили на ключики. И был такой обычай на этих ключиках молиться – говорили «стоять ночь».

У нас было больше 30 деревень вокруг села, все эти деревни исчезли. Осталась единственная деревня Нежданово. Больше деревень вокруг Одоевского нет. Все исчезли. И в каждой деревне был свой какой-то обычай. Например, в деревне Колоколово был ключик в честь Тихвинской иконы Божьей Матери. В ночь на 9 июля собирались вся округа. Приходили со всех окрестных деревень и «стояли ночь», молились. Часовенка там тоже была. Сейчас ключик есть, но уже не такой чистый, ведь за ключами надо следить, а то они могут исчезнуть. Дальше, в деревне Спирино молились в честь Владимирской иконы Божьей Матери. Это, наверно, в ночь с 7 на 8 июля. Эти летние праздники все рядом, и из одной деревни в другую люди переходили, хотя и был сенокос. Там большая колода, где не только купались, но и бельё стирали, потому что река от Спирино далеко. Это самое высокое место в здешней округе. Когда-то центральное в волости, наше место называлось Спирино-Одоевская волость.

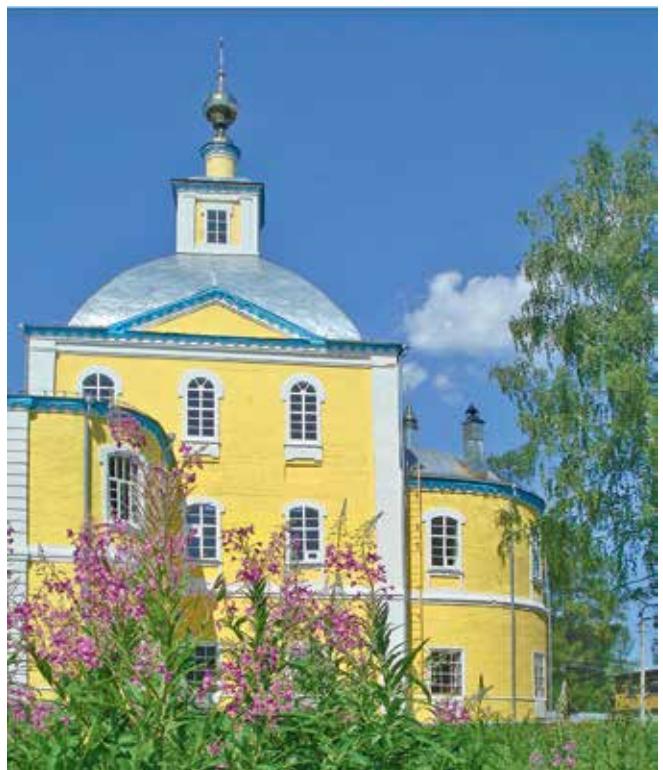
Как теперь проходят праздники. Когда праздновали 200-летие храма в Одоевском, конечно, у нас был крестный ход, молебен. Так, как и должно быть. В каждой деревне свой праздник. Например, в Нейской, там праздник Ильин день, 2 августа, и Покров, 14 октября. Покров праздновали также и в Сёльшке. Сёльшко – это дворянская усадьба. Два дома сохранились от дворянской усадьбы. Один жилой дом, другой восстанавливается.

А так ничего такого, какого-то особенного, во время праздников не бывает. Был концерт, были шашлыки.

Зимние праздники. Рождество всё равно праздновали, даже в советское время, так же как Пасху. Всё равно яйца красили и куличи пекли, помнили. Колядки теперь возрождаются, ребятишки ходят, колядуют. А летом в деревне

Отец Михаил, настоятель Никольского храма в с. Одоевском.

Церковь Николая Чудотворца, с. Одоевское.

Яковищево отмечается день «Алёнушки». Это 3 июня. По святой Елене. Праздновали даже в советское время. Я помню, что всей деревней выставляли столы прямо на улицу. И всей деревней за столами за этими сидели, пели песни. Ещё у них в «Алёнушки» интересно катали яйца. Каждый своё яйцо кладёт, и по очереди катают. Надо выбрать. Если твоё яйцо докатилось до чужого яйца, ты яйцо забираешь, у тебя уже два. Ну, просто забава такая, игра».

*Шатунова Галина Николаевна,
1937 года рождения, уроженка деревни
Спирено Шарьинского района:*

«Праздники религиозные в деревнях так спрашивали. В деревне Спирено первый праздник был Вознесенье Господне, это было первое гулянье у нас в округе, в нашей деревне. Следующий праздник у нас был Владимирская Божья Матерь. Потом у нас Казанская была 4 ноября, тоже мы праздновали этот праздник. Особенный был. Как раз уборка закончена в колхозе, и собирали мы такой общий праздник. Тут мы и бражку варили, и пироги какие пекли, гуляли три дня здорово. 4 ноября была Казанская, а седьмого – Октябрьская. С песнями гуляли, весело. Неделю гуляли. Все знали, что в Спирено – Казанская, в Одоевском – Покров, где-то была Владимирская осенняя, в

сентябре месяце, в Старкове было Преображение Господне. Все ходили друг к другу. И как ведь ходили-то! Одевать было нечего. Мама всё рассказывала: «Мне, – говорит, – нечего было надевать, если я по деревням ходила, просила милостынку, чтобы прожить, пропитаться. Прибежат девки и говорят: «Аннушка, пойдём, ну, пойдём, я тебе туфли принесу, я тебе платье дам, я тебе и платок дам». Нарядят, ходила всех наряднее. Сегодня одна девчонка нарядит, которая посодержательней-то жила, завтра другая, всё в разном и ходила. Там плясали и Ветлужского, это такой хоровод кругом, и пятёрку, и Семёновну, про Семёновну целые песни сочиняли.

На летние праздники ходили в гости в дома. Гости придут, за столом посидят, попляшут, попоют, поблагодарят хозяев, переходят в следующий дом. Это за один вечер. Днём отсыпались, а вечером гуляли.

Были ещё по зимам-то большие беседки. Затишье, таких работ уже больших не было, и из окрестных деревень собирались. Вот, допустим, у нас объявили беседки на неделе, и вся молодёжь приезжала к нам. На беседках были гармони, и пошаливали. Некоторые ребята вот выпьют, и лампы били, бывало. Один такой у нас Сорочонок был, все его так звали. Пушкин Борис. Привезут его в плетухе (большая плетёная из лыка корзина – Е.Н.), посадят его, и вот

Беседа с Г.Н. Шатуновой.

Дворниковые, старожилы с. Одоевского.

он там петухом всё пел. До того у него голос хороший, всё частушки пел, ему кто-нибудь подыгрывал из компании-то. Это уже после войны было...

Все зимы эти беседки гулялись. Только если маленькая деревенька, то там не было таких больших беседок.

Папа, помню, всё вспоминал, как проходила беседка у нас, он ещё был маленький. А у бабушки начались роды. И она ушла во двор, взяла с собой тулуп и там родила. А муж её, мой дедушка, он сразу-то не хватился её, увлёкся на беседке, а потом посмотрел, что нету её. Пошёл искать и нашёл её во дворе. Она родила正常, ребёнок закрыла тулупом, а сама зимой простыла и умерла.

Во время беседки, допустим, мы пригласили сколько-нибудь там девчонок или парней, они у нас и живут эту неделю. Питались чем могли, чего приготовим. И спали у нас. Помню, на полатях спали, нас на печку запихнут всех, на кровати, на лавках. Это те, кто приходил из других деревень. Дома-то были не очень большие. Оставят кружок посередине, чтобы поплясать, «шабалой походить».

«Ходить шабалой», а шабала – это наигрыш. Они ходят вот так кругом, гармонист играет, а ещё два парня ходят и поют песни. Пели ребята мужские песни, всякие разные.

Полотенце «со зверями».

Кто побойчее, так и не больно хорошую песню-то споёт. А которые поскромнее, так пели песни нормальные. Частушки обычновенные.

И девочки плясали. И даже ходили. Ребята-то всех в войну забрали. У нас была девочка такая, Зина Николаевна Хомова, так он шабалой так ходила! Изображала такого хулиганского парня, возьмёт нож, ходит вот так, машется. Раз в потолок ножом ударит, песни запоёт, голосистая. А нам интересно, у нас это было одно занятие. У нас был клуб в деревне, но потом он ликвидировался. Куда-то его девали. Спирино была волостная деревня. И волостное правление было, и клуб, и сельсовет был, магазин был. Молоко принимали, сепараторная была, свиноферма, телятник, конюшня, коровник».

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Шатунова Галина Николаевна, 1937 года рождения, уроженка деревни Спирино Шарьинского района:

«Жили бедно, есть было нечего. Во времена войны у кого-то были небольшие запасы, хоть их тянули в военные годы, а после-то войны вообще было трудно жить, вообще было тяжело. Всё равно гуляли, всё равно веселились и работали, не покладая рук. Мы тоже восстанавливали страну как могли. Труд в основ-

Е.А. Новиков в доме Г.Н. Шатуновой.

ном был всё ручной, механизации не было, да она и не поступала. Кони, какие были, их отправили на войну. Мужчины в возрасте призыва все были отправлены. У меня папа с 1901 года, его взяли, хотя пятый десяток шёл. А дядя его ещё постарше, тот и погиб даже там, Василий Андреевич. Папа-то хоть вернулся. Весь израненный, больной.

Трудно было, скрывать нечего. Я была маленькая, три годика, четвёртый шёл, а братик мой родился в январе 1941 года. Ему было полгода – началась война. Было тяжело, совсем тяжело, есть было нечего. Мама уходила на работу на целый день. Вот сварит мелкой картошки в чугуночке, в кринке в глиняной, изжигает её, эту картошку, и скажет: «Вот, в тряпичку положи этой жвачки, – а он в зыбке качался, в люльке, – и ему отдай, пускай он сосёт». Это ему была соска, питание, эта картошка. А мне самой больше охота есть-то, чем ему. Я половину съем у него. Нас трое было. Был брат, старше меня на 4 года. В восемь лет он вовсю уже работал. И боронил, и пахал, всё делал. Женщины впрягались в плуг и его тянули, а он держался за ручки у плуга-то. Да.

Случай помню, как папа пришёл уже с войны. Он был сильно израненный, и его комиссовали в Горьковскую область, в населённый пункт Вахтан. Там был, видимо, госпиталь военный, и вот он там лежал. И вот, что дома-то хранится, мама, помню, голландки напарит-навялит, свёклы, картошки насушит. Соберёт это всё в котомочку, положит на санки и повезёт папе, а нас оставит. Вот так жили. Очень бедно, да и после войны. Мы из бедных крестьян были. Папа остался 2-х лет после смерти своей мамы, жил с отцом да с сестрой. Сестра только родилась и на родах её мать умерла. И дедушка сказал, что не буду жениться, буду воспитывать их сам. Ходили по деревням, просили милостыньку на проживание. Мы все родились в деревне Спирино. И мама, и папа, нас пятеро было, двое вот умерли, а мы, троица, выжили. В войну нечего было есть, так мы ходили клеверные головки собирали, ягоды. А

чтобы мы не мяли траву, так нас оттуда гоняли крапивой. А по ночам мы ходили на гороховое поле. Нарвём стручков гороха, а горох-то караулил какой-нибудь старичок. Помню, подвязалась, набрала в пазуху много-много, нас погнали, я побежала, у меня развязалась эта лямка-то, весь горох высыпался на дорогу...».

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЁСЛА, ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Носачева Евстилия Сергеевна, 1949 года рождения, уроженка села Боговарово:

«В деревне Спирино плели хорошие лапти, здесь жили самые главные лапотники. Раз в неделю обязательно, по четвергам обычно, или и по субботам, в Одоевском бывал базар. На базаре лаптями торговали спиринцы. В деревне Утюпихе валили валенки. Самые лучшие валенки делали. В деревне Анчуриха, это на самом берегу Ветлуги, делали мочала и верёвки плели. Возили продавать в Ветлуге в базарные дни и даже до самого Козьмодемьянска довозили, там, где Ветлуга впадает в Волгу. Чем зарабатывали ещё одоевцы и жители близлежащих деревень? На сплаве леса. Зимой его заготовляли, дорога такая – называли зимник. Снег поливали водой, и по этой скользкой ледяной дороге лошади тянули лес. Из этого леса делали интересные сооружения, назывались они матки. Это такие плоты. Потом в половодье эти плоты стаскивали в воду, по ветлужским притокам тащили на Ветлугу и дальше уже по Ветлуге сплавляли до самой Волги.

Потом, когда после войны нужен был лес, надо было восстанавливать хозяйство, на этот сплав направляли без разговоров, не спрашивали, молодых девок, парней, всех отправляли сплавлять лес. Мне рассказывали о том, как они ходили на этот сплав по Ветлуге и доплывали до Козьмодемьянска, правили дальше, даже иногда до Нижнего, а уже от Нижнего добирались назад. Когда пароходом, а когда и пешком домой обратно. Но с гостинцами и хоть с какими-нибудь денежками.

Ещё традиция была, что почти в каждой деревне была своя кузница. И последняя кузница, которая была вот здесь в Одоевском на Лысой горе. Это как раз по дороге на ключик. Там и была последняя кузница в селе Одоевском и кузнецом последним был здесь Швецов Григорий. В 1950-е годы кузница ещё существовала. Была она колхозной. Потому что всё отходило в колхоз. Первый колхоз здесь был основан в 1927 году. Задолго ещё до тридцатых годов. Это было в деревне Нежданово. Деревня эта до сих пор существует. И что интересно, в этой деревне жили очень хитрые мужики. Богатенькие и умненькие. И когда они почувствовали вот это новое веяние, связанное с колхозным движением, то решили первые сами объединиться. Поэтому первый колхоз там и основался, потому что они сами поняли, что по-другому ничего не сделать. Чтобы не потерять хозяйство, не потерять самих себя, они и объединились. Кстати, в этой деревне не было ни одного репрессированного, ни одного не раскулачили.

В деревне Лапино, например, был мужичок, который делал красивые повозки разные, на рессорах и расписные, в общем, разных типов. И когда началось это движение, колхоз там тоже основали, его красивые повозки отобрали, а его раскулачили, выслали, хотя он был обычный середняк, никакой не кулак. Его только за красивые сани и взяли. А в деревне Нежданово никого не раскулачили, потому что там были такие мужички хитренькие и умненькие. Колхоз назывался «Новая деревня». Потом они и деревню Нейскую туда заполучили. Вот эти две деревни и были началом знаменитого потом колхоза «Родина», который известен был по всей области, а теперь у нас ничего не осталось.

Была ещё артель рыбаков. Большая и очень справная. В деревне Яковищево. У них свой бригадир, артель занималась именно ловлей рыбы, потом ею торговали. Про артель мне рассказывал секретарь партийной организации колхоза «Родина» Беляев Александр Николаевич, потому что его отец как раз и был руко-

водителем этой артели. Была артель в деревне Анчуриха – они занимались мочалом. Здесь ещё была такая традиция. Ходили по деревням швеи. Обычно это мужчины были, которые шили прежде всего верхнюю одежду – «кошули», армяки из овчин. Их привечали, они жили в деревне, занимались вот этим делом. Это было ещё до войны. Развито было ткачество.

В каждой деревне обязательно кто-то ремеслом занимался, потому что без этого нельзя было прожить».

Шатунова Галина Николаевна, 1937 года рождения, уроженка деревни Спирено Шарьинского района:

«Хозяин у меня занимался катанием валенок. Лапти плели. А мама меня всему учила, что умела сама, заставляла собирать кросна, основу делать из пряжи. Подарила мне полотенце на память, сама шила, вышивала. Говорила: «Полотенце «со зверями» береги».

Сейчас вот всё с похорон ко мне приходят за ним, вот с иконкой идут, когда иконку несут на кладбище с полотенцем. А вот в деревне Яковищево, была большая такая деревня, там все женщины подпоясывались на похоронах полотенцами. Все. Те, кто приглашён на похороны, все с полотенцами ходили. А сейчас я на иконку вешаю это полотенце.

Прясть и меня заставляли, я нитку тонкую пряла. Мама меня заставляла, пряди и всё. Мне охота гулять, а она меня заставляет: «Вот напрядёшь эту вышку, тогда пойдёшь. Но смотри! Эти нитки пойдут в основу, налепившей чтобы не было на ниточке, чтоб она была сплошная, а то налепиши съедут потом. Но это сильно долго. Такую-то тонь прясть».

Но я хитрила, потому что хотелось гулять. Прялки берегли. Все были резные.

Корзины у нас не помню, чтоб плели. У нас и леса-то нету, в Спирено-то. Я не знаю почему, такая деревня и на таком месте невыгодном построена. Речки нет, колодцы, наверно, метров 30 глубиной, вода далеко,

вода жёсткая. Лесу нет, надо идти куда-то за грибами, за ягодами. У нас, я вот помню, мама с папой, вот уже когда мы подросли, запрягут лошадь, возьмут с собой две кадки и едут куда-то. Я не знаю, куда они ездили. Там живут, носят грибы, вымачивают их, потом мама засаливает и уже с солёными грибами едут домой. На несколько дней уходили они. Мы подросли, так уже и скотину сами уделывали, они нам доверяли. И по ягоды так же, по бруснику, ездили. А брусники тоже кадку, вёдер 10, наверно, привезут и оставляли её прямо на морозе. А мы потом сечкой рубили её и месили.

Папа у нас был кузнец. Работал на колхозной кузнице. Паша, мой брат, был у него в молотобойцах. Папу поставили сначала бригадиром, он сказал: «Это не моё! Я – мужик, иду прошу женщину выполнять мужскую работу. Что угодно буду делать, но это не моё». Потом работал мельником. Ему сначала пенсию назначили, а инвалидом каждый год нужно было проходить перекомиссию. И вот он в один год пошёл и сказал, что добровольно отказывается от пенсии. Ему говорят, как же ты будешь жить с одной рукой. Мои, говорит, товарищи все уже там. А я здесь хожу. И буду ещё с государства деньги получать и кормиться. Как придётся...

В кузнице делал телеги, бороны делал. А с войны-то когда пришёл, всё подносились. Вёдра худые сделались у женщин. Папа наберёт вёдер и вот делает. Из ведра-то сделает то ли полуведро, то ли котелок какой-нибудь. Это он всё по зимам.

Принёс домой рельсу и вот молотком по железу-то на рельсе и колотит, а мы тут все спим. Мама терпит-терпит, потом скажет: «Коля, ты и сам не спиши, и они ведь не спавши, ну, хоть на часок остановись». Он говорит: «Завтра чего я подавать-то буду, придёт она, а чего я подам. Ей принести воды, корову напоить не в чем». И вот колотит ночи-то...

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Носачева Евстилия Сергеевна, 1949 года рождения:

«В лапту ребяташки играли, конечно. Теперь вот этой игры и не знают. В «попа» играли. Это чурка такая, поп-то. Собиралась компания, несколько человек, до 10-ти, может быть. У них были такие палки, надо было ударять по этой чурке и гнать её на определённое расстояние. Там тоже было ограничено. В «чижа» тоже играли. «Чиж» – это палочка небольшая. Круг такой. В ямку клали вот эту палочку и били, а ведущий отбивал. Играли ещё в «зубаря». Это значит надо было чего делать. Ножиком с разных мест – с руки, с колена, с груди, со лба, с плеча нужно было бросать, чтоб он в землю уткнулся. А кто проигрывал, у кого не получалось, тот вытаскивал палку, забитую в землю зубами. А ещё в «земельку» играли. Расчерчивали круг на земле и тоже с ножиком. А весной, как только где растаяло маленько, играли в «классики» и в скакалку скакали».

Шатунова Галина Николаевна, 1937 года рождения, уроженка деревни Спирено Шарьинского района:

«Собирались, играли. Особенно по летам. И в лапту играли, в «зубаря» играли. Это делали колышек, его заколачивали в землю. Если ты водишь, вытаскиваешь его зубами и бежишь с ним. А за тобой все остальные бегут. И если не успеешь убежать и где-нибудь плонуть, чтоб не видно было, что колышка нет во рту, снова водишь. А как только видят, что у тебя в зубах ничего нету, прекращают догонять, и ищут то место, где колышек выпал. Если только найдут этот колышек – снова води.

В прятки играли, в мяч били, называлось «на матках». А по зимам у нас наносило много снегу, хотя деревня стоит на высоком месте. Так мы рыли «катаомбы» под снегом-то, ходы делали и лазали всё там. На санках катались. Поперёк деревни лощина большая есть, и вот там – на санках. Стояла банька, в этой баньке жил

Святой ключ Космы и Дамиана.

Поход в исчезнувшую деревню Мундоро.

Окна села Одоевского.

Дом творчества «Горница».
Село Одоевское.

Фольклорный ансамбль села Одоевского
на спевке в «Горнице». 2012.

Река Ветлуга.

В деревне Мундоро.

Природа Поветлужья.

старичок, деда Федя. Бат – все его звали. Он был глухой. Мы залезем к нему на крышу, и прямо с крыши по этой лощине на санках и поедем. Помню папа сделал мне коньки деревянные. Потом где-то «снегурки» мне нашли. Мне уже не интересно стало кататься на санках, я – на коньках.

По этой лощине вода текла. Она замерзала осенью, и вот мы по этой лощине и катались по льду. Все в лаптях, никаких валенок, ничего не было. Домой идёшь, лапти стукают. Идёшь тихо, а то папа услышит, заругается: «Не успеваю вам лапти починять». Сразу на печь, там разуешься, лапотки поставишь, они сохнут. Там на печи-то были вешала по стенам...

В «чижа» играли. В основном ребята играли в «чижа». Это давнишняя-давнишняя игра. Бруск положат, на него положат обрубочек. Он с этой стороны подточен, с этой стороны подточен. И палкой как дадут по одному концу, он как прискочит и летит, и летит, и летит. Помню: женщина у нас была тётя Катя, так она про папу всё рассказывала, говорила: «Коля был такой сильный, если он даст чиж, то чиж летит через всю деревню. После Коли уже чиж не ищут, делают новый чиж». Кто найдёт – тот следующий бьёт. Желающих бить-то было много.

Ещё играли в шашки, в шахматы. В карты играли, в дурака, в пьяницу, в двадцать одно. Тоже только ребята играли. На щелчки играли. Порой сильно дадут, так и шишка вскочит».

Примечания

Материал записан в с. Одоевском Шарьинского района Костромской области в 2017 г. Новиковым Е.А., заведующим научным отделом музея-заповедника «Костромская слобода»; Чудецким А.И., научным сотрудником Филиала ФБУ ВНИИЛМ «Центрально-европейская лесная опытная станция; Петровой О. В., студенткой кафедры отечественной филологии и журналистики Института гуманитарных наук и социальных технологий КГУ, у Носачевой Евстолии Сергеевны, 1949 года рождения, уроженки села Боговарово Костромской области; Шатуновой Галины Николаевны, 1937 года рождения, уроженки деревни Спирено Шарьинского района Костромской области.

О.В. ПЕТРОВА,
студентка КГУ

ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА СЕЛА ОДОЕВСКОЕ ШАРЫНСКОГО РАЙОНА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Наиболее ярко особенности живой народной речи проявляются в диалектах – «социально-исторических образованиях, возникших в определенных реальных условиях общественной жизни, в постоянном взаимодействии с другими, соседними родственными диалектами в процессе дифференциации и интеграции, смешения и выравнивания, а также в результате влияния посторонних субстратов, суперстратов и адстратов» [Жирмунский, 1956: 3]. Основные специфические черты этого или иного говора складываются в зависимости от ряда факторов: исторических условий, территориально-административного деления, климата, ландшафта местности, ее флоры и фауны и т. д.

В данной статье речь пойдет об особенностях говора села Одоевское Шарьинского района Костромской области на фоне других русских говоров. Материалом послужили диалектные тексты, записанные в 2017 году у Шатуновой Галины Николаевны. Основными информантами являются пожилые люди – это жители данного села или близлежащих к нему деревень. Через беседу можно выявить достаточный материал для наблюдения диалектных черт, сохраняющихся в говоре в настоящее время.

По диалектному членению 1915 года говоры на территории Костромской и Ярославской областей (вместе с говорами соседних Вологодской и Кировской областей) вследствие общности географических условий, древности заселения края, этнической однородности населения отнесены к говорам Вологодско-Вятской, или Восточной (Вологодско-Кировской), группы северорусского наречия. [Труды МДК, 1915:

Село Одоевское Шарьинского района. 2017 г.

35; Аванесов, 1949: 52; Кузнецов, 1960: 31; Мельниченко, 1974: 30-33; Ганцовская, 1992: 3]. Согласно «Диалектологической карте русского языка» 1964 г., говоры Костромской области относятся к Костромской группе северного наречия [Захарова, 2004: 166–167], и лишь небольшая их часть, в том числе часть говоров Шарьинского района – к вологодской группе говоров. И, таким образом, они совмещают в себе черты центральных говоров и периферии.

Одоевское – село в Шарьинском районе Костромской области, расположенное на побережье р. Ветлуги, является административным центром одноименного сельского поселения. Поселения в данной местности считаются самыми древними на ветлужских землях. [Перминов, 2011].

В начале XVII в. на месте села была пустошь Никольская, на которой незадолго до переписи населения 1616 г. на р. Ветлуге возник Никольский погост, в 1620 г. вошедший в состав обширной вотчины князя Ф.И. Мстиславского. После смерти Мстиславского погост перешел во владение боярину Ф.И. Шереметеву (родственнику государя М. Ф. Романова), а в 1625 г. в качестве приданного за дочерью Шереметева – князю Н.И. Одоевскому (деду поэта-декабриста А.И. Одоевского), по фамилии которого впоследствии и было названо село [Соловьев, 2001: 773; Перминов, 2011].

Шатунова Галина Николаевна (1937 год рождения) – жительница исчезнувшей деревни Спирено Шарьинского района. Родители её тоже там родились и проживали. У них было пятеро детей, двое из которых умерли.

Беседа с о. Михаилом. Запись истории восстановления Никольского храма, с. Одоевское. 2017 г.

В своё время, деревня была признана не перспективной, и её жителям пришлось покинуть родные места. Сейчас Галина Николаевна проживает в селе Одоевском, ей 80 лет. В беседе она поведала о тяжёлых годах войны и бедности крестьян, о том, как происходило восстановление страны, то есть о 40–50-х годах XX века.

О праздниках и жизни во время войны

«Ой, спасибо, не надо, я съята. Да у нас праздники были знаете, я уш когда начала вот понимать-соображать, повыросла, дак были праздники и религиозные в деревняхправляли. Вот, в частности в нашей деревне Спирино, первый праздник был – Вознесение Господне – это было первое гулянье у нас в округе, в нашей деревне. Следующий праздник у нас был – Владимирская Божья мать, а потом – Казанская была – четвертое ноября, тоже мы праздновали, этот праздник особенный был. Как раз была уборка закончена в колхозах. Тут мы и бражку варили и пироги какие пекли. А потом, четвертово-то была значит быть Казанская, а седьмово была Октябрьская, это был советский праздник, ево тоже отмечали. С песнями делёками, жили бедно, есть было нечево.

Во время-то войны, хоть у кого-то были небольшие запасы, дак их тянули в военные-то годы, а после-то войны вообще было трудно жить, вообще было тяжело. Всё равно, всё равно гуляли и всё равно веселились, рабо-

тали непокладая рук. Мы тоже восстанавливали страну как могли, трут в основном был всё ручной, механизации никакой не было, и она не поступала, но кони какие были их отправили на войну, мушкины в возрасте всё равно все были отправлены. У меня папа аж девятцот первово года, а тоже взяли ево на войну. А ево дядя был ещё постарше, дак тот, тот погиб, папа-то хоть вернулся раненный, весь больной, а тот погиб. Василий-то Андреич постарше был. Трудно было, чаво, скрывать нечаво. Я вот была маленькая, мне три годика, четвёртый шёл, а этому, братику моему – он родился в январе сорок первово года – вот ему было полгода.

Началась война, ему было тяжело, совсем тяжело, есть было нечево, мама уходила на работу на целый день. Вот сварит мелкой картошки в чагуночке, в кринке глиняной и, значит быть, изжёёт эту картошку, и скажет вот: «Вот в тряпочку положи этой жевачки». И он в зыбке качался, в лульке, и, значит быть, ему отдай, пускай он сосёт. Эта ему была соска, это ему была питание. А мне самой больше охота есть-то, чем ему, я половину съем у нево. Нас трое было, был старше брат у меня, значит, на четыре года меня. Он работал и боронил, и пахал, всё делал, пахал-то как он, на этом. Значит быть, женщины впрягались в плук и его тянули, этот плук, а он держался за ручки.

Случай помню, как папа пришёл уже с войны. Он у нас был сильно израненный, и его комиссовали в Горьковскую область – Вахтан – такой населенный пункт. Там был, видимо, госпиталь военный, от он там лежал. И что в доме-то сохранится... Мама, помню, галанки навялит, напарит, свёклы, картошки наслушит, соберёт это всё в котомочку, положит на санки и повезёт папе, а нас оставит. Вот так мы и жили, мы очень жили бедно, и после войны у нас нечево. Да ну, мы самые бедные крестьяне, вот такие были – из бедных. Папа остался двух лет после смерти своей мамы, жил с отцом да с сестрой, сестра только родилась, и на родах её мать-то умерла. И дедушка сказал, что не буду женитьца, буду воспитывать их сам. Ходили по деревням, прошли милостыньку на проживание.

Были ещё по зимам-то «большие беседки»: там было затишье уже, таких работ не было больших. И из окрестных-то деревень приезжали. Вот, допустим у нас на неделе объявили беседки и вся молодежь приезжала к нам. На беседках значит были гармоны и пошаливали некоторые, вот выпьют и лампы били. И был у нас тут один, привезут его в плетухе – корзина такая вот из лыка сделана – сплётёна, посадят ево вот в эту плетуху, и вот он там всё петухом пел».

2017 г., Шатунова Г. Н., 80 лет,
неграмотная

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Фонетические явления

1) Отсутствие *j* в интервокальном положении, явления ассимиляции и стяжения в возникающих при этом сочетаниях гласных в форме прилагательных и причастий с ударенными и безударными сочетаниями *a:ia*, *u:u*, *ь:ie*, *е:ie*, *о:ie*:

я съита, сделана, сплётёна

2) Полное **оканье**, так как [о] на месте безударных [о] и [а] звучит во всех безударных слогах слова:

повыросла, окрүге, полови́ну

3) Ударение на конечном гласном *о* у наречий:

Бедно́, трудно́

4) Наличие долгих мягких шипящих *ш'ш'*, *ж'ж'*:

Прие[ж'ж']али

Грамматические явления

В северорусском наречии широко распространено употребление согласуемых с именем постпозитивных частиц, уточняющих характер объекта: *четвертого-то*, *во время-то*, *кого-то*, *в военные-то годы*, *после-то войны*, *пана-то*, *Василий-то*, *есть-то*, *пахал-то*, *доме-то*, *мать-то*, *по зимам-то*, *окрестных-то*.

Синтаксические явления

Предложения с глаголом *быть*, сохранявшиеся в литературном языке до XVIII века, встречаются в настоящее время в говорах северо-запада (Псковская и Новгородская области) и юго-запада (Брянская и Орловская области) территории русских говоров раннего формирования.

Структурные схемы предложений с глаголом *быть* в сочетании с инфинитивом значимого глагола:

Четвертово-то была значит быть Казанская.; и он в зыбке качался, в лульке, и значит быть ему отдать, пускай он сосёт.

Лексика

1) *Тут мы и бражку варили и пироги какие пекли.* Шарынин. (Одоевское)

Бráжка, ж. Крепкий напиток самодельного приготовления, сырьё для самогонки. *Сначала брагу ставили на неделю или на две, а из неё самогонку гнали.* Галич. (Степаново)[Ганцowsкая, 2015: 32]

СРНГ:

Бражка, и, ж. Плохая, дурная или пьяная разгульная компания. *Шляется тут всякая бражка. Вся бражка собралась: по пьяной лавочке еще спалят.* Барнаул., 1929—1935. Иссык.-Кульск., Тул.[СРНГ, Вып. 03, 1968: 146]

Запись беседы с Носачевой Евстолией Сергеевной.
2017 г.

2) *Вот сварят мелкой картошки в чагуночке.* Шарьин. (Одоевское).

Чугун, м. Чугунный горшок. Потом эта всё сливают в чугун, што смарковой-то. Галич. (Курьяново) [Ганцовская, 2015: 418]

3) *В кринке глиняной и значит быть изжуёт эту картошку.* Шарьин. (Одоевское).

Кринка, ж. Высокая узкогорлая посуда для хранения молока. Сначала разливали малако в кринки, сметану сверху снимали, пахтали. Чухл. (Фёдоровское) [Ганцовская, 2015: 175]

СРНГ:

Кринка, ж. 1. Глиняная, стеклянная или деревянная посудина для хранения молока. [СРНГ, Вып. 15, 1979: 258]

4) *Вот в тряпочку положи этой жевачки.* Шарьин. (Одоевское).

Жвачка, ж. Соска из хлеба или пряника в тряпочке, которую дают ребенку. [Ганцовская, 2015: 107]

СРНГ:

Жвачка, и, ж. 1. Способность жвачных животных отрыгивать пищу и вторично ее пережевывать. Арх., 1887. *Жвачку потерять* (о корове, овце). Не есть из-за болезни. Судж. Курск., 1915. 2. Смола сибирской лиственницы, употребляемая для жевания. *Брось жвачку!* Сиб., Черепанов. [СРНГ, Вып. 09, 1972: 90]

Жва'чка, ж. 1. Жевать жвачку. Способность жвачных животных отрыгивать пищу и вторично её пережёвывать. *Коли корова здорова, она завсегда жвачку жуёт.* Костр. *Захврала наша-то корова, не тъёт, даже жвачку не жуёт.* Нерехт. 2. Небольшое количество сена, которое даётся корове на один раз. *Сена-то там осталось на одну жвачку.* Галич.

БАС:

Жвачка, и, ж. 1. Пережевывание жвачным животным корма, возвращающегося из желудка в полость рта. *Спит пастух и смутно слышит Жвачку ровную коров.* Брюс. В лугах. *Мерно и шумно вздыхали они [волы] темноте, занятые бесконечной жвач-*

кой, нехотя подымались от громкого окрика теплой, земли. Седых, Даурия. 2. Пережевываема пища. Корова сътно жвачку жует и добро-сонливым взором спокойно-лениво смотрит вокруг. Златовр. Устои. Судья обвел глазами своих непрошенных гостей и, проглотив жвачку, сказал: — Я судья, но только до обеда. Чех. [БАС, Вып. 04, 1955: 43]

5) *Он в зыбке качался, в люльке.* Шарьин. (Одоевское).

Зыбка, ж. Детская колыбель, подвешенная на шесте к потолку. *Всех ребят в зыбке качала, ничего, выросли.* Чухл. (Серапиха) [Ганцовская, 2015: 135]

СРНГ:

Зыбка, и, ж. 1. Детская колыбель (обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине). Яросл., 1820. Твер., Новг. *Зыбка висячая. Зыбки из прутья, с лучины. Зыбка ребячья. От этой качели перешли на коляску.* Пек. Тарт., Йыгев. Эст. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йонав. Лит. ССР, Ленингр., Олон. [СРНГ, Вып. 12, 1977: 30]

6) *Мама, помню, галанки навялит — напарит.* Шарьин. (Одоевское).

Галанка, ж. Брюква. *Галанки нынче много насадила.* Чухл. (Фёдоровское). *Галанку парили, вялили, вместо изюму ели.* Кологр. (Копьёво) [Ганцовская, 2015: 69]

Краткий Костромской областной словарь:

Гала'нка, ж. 1. Брюква. *Галанка нынче сладкая, как сахар.* Буйск.+Галич., Солиг., Чухлом. *Не сердитесь, соседи, что я вам подосажал: в ночки темные осенние галанку воровал.* (Частушка). Вохом. *Галанкой и поросёнка кормлю.* Вохом. *Наберём галанки-печёной — и айда на кулигу.* Кологр. *Галанку-то напарим, подсушим и чай с ней пьём — сахару-то не было.* Макар. *Галанканоче уродилась хрущкая.* Мантур. *Сегодня я из галанки суп сварила, похлебай со мной.* Мантур.+Шарьин., Поназ. *Лонись галанка-то баска была, не знаю, нонце какова будёт.* Окт. *Сажали галанку, картошку, морковь.*

Парф. *Галанку в печку ставили, потом паренную ели.* Пыщуг. *Брюкву галанкой-то зовём.* Судисл. *Галанку я в голбец всю сносила.* Шарьин.+Межев., Павин., Пыщуг. 2. Высокая круглая кирпичная печь, обтянутая железом, обогревающая избу. *Галанку к вечеру истопим, всю ночь тепло будет.* Кологр. *Мам, никак не растапливается галанка-то!* Макар. *Повешай белье около галанки, быстрей высохнет.* Мантур. *Ложи чёсанки-то к галанке.* Межев. Они собираются в горнице-то галанку поставить, а то холодно. Окт. *Да эти галанки совсем недавно перестали ставить в избах-то.* Сусан. 3. Любая маленькая печка-времянка, которую ставили только на зиму. *А у нас галанку из кирпичей клали, а в ней плита была, с духовкой.* Готовили на ней, пироги пекли. Костр.+Красн. У нас ставили железную галанку, топили чурочками, а трубку-то выводили в душник, в печь. Нерехт. *Я тебе кашки на галанке сварю.* Солиг. От галанки в дому быстро нагревается. Чухлом.

7) *Были ещё по зимам-то «Большие беседки»: там было затишье уже, таких работ не было больших.* Шарьин. (Одоевское).

Беседки, мн. Обыденное посещение соседей. *Пришла на беседки к соседке. А раньше с пряхам ходили.* Солиг. (Куземино). [Ганцовская, 2015: 20]

8) *Привезут его в плетухе – корзина такая вот из лыка сделана сплетёна.* Шарьин. (Одоевское)

Плетюха, ж. Большая, плетённая из прутьев и дранки корзина, чаще для переноски сена, соломы. *У плетюхи веревка оборвалась, новую привяжи.* Галич. (Пронино) [Ганцовская, 2015: 282]

Плетюха, и, ж. Обл. Большая сплетенная из прутьев корзина. Некр. Кому на Руси. Рассыпались девки по лесу.. Пришли и парни. Они без плетюх, без туесов – их дело не грибы сбирать, а красным девкам помогать. [БАС, Вып. 09, 1959: 1393]

Данный текст отражает основные особенности говора северо-восточной части Костромской области. Показаны фонетические, грамматические, лексические особенности. В настоящее время очень важно исследовать говоры, так как информантов становится меньше. Диалектные особенности уходят из зоны видимости из-за влияния литературного языка, повышения грамотности населения.

Библиография

1. Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края / Д.Ф. Белоруков. – Кострома, 2000. – 535 с.
2. Жирмунский В.М. Существовал ли «протогерманский язык»? / В.М. Жирмунский. – М.: Наука, 1971. – 152 с.
3. Захарова К.Ф. Диалектное членение русского языка. – 2-е изд. / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.
4. Мельниченко Г.Г. Хрестоматия по русской диалектологии: учеб.пособие / Г.Г. Мельниченко. – М.: Просвещение, 1984. – 192 с.
5. Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово / Н.С. Ганцовская. – М.:Книговек, 2015. – 176 с.
6. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н.С. Ганцовская. – М.:Книговек, 2015. – 512 с.
7. Комиссаров В.А. Поветлужье в истории России. [Электронный ресурс] / В.А. Комиссаров. – 2010. Режим доступа: <http://proshkolu.ru/user/vladikom/file/442895/>
8. Перминов А. История Ветлужского края [Электронный ресурс] / А. Перминов. – 2011. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/11/07/1335>
9. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994.
10. Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. / С.М. Соловьев. – Кн. 4: История России с древнейших времен: т. 7–8/ С. М. Соловьев. – М. :АСТ, 2001.

Основные сокращения

- СРНГ – Словарь русских народных говоров.
БАС – Большой академический словарь.
МДК – Московская диалектологическая комиссия.

С.А. УТКИН,
старший научный сотрудник
музея-заповедника «Костромская слобода»

ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЕЗДКИ в село Николо-Шанга

Материалы музейной экспедиции
в Шарьинский район Костромской области

Во время экспедиционного выезда в июле 2017 года в Шарьинский район Костромской области мне довелось посетить старинное село Николо-Шанга. Экспедиция проводилась Костромским государственным архитектурно-этнографическим и ландшафтным музеем-заповедником «Костромская слобода» в целях сбора этнографического материала. В ходе экспедиции удалось побеседовать с семью респондентами, большая часть которых живет в этом селе, а один проживает в соседней деревне Талица, в трех километрах от Николо-Шанги.

Самый старший из собеседников – Шатрова Агния Васильевна, 1929 года рождения, бывший учитель русского языка и литературы в местной школе. Самый младший – 1952 года рождения, Смирнова Валентина Александровна, тоже учитель средней школы села Николо-Шанги, преподавала историю, обществоведение и некоторые другие дисциплины.

Рассказы респондентов содержат интересную и ценную информацию из повседневной и духовной жизни как самого села Николо-Шанга, так и прилегающих к нему населенных пунктов (малых деревень). В этом отношении особую ценность представляют записи бесед с заслуженным учителем России Якушевой Еленой Петровной, Смирновой Валентиной Александровной и Ковригиным Александром Николаевичем, которые публикуются ниже. Также автор выражает благодарность краеведу Овчинникову Валерию Павловичу, который сообщил немало ценных сведений по древнейшей истории села Николо-Шанги и его окрестностей, и Сотниченко Марии Николаевне, благодаря которой стали возможными эти встречи с замечательными людьми.

**Запись беседы с учителем русского языка
и литературы Якушевой Еленой Петровной,
1951 г.р., с. Николо-Шанга**

«По воспоминаниям моего отца Коцепалова Петра Алексеевича один из наших предков по имени Савва или Савелий родился где-то в начале XVIII в. в эпоху Петра I. Его дети, внуки и правнуки жили на одном и том же месте, в деревне Плосково Ветлужского уезда, находившейся в 40 км от Шары. Там же в Плоскове родился и мой отец. Все они были крестьянами, трудились на земле.

Написание фамилии Коцепалов не совсем точно. Прозвище у моего прадеда Николая Кочепалов, вероятно оно происходило от слова, обозначающего действие – упасть у кочки. Видимо он родился в то время, когда мать его работала в лесу. А когда в метрики вносили имя его сына, моего деда Алексея Николаевича (род. в 1879 г.), то, видимо, упустили букву «у» и записали его под фамилией Кочепалов. А отец мой был записан как Коцепалов. Сохранился документ от 1925 г., где мой дед именуется Кочепаловым. Он занимался извозом, и по этому документу ему разрешалось в течение полугода проживать во всех городах и селениях страны, где он окажется. В зимнее время он уезжал из дома, зарабатывал извозом, а летом занимался обычным крестьянским трудом, обрабатывал землю. Дом деда в Плосково был пятистенок.

Прадед Николай был глубоко верующим человеком. В семье рассказывали, что он ходил пешком на богомолье или в Иерусалим, ко Гробу Господню, или на Соловки. Паломничество его длилось более трех лет. Оттуда он принес святые

камни (много камней). Часть камней прадед раздал знакомым и односельчанам. Оставил только двенадцать камушков. Камушки были не большие и не совсем маленькие. Хранили их у икон, в красном углу. Ими моя бабушка Наталья Ивановна Коцепалова (1881 г.р.) лечила односельчан и всех, кто к ней обращался за помощью в случае своего недомогания. Бабушка опускала камушки в воду. Настаивала ее, а затем давала выпить ее больному. Перед этим она еще читала молитву «Отче наш». Так и лечила. Камни сохранились до наших дней, но их осталось немного и находятся они в семьях моих родственников. Бабушка не была травницей, она оказывала помощь только камушками и настоящей на них водой.

С бабушкой ребенком я ходила в село Рождественское, каждый год, 24 июля, к ключу за святой водой. Брали с собой бидончик и наполняли его ключевой водой. Народу приходило много, приходили и слепые, и больные. У ключа дежурил наряд милиции, который разгонял процессию. Святые ключи также были в Коневе и Одоевском. Тогда лечились просто. Бывало, занедужишь (заболит голова или простынешь), подойдешь к бабушке, пожалуешься ей на недомогание, она обнимет тебя и скажет: «Батюшко, это ростучка!» Прочитает «Отче наш», подержит медный крестик на голове, перекрестит им. И выздоравливали.

В 2010 году мне удалось побывать на Святой Земле и постоять у Мамврийского дуба, у которого в конце XIX в., возможно, тоже стоял мой прадед Николай. Кстати, камни, которые привез прадед, по структуре и цвету отличаются от иерусалимских.

Кроме того, в доме у бабушки хранилась семейная икона Георгия Победоносца. В годы войны бабушка всегда молилась перед этим образом о спасении трех своих сыновей, которые в то время были на фронте. И что интересно, все сыновья вернулись домой живые.

В начале 1950-х гг. в доме бабушки икон в красном углу не было, тогда запрещали держать иконы в домах. Но бабушка продолжала оставаться верующим человеком и молилась в углу там, где стояла кровать.

Я крестилась уже в сознательном возрасте, в 1988 году. Крестил меня местный священник Михаил Федорович Сенявин. В то время, особенно в сельской местности, нельзя было проявлять свои религиозные чувства и убеждения. Тем более нам учителям.

До сих пор с досадой вспоминаю день, когда хоронила свою маму Рязанову (Коцепалову) Антонину Агафоновну (1988 г.) Ее отпевали в Николо-Преображенской церкви села Николо-Шанга, но я, как учитель, не могла присутствовать при этом обряде. Я только стояла через дорогу у магазина напротив храма и плакала. Непросто нам тогда было.

Бабушка Наталья знала много сказок, которые нам своим внукам рассказывала, когда мы рядом с ней устраивались на печи. Одну из таких сказок в стихах, услышанную от бабушки где-то в 1957-1958 году я до сих пор помню». (Публикуется на стр. 83 этого альманаха).

**Смирнова Валентина Александровна,
1952 г.р.**

Пенсионер, бывший учитель истории и обществознания Николо-Шанской школы. Родилась в пос. Кирпичный завод на берегу реки Большой Шанги. В селе Николо-Шанга проживает с 1963 г.

«Многие поколения моих предков жили в этих местах с давних лет. Когда я родилась, отец перевез семью из пос. Кирпичный завод в дер. Ширикалиха, что стояла в 5 км. от с. Николо-Шанга и в 1 км от Кирпичного, на одном с ним берегу р. Б. Шанга. В Ширикалихе была своя начальная школа, куда я в конце 1950-х годов впервые пошла получать образование. Также в деревне был свой фельдшер. Возвращаясь из школы домой я, как полагалось, готовила домашние задания. Помню в комнате над тумбочкой, где я занималась, висел портрет Сталина. Мама нередко говорила мне «гляди смотрит на тебя, следит, как ты выполняешь домашние задания». Потом над этой же тумбочкой родители повесили портрет Хрущева.

**С.А. Уткин у Владимира Павловича Кладкова.
Запись воспоминаний.**

Крестили меня в возрасте около одного года, тайно, без разрешения отца, он был коммунистом, весь такой правильный. Крестной была мамина сестра Постелова Екатерина Алексеевна. Крестного не помню, возможно, ее муж Александр. Крестили меня в церкви с. Николо-Шанга. Мама с крестной несли меня из деревни на руках пешком пять километров. Тетю, как крестную, я еще называла «кока». Они уехали в Поназырево, а потом на Север. Я к ним ездила в Поназырево, когда училась во 2-3 классах. Родители долго поддерживали с кумовьями связь, до конца жизни. Помню, крестная подарила мне к школе отрезок черного штапеля, и мама сшила мне новую форму с кружевным воротником. Как я радовалась обнове, такой формы не было ни у кого из одноклассниц. Как они все на меня смотрели! Крестная приезжала ко мне и на свадьбу. Ей сейчас 83 года. И до сих пор приезжает.

Соседку Зину Шатрову из Ивановского, в 2017 г. ей исполняется 60 лет, крестила бабка-повитуха. В 1990-м году, когда она должна была стать крестной моих детей, священник из Николо-Преображенской церкви с. Николо-Шанги, Михаил Сенявин, запретил ей быть восприемницей, сказал, что «то крещение бабкино не считается». Пришлось ей креститься заново. Своих детей (сына 5-классника и дочь 11-классницу), а также детей Зины (один –

семиклассник, другой второклассник) и саму Зину отец Михаил крестил в нашей церкви тайно ночью в 1990-м году. Крестили всех пятерых (четверо детей и одну взрослую) в один раз. Я работала в школе, поэтому нельзя было оглашать эту информацию односельчанам. Как и полагалось у крестников были и крестные. Священник подарил всем детям и родителям маленькие иконы для цепочки, а мы испекли сладкий пирог и угостили им батюшку. Здесь же в храме мы все и съели по кусочку пирога. А крестины отмечали дома, когда вернулись из храма все вместе две семьи, 4 детей и 1 взрослая и ближайшие родственники. Рано утром разошлись. Детям наказывали, чтобы в школе никому о крещении не говорили. Всем надели крестики, но так, чтобы они не были на виду.

Тогда ведь жили все бедно. Белого хлеба не хватало. Дома пекли ржаной каравай. В обед за столом кушали все из одной миски. Отец ест мясо, дети ложками черпали из этой же миски бульон. Но как только он скажет «прихватывайте», так все дети стараются ухватить мясо. Если кто из нас детей разговаривал за столом или между нами возникали споры (спор мог произойти по любой причине, например, кто-то взял не свою ложку) отец стукал тому своей ложкой по лбу.

Мама, Мария Алексеевна, работала с 14 лет на кирпичном заводе, позже перешла на льнозавод. Там работать было трудно, но зато давали хороший паек – «мануфактуру» (материалами). Семья была большая, детей в маминой семье было семь человек. Она пошла работать так рано, чтобы младшую сестру не отправили в детский дом. Бабушка по маме, Мария Ильинична Иванцова – из зажиточной семьи. Проживали они в дер. Утино, там находились начальная школа и больница. Дом у бабушки был большой.

Помню, стояла большая родительская кровать с шарами на спинках, висел красивый подзор. Кровать всегда была заправлена. Подходить к кровати и лежать детям на ней запрещалось. В доме было много домотканых полотенец. Бабушка ткала полотно дома в горнице на ткацком станке. Зимой она пряла пряжу на прядлке с колесом, «самопрялке». Сама же и

красила в корыте нитки. Бывало, придешь к ней в дом, а руки у нее почти до локтей в краске. До сих пор у меня есть несколько бабушкиных дорожек. Полотно она красила в красный и синий цвета. Дорожки постилала она на пол и на лавки, они были жесткие и неширокие, шириной где-то 50 сантиметров. Одежду она тоже сама шила.

Церковь в с. Николо-Шанга действовала всегда. Закрывалась на короткое время в Гражданскую войну. Видимо, до войны (Великой Отечественной) с нее был снят крест, но в 1950–1970-е годы эта церковь была чуть ли не единственным действующим храмом во всем Шарьинском районе.

В Пасху учителя назначались дежурить у церкви. Им вменялось в обязанность выискивать среди прихожан учащихся школы. Провинившихся старшеклассников обсуждали на комсомольском собрании и выносили им выговора. Но раньше и в Святки молодежь ходила по деревням, колядовали. Заходили в дома, пели рождественские песни. Баловали. Помню, как ночью привязали к жерди колодца-«журавля» почтовые сани. Почтальону утром нужно было ехать, а саней на месте нет. Нашел он их висящими на жерди колодца.

В 1950-е начале 1960-х годов в деревне жизнь была еще трудной. Сахар в магазинах продавался кусковой. Пироги из белой муки пекли только на праздники. А так хотелось белого хлеба поесть.

В послевоенное время отец моего мужа, Александр Сергеевич Смирнов, работал председателем колхоза. В один год выдался хороший урожай картофеля, и после сдачи нормы картофеля государству он под свою ответственность разрешил раздать остаток урожая колхозникам, поделив его между людьми в соответствии с заработанными трудоднями. За это «самоуправство» его судили. Семью моего мужа, в которой было пятеро детей, выселили из собственного (большого) дома в баню, где печка топилась по-черному. А в их дом руководство решило поселить односельчан, семью, в которой было трое детей.

Никольский храм
в с. Николо-Шанга.

Мать моего мужа, Валентина Александровича, сильно воспротивилась этому, и те по неудобству перед односельчанами не въехали в этот дом. Через полгода Александра Сергеевича оправдали, и его семья вновь перешла жить в собственный дом».

**Ковригин Александр Николаевич,
1931 г.р.**

Родился в д. Талица (в 3 км. от с. Николо-Шанга), всю жизнь проживает здесь.

«Родом я из обычной крестьянской семьи, родители работали в колхозе. Семья наша состояла из пяти человек: отец, мать и трое детей – два сына и дочь. Отец умер в возрасте 26 лет, когда мне было 3 года, а мама 70 лет, в 1971 году. Свой дом я построил в 1965 году в той же деревне Талица, где жили и родители. Дом пятистенок. До 50-х годов жили с керосиновыми лампами.

У родительского дома был плетеный тын, стоял он только по одной стороне на участке вдоль дороги, а сделан был из прутьев: три жердины установлены горизонтально, а между ними вертикально сверху продеты прутья. При доме выращивали картофель, огурцы, помидоры, свеклу, репу для скота (ее еще называли

«голландка»). Помидоры выращивали в открытом грунте, лета тогда были жаркие, все росло. Помидоры выращивали и на колхозных полях вплоть до 1960-х годов. Возле дома сажали черемуху, рябину, яблоню, березу. Хвойных деревьев у домов не сажали. Выращивали овес, ячмень. Землю в военное время пахали на быках, коровах. Также быков и коров впряженали в молотилки, которые они крутили по кругу.

Воду брали в колодцах, а где и на ключах. Колодцы были колесные и «журавли». Глубина колодца – «журавля» у нас была 18 метров. Баня была у каждого дома, топили их по субботам. У нас баня топилась по-черному.

У многих были овины, но позже они перешли в колхозы. В них сушили лен, зерно, вешала для сена делали из елок. В Талицах стояла водяная мельница, и была своя электростанция. В 6 километрах от Талицы в дер. Забегалихе и в селе Зебляки стояли 3 ветряные мельницы, у каждой внизу находилась избушка, а вертикально проходил вращающийся вал. Мельницы эти использовались до 1960-х годов.

На сенокос уходили далеко от деревни. Жили там в шалаших, сделанных из жердей и покрытых полотном. Внутри шалаша подвешивали пологи от комаров. Женщины каждый день бегали домой за 7 километров от покосов доить коров. Зимой мы возили с лугов сено, заготавливали дрова, а на поля вывозили навоз и торф.

Свадьбы играли осенью после сенокоса и уборки зерна. Игрались свадьбы в доме жениха. Приданое привозили в сундуках. Варили свое пиво, в том числе его готовили и на другие события. Хмелем веселили пиво. Медовуху делали в деревне и сейчас делают, у кого есть пчелы. Традиционно пекли пирог, также и на поминки его пекли. Хлеб мать пекла один раз на неделю, пекла каравай на капустных листьях. Чаще выпекался ржаной хлеб, белый редко.

Дома готовили жваку из бересты. Это мелко шинкуют бересту, плотно набивают ее в кринку и сверху кринку замазывают глиной, а потом

ее ставят на угли в печь. Береста томится, сжимается в комок и потом ее жуют. Жвака очищала полость рта. Когда она подсыхала, в рот добавляли немного масла или сметаны, чайную ложку, и жвака опять становилась мягкая.

Праздники в деревне разные были. Пасху отмечали всегда. В Николо-Шанге был Никола летний, 22 мая. В дер. Бараново – Покров, за рекой в деревнях Уткино, Ширикалиха и некоторых других Троица. Все ходили в эти дни из деревни в деревню. Дома в праздничные дни были открыты для всех пришедших. Все были рады друг другу. Накрывали стол, подавали гостям угощения.

В святки молодежь баловалась. Втаскивали сани в кучу между деревьями. В домах закрывали досками печные трубы. Крыльца у дома заливали водой. Саны в колодец опускали. Ночью ряженными ходили по улицам, заходили в дома и пели: «Крестики-жавороночки, поднесите ради Бога самогоночки!» Хозяева угощали самогоном, и просящие потом переходили в другой дом. Гуляли и баловались все вместе и девчата, и ребята. Соседи не обижались. Наряженными всю неделю ходили.

В Масленицу между деревнями жгли костры. В овраге зажигали большой костер. Церковь в с. Николо-Шанга до войны была заперта. Старое кладбище стоит в полукилометре от села. Там не было часовни, и находится оно в самом лесу. Зимой в морозы хоронили людей сразу. Могилку копали глубиной 1,5 метра и глубже. Жгли костры, чтобы отогреть землю, рубили ее топорами и ломами. Церковь в селе восстановили в 1990-е годы.

В Талице жила бабка знахарка, одна такая была. Крестины отмечали на дому. Собирались близкие родственники и крестные. На стол ставили самогон, подавали пироги. Все было скромно, без большого гуляния, символически. В советские годы крестины не афишировались.

Налоги платили натурой – маслом, куриными яйцами. Если нет коровы или курицы, покупали масло и яйцо в магазине и сдавали их.

С.О. ДЕРЕПАЩУК,
методист Музея-заповедника
«Костромская слобода»

ЖЕНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА: КУКЛА «КАРЦЕВЯНОЧКА»

По материалам экспедиции
в Шарьинский район,
июль 2017 года

Записано у Бариновой Надежды Юрьевны, 1949 года рождения, специалиста по традиционной народной культуре и фольклору комитета по делам культуры, молодёжи и спорта Шарьинского муниципального района.

Бабушкино вдохновение

История возникновения куклы «Карцевяночка» давняя, корнями уходящая в историю рода Надежды Юрьевны, технологиями – в детские навыки, как и положено в традиционной народной игрушке. «Раньше бабушки делали куколок, чтобы занять детей дома. Название «карцевяночка» возникло по названию деревни Карцево, откуда родом моя бабушка Мария Николаевна. Она мне из мочала делала кукол, из щёток, которыми белили. Одна пара обуви на десятерых, гулять не в чем. Одёжки не хватало.

Чем занять ребятишек, чтобы не шалили, сидя на печке? Вот старьё из одежды бабушки стригла, рвала, крутила куклы или полешко заворачивала. Дети играли, как фантазия летит. Куклы без лиц были. Из носового платка даже их делали, пару узелков – и ребёнок играет. Сейчас другие требования, конечно».

Первую куклу-карцевянку Надежда Юрьевна сделала свадебную, в красном красивом сарафане, отделанном стеклярусом.

«Я бабушку спрашивала: «Чем ты отделывала сарафан? Она сказала: «Стекляшками.

Н.Ю. Баринова за работой.

Кукла-карцевянка.

Стекляшки специально привозили из Архангельска, из Ярославля. Я переспрашивала: «Бисером?» – «Нет, не бисером, стекляшками».

Всё делала, как рассказывала бабушка, спрашивала её и о свадебном уборе на свадьбе, и о том, какой шили костюм. Если зажиточная семья, шили сарафаны, которые передавались из поколения в поколение. Венок делался. Спереди – отдельно цветочки. А те, что сзади – с лентами, лента продолжается от цветочка. Чем больше лент, тем считалось, что богаче наряжена невеста.

И красный сарафан обязательно. Поверх венка надевали белый однотонный плат. В церкви невеста закрывала им лицо. Потом снимался венок, расплеталась девичья коса, плелись две, и повязывался плат».

Кукла получилась тогда замечательная. Только ночью приснилась Надежде Юрьевне бабушка: «Внучка, ты всё правильно сделала, но венчалась-то я зимой, у меня и день рождения и венчание 19 января, а зимой в шелковике не походишь, из шерсти мой сарафан был». И прокрутилась перед внучкой во сне – молодая, красивая, в этом самом сарафане-шерстевике. Всё показала. «Я долго не могла уснуть потом. Думала – да я ж только попробовала! А она сразу и приснилась с подсказками, помошью».

«Матрёна». Исполнитель Н.А. Маленина.

«Иван-да-Марья». Исполнители Е.В. Стafeева, С.Г. Кузнецова.

«Дуня». Исполнитель Л.И. Войнова.

Кукольный мастер-класс

«Карцевяночка» сделана из липового лыка. С молоденьких липок драли лыко, шло оно на всякие крестьянские нужды и на куколки оставалось. Нынче лыко можно купить в хозяйственном магазине в виде щётки или мочалки.

Надежда Баринова делится опытом: «Саму куклу сделать недолго. Изготовление куклы – традиционная скрутка. Берёшь лыко, мочало, кисти. Я из трёх делаю куклу. Случается плохое качество самого лыка. Несколько широких ленточек от мочала откладываю, ими перевязывать буду. Беру вилку, расчёсываю лыко. Ровные волокна оставляю, а вычески пойдут на наполнение головы. Делю лыко на два пучка: потолще для туловища и поменьше для рук.

Сначала делаем голову. Одну половинку пучка перевязываю посередине и отделяю, формирую голову очёсами, прикрываю, чтобы гладенько лицо было. С другой стороны косу вплетаю. Потом ручки также скручиваю. Разъединяю пучок лыка напополам, вставляю в основание тела, крестиком лыком перевязываю. И коса лыковая плетётся обязательно».

Кукольная лыковая основа – туловище, которое служит основой куклы, должно быть столь плотным, чтобы кукла стояла. «Карцевяночка» требует красивого убора. Именно убор,

а не наряд – так называли комплект одежды для невесты. Надежда Юрьевна шила куколок в различных уборах. Для свадебных карцепянок старалась подобрать отрезы старинного шёлка, шерсти.

«Для невесты шилась рубаха из «фабрички», она была очень дорогая. Для невесты в приданое делалась цельная рубаха, отделялась шитьём, кружевом. И шёлковый сарафан с подкладом. Шерстевики тоже с подкладом делались. Обшивались или обвязывались рукавчики. Каждая девушка умела вязать крючком или плести. Долго убор делать. Надо шить, отделять, приукрасить. Главное – подборка материала. Ткань, узоры вышивки, украшения придают кукле характер».

Итак, для куколки шьётся традиционная рубаха, отделяется кружевом или вышивкой, рукавчики обвязываются крючком. Сарафан украшается вышивкой бисером, тесьмой. На шею куколки надеваются бусы. Веночек на голову собирается из ленточных цветов-розочек, цветы, которые пришиваются к затылочной части венка, делаются с длинным выпуском лент.

Завершает убор белый большой полупрозрачный плат, которым закрывается голова невесты.

«Платочница». Исполнитель
Н.Ю. Баринова.

«Голубь». Исполнитель
Н.А. Мастеров.

«Мурка». Исполнитель
Н.Ю. Баринова

Игры детства

Надежда Юрьевна признаётся: «В детстве игрушек было очень мало. Камни-голыши использовали, травки, цветочки, веточки, делали и кукол, и мебель, и стены кукольных домиков. Было больше фантазии, воображения. Мы всё могли делать: этот камень – приёмник, тут картинку вырежешь, наклеишь. Машинок тоже не было, мальчишки из кубиков что-то сколачивали, делали. Играли с глиной. Там, где раньше бабушка жила, была бурная река. И весной она притаскивала с большой водой валуны. И у них площадки такие были, как отполированные. И на этих площадках мы делали домики и играли в куклы. Из глины игрушки лепили. Первую настоящую куклу мне подарили на 6 лет. Большая кукла, из прессованных опилок голова, руки и ноги, туловище мягкое, набитое. Полностью разукрашена, лицо и глаза нарисованы. На улицу ни в коем случае с куклой этой ходить не разрешалось. Кукла большая редкость была».

Кукольный мир взрослых

Куклы, поделки, различные игрушки – основное население кабинета Надежды Юрьевны. Поскольку она к большинству из этих обитателей приложила руку,

Деревенские прогулки

Село Троицкое Шарьинского района.

выпустила в жизнь, то место это не кажется музеем. Надежда Баринова ведёт экскурсию по выставке кукол и различных игрушек в своём кабинете-мастерской: «Здесь у нас традиционная кукла. Вот моя кукла «Семья», 6 детишек и «я». Кукла «Рванка». Она уже облагорожена, для ярмарки, сейчас другие требования у покупателей. Но раньше такие куклы делались совсем не приглаженно – платочница, рванка, столбушка, скрутка... Главное, чтобы железо не касалось ткани, ни ножницы, ни иголка, тогда кукла сохраняла обережную силу. Некоторых кукол я не могу делать, не имею права.

Например, на рождение ребёнка – должна только мать сама делать, обережную силу придавать. Ведь кукла не всегда игрушка и в основном не игрушка. Есть кукла игровая, а есть обережная. Вот даже муж однажды не поверил и говорит: «Ну, подумаешь, ты там кукол делаешь, какая в них сила?» Я спрашиваю: «Вот какие у меня сейчас руки?» – «Горячие». Я делаю куклы и потом говорю: «А теперь смотри...» – Он трогает: «А почему у тебя холодные руки, ты вроде крутила-вертала...» Потому что отдаёшь частицу себя.

Бусы я восстановила, современное лишь оформление, техника исполнения старая. Раньше ещё и обвязывали, что-то вышивали, теперь я использую современную фурнитуру.

А это «Кукла счастья». Женская сила в косе. Коса делалась только льняная. Если из ниток – теряет своё магическое свойство. Это куклы-малютки, на ладошке.

Кукла «Хозяюшка» – в ней внутри зашита копеечка, но ручки у неё связаны, чтобы хозяйка много денег не тратила попусту. А это – «Благодать» или «Молящая». У неё ручки кверху, она как бы просит милости».

На вопрос, откуда такая страсть к кукольному рукоделию, откуда умения и знания, Надежда Юрьевна отвечает: «Меня мама, Людмила Николаевна, учила иголку держать. Она швея-самоучка, могла любое платье по журналу сшить. Мама воспитывала нас троих одна.

Этнографический школьный музей «Троицкая старина»

Приходила с работы, садилась за машинку, заказы делала. Она раскраивала, мне приходилось намётывать, потом ещё подшивать подол и рукава вручную, и попробуй, чтобы ниточка была видна – получишь хорошо линейкой.

А куклы... – это моя работа. Я поступила учиться на педагога, это моё – детский сад, нулевые классы. Педагогом проработала 23 года. Моя группа всегда оформлена была в русском стиле....».

Много открытых уроков и творческих встреч, мастер-классов, выставок, ярмарок состоялось с тех пор, как появилась первая кукла «Карцевяночка», авторская разработка Надежды Юрьевны Бариновой. Стопка грамот, дипломов и благодарственных писем растёт, но не в них счастье и сила, а в горящих глазах детворы, в том, что у мам и бабушек появляются лоскутки и нитки в рабочей корзинке и время перед телевизором не проходит зря. Появляются игровые куклы для детей, для братишек-сестрёнок. Мастерятся подарочные обережные куколки для родных.

И детям, и взрослым Надежда Баринова советует: «Сделав куклу, говорите с ней, как в сказках, разговаривайте со своей куколкой, она вам поможет. Используйте натуральные материалы. Лён и лыко обереги самые сильные, они впитали в себя все стихии, в земле росли, водичкой питались, ветром шевелились, солнышком согревались, все стихии приняли. Кукле изо льна или лыка сила природы добавляется.

Такие куклы в руки просятся, убором своим удивляют, в памяти надолго остаются». Наверное, в этом и есть главный секрет притягательности куклы «Карцевяночка», её сила, которая помогла ей стать брендом Шарьинского района. Сделана она чуткими, умелыми руками, с душой, со старанием, с раздумьями о прошлом и будущем, и с пожеланиями добра.

Рукотворное богатство Поветлужья

Экспедиционный выезд в Поветлужье, в сёла Шарьинского района, преследовал самые разные цели, у каждого участника этнографического поиска были свои задачи. Темой моей работы в селе Троицкое стало традиционное женское рукоделие, а результатом – богатый фотоархив. Из старинных поблёкших расписных сундуков и с полок современных зеркальных шкафов хозяйки доставали бережно хранимые предметы: вышитые скатерти и рушники, украшенные кружевами вязаные подзоры и занавески, тканые полотна и многое другое. Рассказывали: «Это полотно мамочка моя ткала...», «Это работа свекрови, она всю жизнь яркие лоскутные одеяла шьёт...», «В этих сарафанах мы плясали на фестивале в Костроме...», «Веретёнца и детали ткацкого стана муж принёс из брошенной деревни...».

Нынче все осознают, что старые прядки, веретена, лоскутные одеяла, вышитые рушники и даже вытертые тканые половики-дорожки – это ценность. Предметы старины в селе Троицком порой ещё работают – сундуки, глиняная посуда, дедовские инструменты, лоскутные одеяла, вязаные и тканые половики. Жители собирают личные коллекции. Что-то передают в школьный этнографический музей. Там регулярно проводятся занятия, погружающие школьников в исторические реалии родного края, показывающие быт и творчество их предков.

Информанты, с которыми мне посчастливилось беседовать в Троицком, застали очень сложное время – на их молодость выпала война, затем восстановление разрушенного хозяйства. Казалось бы, не до рукодельного творчества, но традиции сильнее войны и беды, и поздним вечером после домашних забот, после работ в колхозе, при свете керосинки и шили, и вышивали, и ткали выращенный и обработанный лён. Вещи, созданные стараниями мастерниц и сохранённые их потомками, стали теперь предметом изучения и копирования для последователей, для тех, кто выбрал этнографическое направление в изучении крестьянской традиции в ремёслах и рукоделии.

Светлана Дерепашук

Рукоделие в личных коллекциях жителей села Троицкого

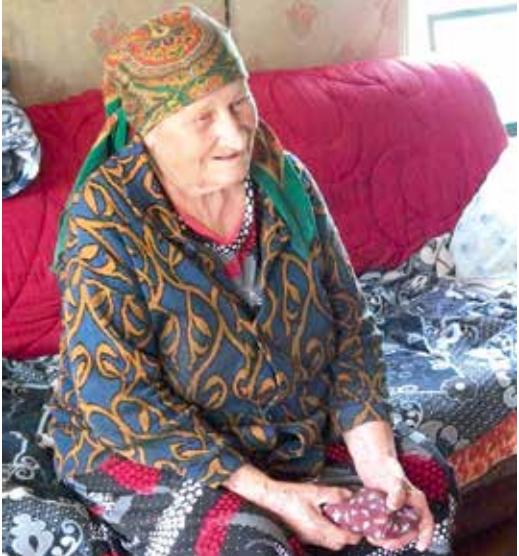
Запись воспоминаний у Вершининой Лидии Петровны.

Кудринская Мария Савельевна рассказывает о своих рукоделиях.

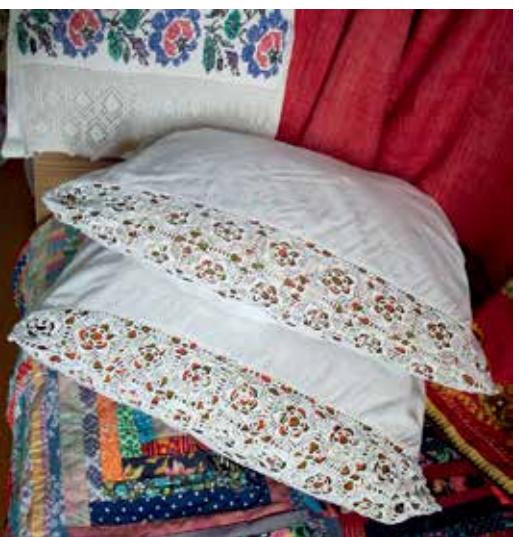
Суворова Ирина Валентиновна. Полотенца, подаренные храму Воскресения Господня в с. Троицком.

Запись рассказов у Мастеровой Таисии Петровны.

Чекотаева Зоя Николаевна и Вершинина Екатерина Николаевна (справа).

Из собрания Вершининой Екатерины Николаевны.

Т.Г ГОНЧАРОВА,
учёный секретарь Музея-заповедника
«Костромская слобода»

ТРАДИЦИИ В НАРОДНОМ ПИТАНИИ И ТРАВОЛЕЧЕНИИ У СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПОВЕТЛУЖЬЯ

Записанная здесь информация касается периода 1950–2010-х годов. С учётом ранее собранных этнографами и работниками культуры гастрономических традиций ветлужан (начало и первая четверть XX века), эти воспоминания помогут сравнить, насколько же устойчивы оказались привычки и вкусы в народном питании и способы приготовления пищи, её обрядовая составляющая.

Соколова Манефа Николаевна, 1933 г.р., родилась в дер. Марутино Ивановского сельского поселения Шарьинского района Костромской области, живёт в дер. Плосково Ивановского сельского поселения Шарьинского района.

МАМИН ХЛЕБ

«Детство военное хорошо помню. Думали только о том, чего бы поесть... Ели клевер, щавель, колоколец (льняное семя в ступе толкли и пекли из него лепешки приправленные съестной травой, например, кашкой или подорожником). Ели даже белый мох с гороховой мукой. У кого семеро-то детей было, тем трудно было всех прокормить... Семья наша была из духовных. Алексей Фёдорович Беляев служил в церкви в Рождественском. За стол мы без молитвы не садились. Когда церковь закрыли, бабушка до последних дней своей жизни ходила в церковь в село Николо-Шангу за 10 км, и мама ходила туда по воскресениям. Все – и внуки, и правнуки – у меня крещёные.

Моя мама и бабушка славились в округе тем, что выпекали удивительно вкусный хлеб. И вот их пригласили выпекать хлеб для деревенского

обратить интересные материалы, в том числе и о традициях, связанных с народным питанием, позволил летний экспедиционный выезд научных сотрудников Музея-заповедника «Костромская слобода» в Шарьинский район Костромской области. Это стало возможным благодаря помощи администрации района, И.Э. Баринштейн, председателя местного отделения Русского географического общества, Е.Н. Вахрушевой, заведующей Шарьинской межпоселенческой библиотекой, поддержавших проект. А также бескорыстному участию в работе многих сельских библиотекарей, в течение этого лета собиравших информацию по опросным листам нашего музея. И, конечно, открытости и расположенности к общению деревенских старожилов, поделившихся своими воспоминаниями.

М.Н. Соколова для приготовления еды в русской печи до сих пор использует глиняные горшки и плошки. 2017 г.

Посуда для русской печи.

В горнице у Манефы Николаевны.

Дворина: теперь здесь хранятся дрова и веники для бани.

магазина в Марутино. В доме нашем стояло несколько квашонок, а мы, малые ребяташики, с голоду украдкой тесто таскали... Весь мамин ржаной хлеб шёл в магазин, а белые коровы даже увозили в район.

....Вот расскажу, как опару она делала. И я потом так же. С вечера затваривали мучку на чуть подогретой или холодной воде. Затворяли тесто в деревянной большой квашонке – ведра на 3, клали туда для ходу остатки теста с прежней выпечки. Наливали воды и муки немного, клали соль. И ставили бродить на печь или на шесток, чтобы опара ходила. Утром замешивали снова, прибавляя муку, и опять ставили в теплое место. Когда опара вновь поднималась и начинала оседать, тесто разделяли (валяли, катали) на отдельные хлебы на доске, посыпанной мукой. Затем тесто раскладывали по деревянным блюдам – «шабалами» называются. Делается это так: в шабалу кладут сырую тряпку, чуть посыпают её мукой, и выкладывают в неё тесто. Тесто в шабалах (а ставили мы их до 9-12 штук) должно подняться, и только тогда ставят их в печь. Перед этим из хорошо протопленной печи убираются остатки углей, выметается вся зола. Если пекли прямо на кирпичах, на поду, то выкладывали коровы на холщовую скатерть и оставляли подходить. Деревянной лопатой потом высаживали их в вольный жар печи, на чисто выметенный от золы под. После выпечки вынимали коровы, корочку смазывали маслом или просто водой, и выкладывали снова на скатерть, прикрывали полотенцем, чтобы хлеб отдыхал, подходил.

Пекли не только в шабалах. Коровы более крутого замеса ставили в печь на лопате (вот такая деревянная) и пекли подовый хлеб прямо на кирпичах пода. Из выпечки в ходу были ещё драники и коровайцы – делали их из тёртого сырого картофеля, надо натёртое отжать и промыть. Потом добавлялся жмых, немного муки, соли, обваливали мукой и сажали на небольших сковородах в печь. Тесто должно быть не крутое, как на блины. В печи они поднимались. Звали это печиво – «мяконя».

ПРЯЖЬЕ

«По большим праздникам всем пекли по пряженцу. Это особое наше ветлужское угощенье. У каждой хозяйки был и есть свой секрет, как готовить тесто для «пряжья». До сих пор сохранилась традиция печь пряженцы на Рождество, Крещение, Ильин день и многие другие народные праздники. Без пряжья не обходится ни одна ветлужская ярмарка. Для выпечки нужна большая глубокая чугунная сковорода, таган на трёх ножках. Он ставился на под или шесток. Под таганом разводился с помощью берёзовых лучинок огонь, на таган ставилась сковорода.

С вечера для пряженцев затворяю тесто. На закваску – мука, вода – 0,5 литра, соль, сахар. Ставлю в теплое место бродить. Утром добавляю 1 яйцо, 0,5 литра молока (если одно молоко, то будут жёсткие). Молоко должно быть горячее, им «ошпариваю» тесто. Разделяю выроженное тесто на комочки, кладу на тряпку, чтобы поднялось. А когда поднимется, на двух больших ножах перекладываю его на сковороду и растягиваю лепешку. Раньше у меня для этого были две лопатки – их называли «посивки». А теперь руками растягиваю да и кладу на сковороду... На ней масло растопить надо, какое есть: мы с мамой пользовались и топлёным, и растительным. Теперь я делаю козье масло, у меня козочка одна ещё осталась, молоко-то не выпиваю, вот масло и делаю». (Показывает в холодильнике запас топлёного козьего масла).

КАК ГОТОВЛЮ МАСЛО

«В глиняной подойнице пахтаю мутовкой сметану, снятую с молока. Полученное масло промываю холодной водой, воду сливаю и ставлю в «среднюю» печь топить это масло. Снизу остается «поденье», сверху – пенка, а масло – посередке, его сливаю и в холодильник морозить. На пенке булочки настрыпаю».

КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ

«Колхозная жизнь не сделала питание наше богаче. Поросёнка выкормишь с горем пополам и повезёшь в Шарью сдавать «на налоги».

Себе останутся хвост да уши. Налог надо было уплатить такой: мяса сдать – 50 кг, молока -300 литров, яиц – 3 десятка.

Поэтому основной едой и была картошка. В глиняных плошках и горшках запекали в печи картошку, варили кашу. Покупали горшки, плошки, водяники в дер. Ополовничиха, где жили хорошие гончары. Как без горшка в хозяйстве? В горшке топили молоко, чтобы не прокисло. Я долго держала корову, покаправлялась, теперь вот козочка одна осталась».

«ГНЕТЁНОЕ» МОЛОКО

«Его готовили во время постов, когда нельзя было есть скромную пищу. Вот народ и придумал, как хранить до времени молочные продукты. Горшок с простоквашей ставили на несколько часов в не очень жаркую печь. Затем горшок вынимали и сливали его содержимое в полотняный мешочек. Сыворотку отцеживали, а мешочек с творогом клади под гнёт. Готовый творог снова помещали на несколько часов в печь, затем снова под гнёт. И так дважды. Когда творог становился совсем сухим, его складывали в кадки опять под гнет. Приготовленный таким способом творог очень долго хранился, и во время поста можно было не бояться, что молоко пропадёт».

КАШИ И ПОХЛЁБКИ

«Каша готовилась так: крупа мылась, помещалась в плошку, заливалась молоком, ставилась в печь. Во время поста каши готовили на воде.

Суп (у нас назывался «похлёбка») варили мясной по праздникам, с таким расчётом, что из него ещё получаются разные блюда. Хлебаем, а самую гущу оставляем. Затем в эту гущу наливаем квас – вот тебе и окрошка. Затем второе – каша или картошка. А то и первым блюдом, бывало, ограничивались. Из напитков – молоко было обязательно. Чай – тот редко пили, по праздникам. Это уже началось в 1960-е годы – с пирогами. *Холоедец* тоже по праздникам ели. Готовился он просто: кости посребёшь, помоешь – и в чугун, в печку томиться на целые сутки. Потом мясо от костей разберешь – и на холод».

ВЕТЛУЖСКИЙ РЫБНЫЙ ПИРОГ

«Это самое распространённое печиво на многих праздниках, особенно на праздничном столе в день Петра и Павла, в Ильин день, на Николу венчного, без него трудно представить свадьбу, именины. Ветлужский пирог делался с цельной рыбой. Сырую рыбину, прямо как она есть, очистив от кишок, но с головой и хвостом, кладут на раскатанное тесто – на луковую подушку (мелко нарезанный сырой лук). На рыбу сверху тоже кладут слой лука, затем укрывают листом раскатанного теста (он тоньше, чем нижний пласт). Смазывают пирог маслом и яйцом, дают подняться и ставят в печь.

....Традиционными у нас до сих пор считаются маленькие защищенные пироги с яйцом и луком. Сладкие, открытые, с ягодами; ватрушки с творогом и картошкой – наливыши, плюшки с маком».

Беляева Зоя Алексеевна, 1934 г.р., жила в с. Нейша Нейского р-на, теперь в с. Рождественском Ивановского сельского поселения. Выпускница Шарьинского медучилища, работала медсестрой в больнице села Рождественское.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ХЛЕБ

«В 1952 году хлебный паек в нашем сельпо был 0,5 булки на человека. Муку выдавали по списку – 2 кг на члена семьи. Хлеб я стала печь дома, как ушла на пенсию. Завела корову от безысходности и нужды. Держала коров почти 30 лет. Если есть корова в хозяйстве, есть молоко, то можно и не беспокоиться – корова выкормит. Ещё завела девять овец. Коров звали Жданка, Крошка, Весна, Майка. Начала печь хлеб. Раздобыла формы из чугуна. Научилась делать заквасочку. Закваску раньше делали несколькими способами, так как дрожжей не было. Делали ее из сырого картофеля, из горячего вареного картофеля, из головок хмеля. Еще хозяйки оставляли от каждой предыдущей

выпечки кусок теста-закваски. Размешав закваску деревянной мутовкой, добавляли в нее теплую воду и просеянную через сито или решето муку. Затем тесто размешивали и ставили в теплое место.

В пищу употреблялась мука пшеничная, ржаная, овсяная. Зерно мололи раньше и в домашних условиях на специальных жерновах, но мы уже из покупной муки пекли. Для приготовления хлеба брали преимущественно ржаную муку с отрубями. Нередко смешивали муку различных видов для получения особого вида хлеба или из экономии. Мы пекли хлеб из муки 2-го сорта.

С вечера готовилась квашня для теста, в нее клали закваску. К утру следующего дня тесто поднималось, и его начинали вымешивать. Вымешивали тесто до тех пор, пока оно не станет отставать от рук и квашни. Потом его ставили опять в теплое место и, после того, как оно опять подходило, снова вымешивали, разделяли на круглые гладкие хлебы. Давали им расстояться и после этого ставили в печь. Печь предварительно хорошо протапливали, а золу и угли выметали с пода метлой. Пекли хлеб в формах и на капустных листах. Плошки были различной величины. В русской печи хлеб выпекался один час. Хлеб этот после печи родиной пахнет».

ПИРОГИ НА ПРАЗДНИК

«Коронные пироги во всем Поветлужье – это рыбники да пряженцы, плюшки с маком, да ватрушки с творогом. *Рыбник по-ветлужски* готовится только из речной рыбы – судака, леща, щуки, налима. Белое тесто из муки первого сорта затворяют с вечера, утром месят, ждут подъема и тем же утром пекут. Рыбу вычищенную перчат, солят, целиком с костями кладут в пирог. На низ на тесто кладут лук или сырой, или поджаренный на топлёном масле. Тем же луком рыбу накрывают сверху, затем кладут пласт теста – крышку пирога, она смазывается яйцом или маслом. Ставят пирог в печь на 45 мин.

Рыбник не резали ножом. Сначала аккуратно снимали верхнюю корку, ломали её на кусочки каждому участнику застолья, потом каждый брал рыбу из открытого пирога. Такая ещё к этому приговорка была : «Ешьте рыбу, насерите на корки-то...». Всё побережье Ветлуги и до сих пор так готовят и ест рыбники.

Другой такой особый у нас пирог-лепешка – «пряжье». Но у меня не получается такого пушистого и мягкого пряженика как у Тамары Александровны Сотниковой из Рождественского».

НАРОДНЫЕ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНИЯ РАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ

«От простудных заболеваний всех детей лечила простым народным средством, так ещё моя мама и бабушка меня лечили. В небольшом количестве воды запаривается луковица с песком или мёдом. Этот завар надо пить несколько раз в день – разжижает мокроту. Помогает и сбор трав: зверобой, липа, мать-и-мачеха. Малышей купала в травяном настое: чистотел, подорожник, иван-чай (от сыпи), пустырник (успокаивает), таволга (против грыжи), череда, листья малины, отвар шиповника (как укрепляющие средства).

Многие лекарственные травы и корешки мне позднее подсказывали сельские старожилы, которые с помощью этих средств облегчали свои недомогания. Таблетки-то кому охота поглощать. Популярностью пользуется в народе такое средство от артрита как спиртовой настой белой сирени или настойки корня сабельника. Отвары брусличного листа с цветами липы, настойки калганового корня – от надрывницы. До сих пор с самой старины эти средства употребляются.

Хочу поделиться моим любимым рецептом от любой, считаю, болячки. Пользуюсь им не один год. Это настойка на спирту из мухомора, природного антибиотика. Обезболивающее, антисептическое, противоонкологическое средство. Также и наружное средство: синяки,

Зоя Алексеевна Беляева. 2017 г.

ожоги, царапины быстро проходят, если смочить ватку этим раствором и приложить к больному месту.

Как собирать мухоморы. Собираю я мухоморы так. Выбираю только круглые не раскрытие шляпки. Надо очистить их, только руками, ножом прикасаться нельзя, особенно осторожно хранить беленькие бляшечки на шляпке – в них-то и заключается лекарственная сила. Сложить шляпки в стеклянную литровую или пол-литровую банку, уплотнить и залить спиртом или водкой, плотно завинтить крышку и поставить на 1 месяц в холодильник или зарыть в землю.

Способ использования. Через месяц переливаю спиртовую вытяжку в бутылку, а грибы выбрасываю. Принимаю натощак 2 раза в день по три капли в одной столовой ложке чистой воды. Пить, прибавляя по одной капле каждый день, до 15 капель. Затем идет снижение приема капель – от 15 до 3-х. Такой курс профилактики надо делать 2 раза в год».

Сотникова Тамара Александровна, 1949 г.р., село Рождественское Ивановского сельского поселения.

ПРЯЖЬЕ

....«У меня этот рецепт больше приспособлен к современному, чтобы удобней было. У мамы была чугунная большая сковорода, пекла она пряженцы на таганке. А я пеку в большой кастрюле из нержавейки и на газовой плите. Печки не натопишься, а тут можно в любое время. Пеку на растительном масле. Наливаю на дно кастрюли масло 3-4 см высотой от дна. Как масло закипело, заранее приготовленные комочки теста – лепешки, растягиваю (тогда они делаются пышными) и кладу в кипящее масло. Переворачиваю двумя вилками. И вынимаю на бумажную салфетку, чтобы стекло лишнее масло. Меняю масло для второй закладки.

Рецепт теста следующий: 0,5 литра молока. Дрожжи – 50 г. Разводим в теплой воде. Два яйца. Соль. Масло растительное – для теста. Муки класть столько, чтобы тесто было не крутое, чуть гуще сметаны. Теперь самое главное, от чего зависит, будут ли пряженцы пышными. Надо месить тесто не меньше 20 мин. Так, чтобы оно начало от руки отлипать».

Соколова Людмила Николаевна, 1933 г.р., село Рождественское Ивановского сельского поселения. Соколова Зинаида Николаевна, 1935 г.р., село Рождественское Ивановского сельского поселения.

«БАБУШКУ НАЗЫВАЛИ МИНЬКОЙ»

«Мать, Соколова Александра Игнатьевна, 1908 г.р., родилась в д. Суриха Шарьинского р-на, это родная сестра прославленного адмирала Н.И. Виноградова, в честь которого названа одна из улиц Шары. Родился он также близ Шары в деревне Сурихе.

Бабушку называли минькой, отца – тятей, хлеб – папой, любой суп – штями. «Шти да шти, дак захочешь и лапши», – так говорили во всех окружающих нас деревнях: Бынихе,

Бухалкине, Поляшове, Баанове, Барабанове, Бынкове, Гольянове и других. В маминой семье было 9 детей. Всех с самого детства учили трудиться. Первое правило для девочек: стряпать, прядь, ткать, шить. Повязки на иконы шили, вышивали скатерти, накидушки, покрывала, простыни, подзоры, накамодники.

В школу мы пошли в лаптях, сумки льняные через плечо. Наш дедушка хорошо плёл лапти, в них мы ходили по 6-8 классы. Один учебник на всю деревню, передавали его друг другу, когда готовили уроки».

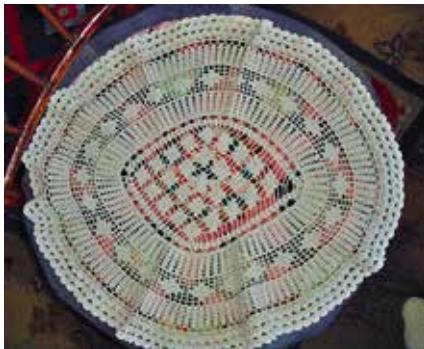
ПИТАНИЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В 1950-Е ГОДЫ

«Сушили липовый лист и добавляли в муку. Масло льняное только было. Его готовили сами. Специальными жерновами выдавливали из льняного семени сок. Ели всё с льняным маслом. Сначала семя сушили, потом толкли большими пестами. Просеивали. Затемсыпали в большую ёмкость, заливали кипятком. Воды много не лили: надо, чтобы смесь была только смочена водой. Получалась густая масса. Полученную смесь «наталкивали» пестом на разостланную холстину. Все это помещали под жом. Жмут смесь до тех пор, пока течет масло. Из 10 килограмм смеси выходит 3 литра масла. С маслом ели репу (терли ее на терке). Масло клали в кашу, в постные щи».

Хлеб пекли каждый день, потому что было много детей. Закваску прошлого печива всегда использовали. Всё это бродило в квашонке до утра, а потом коровай садили на лопату и ставили пекчись. Весь хлеб в нашей семье пекли на поду. На шестке устанавливали таган, брали большую старинную сковороду, на ней пекли пряженцы».

ПОДОВЫЕ «КАРАВАШКИ»

«Караваши пекут из ржаной муки. 500 гр. муки разводят 2 стаканами теплой воды, добавляют столовую ложку сахарного песка, соль по вкусу, закваску или 5 г. дрожжей, разведенных половиной стакана теплой воды. Все перемешивают, добавляют муку

Вышивка, вязание, лоскутное шитьё
Людмилы Николаевны и Зинаиды Николаевны Соколовых. 2017 г.

до получения крутого теста. Ставят на час в теплое место, чтобы каравашки подошли, затем высаживают их в печь. Из форм их перевертывают на деревянную лопаточку и с лопатки прямо на голые кирпичи пода. Пекутся около часа. Низ каравашек бывает в золе. Её вытирают тряпочкой, каравашки накрывают полотенцем. Они обмякнут и подаются на стол: к похлебкам и к молоку. Подовые каравашки пекли круглый год.

Каравайцы выпекали на маленьких чугунных сковородках, наливали на них жидкое тесто, замешанное на молоке, воде, яйце, закваске, выстаивали в тепле, – и в печку.

Закваска-дрожжи делалась так: надо сварить «в мундире» 0,5 кг картофеля, размять его, добавить в полученную массу горсть семян хмеля (сухого), развести теплой водой до консистенции сметаны и оставить «выхаживаться» на 2 суток. Через 2 суток дрожжи готовы. Долго хранить их нельзя.

Готовили «заваруху» – это запаренная овсяная мука с льняным маслом. Кипящей подсоленной водой заваривали ячменную муку. Содержимое выкладывали в сковородку и ставили в вольную печь.

Готовили гороховый кисель с льняным маслом. А ещё *хлопаники* – оладьи из гороховой муки. В гороховой муке замешивали тесто, не очень густое и не очень жидкое, как на оладьи. Соль – по вкусу. Тесто длительное время взбивали мутовкой, чтобы оно было пышным и увеличилось в объеме. Выпекали как оладьи в печи на угольках.

Готовили запасы солода на пиво. Замачивали рожь в мешке, потом ставили на печь под груз для проращивания. Потом сушили пророщенное зерно, мололи.

Корчажное пиво варили на этом солоде».

ПОДРОБНЫЙ РЕЦЕПТ СОЛОДА

Для приготовления пива готовили сначала солод. Готовили его следующим способом. Рожь замачивали в проточной воде примерно с неделю. Потом в мешке разравнивали ровным слоем и клади в теплое место на

печи на проращивание. По мере прорастания содеримого мешка (это сросшиеся пласти зерна) оно вынимается и разрывается на части или мелко расщепляется. Затем на подстиле ворохом кладется на русскую печь, укрывается сверху, еще кладут груз. Все это лежит 2-3 дня.

Потом эту массу по частям в горшках ставят в печь солодить. Получается коричневая сладкая масса. Затем ее сушат в печи на противнях, когда все высохнет, складывают в чистый сухой мешок – это и есть солод. Потом его размалывают на жерновах, и солод уже полностью готов.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ВЕТЛУЖСКОГО ПИВА

Для приготовления пива берут такого солода 1 кг, ржаной муки 0,5 кг, заливают теплой водой, все перемешивают и ставят в печку парить в корчаге на день. На следующий день эту массу раскладывают по корчагам, у которых внизу есть отверстие для слива. Это отверстие обмазывают тестом, чтобы жидкость не просочилась.

На дно корчаги кладут березовую лущину клеточкой, на нее кладут соломенный жгут. В запаренную массу добавляют ржаную мякину или рубленую ржаную солому, все это перемешивают. Это все делается для лучшего слива пива. Массы этой кладут приблизительно на 1/3 корчаги, остальное заполняют доверху водой.

Корчагу закрывают и ставят в печь на весь день, вечером хозяйка смотрит, если воды выкипело много, снова добавляет воду, чтобы было доверху, и оставляет все в печи еще на ночь. Утром корчаги вынимают и начинают сливать пиво. На стол кладут корчагу, к ней подставляют дощечку, внутри которой сделан желоб, доска кладется с наклоном. А с другого её конца подставляется емкость, в которую сливают пиво.

Пиво, которое сливают, называется «первое пиво». Можно получить «второе пиво». Для этого корчагу с цеженым пивом заливают опять доверху водой и ставят опять

в печь на весь день. Затем снова сливают. Получают второе пиво. Это пиво первого и второго слива можно пить по отдельности, а иногда их и смешивают. Для того, чтобы пиво было хмельное, иногда его варят с хмельными дрожжами.

«Из других традиционных блюд были: *студень* – выпаривали телячью кости и раскладывали в плошки, выставляли на мороз; делали *квас* – *хлебный* и *свекольный*. У нас была специальная деревянная кадочка – «квасница», в ней и ставили квас. Внизу бочки была дырочка с затычкой, оттуда сливали готовый квас».

Малышева Нина Ивановна, 1937 г.р., родилась в д. Лазорево Шарьинского района. Живет в д. Марутино Ивановского сельского поселения.

«КОРОВАЙЧИКИ НА КАПУСТНЫХ ЛИСТАХ»

«Жили очень бедно. Основная наша еда – горох. А в войну-то и его не было. Ели пестры, белый мох в земле ковыряли. Крапивы в деревне даже не было, всю деревенские на шти оборвали. Что говорить-то ...ходили воровать липовый лист. Его сушили и пекли – из липовой муки получались лепешки. Коровайчики на капустных листах тоже пекли из жмыха.

В неурожайные годы в тесто для хлеба всегда добавляли жмых, дуранду (выжимки от льняного семени), куколь (головки льна без семени), вареный картофель, головки клевера, крапиву, сушеные листья липы.

Муки давали по 2 кг на человека на трудодни. Вот идут по деревне все с котомочками и думают, как и где сэкономить. Получше стали жить в 60-х годах, но пшеничные хлеба пекли только ко свадьбе или на большой праздник.

Ржаной хлеб делали так: просеивали ржаную муку 2 кг. Вечером затворяли закваску на теплой воде – 1 литр. В закваску добавляли картошку вареную, тертую (2-3 шт.). Покрывали все и ставили на печь.

Обстановка в прихожей избы.

Швейная машинка в спаленке.

Подзор из хлопчато-бумажной ткани.
Втор. пол. XX в.

Фрагмент вышивки Н.И. Малышевой.
Повязка на икону. Сер. XX в.

Повязка на икону. Вышивка гладью.
Сер. XX в.

На следующий день месили. Добавляли муку, соль по вкусу. Плошки смазывали жиром или растительным маслом. Выкладывали в них, смочив руку водой, тесто и разглаживали его. Как поднимется тесто в плошках, ставили его в печь. Пеклись хлеба 1-1,5 часа. Если хлеб сильно горячий, то он не испекся, следует его еще пекчи.

А так картошку в основном ели. Всегда заготовляли соленья. Грибы да ягоды. Вон, посмотрите, дочь всего заготовила, за брусницей опять рано ушла. Брусницу мочим, капусту и огурцы солим. Всякого наделали, а кто теперь будет это есть, всё стоит...»

«И ПЕЛИ, И ПЛЯСАЛИ ПОД ГАРМОНЬ «ДВОЕЧКУ»

«По праздникам в Марутино было весело. Ходили с песнями по всей деревне: и пели, и плясали под гармонь «Двоечку», «Ветлужского», драки были из-за девок, когда чужие незваными приходили. С началом зимы начинались беседки, где парни приглядывали себе невест, а девки женихов. В номерки играли на беседках.

Это так. Ребята и девки садятся все на скамейки в избе, друг против друга. Всех считают – и у каждого свой номер, он его и запоминает. Ну, если девка-то гуляет с парнем, она его номерок старается запомнить, чтобы потом его вызывать. Ну, один номер выкрикивает, если твой, бежишь и садишься ему на колени. И не по очереди, а все вместе, подряд, каждая быстрей спешит. Иногда тебе такой выкрикнет, что глаза бы не смотрели, а ничего не сделаешь, на колени садишься. На беседках играли ещё в «Булавку». Булавку прячут на одежде парня или девки: кто-то ищет на ощупь, а гармонист играет. Если близко к булавке – громко играет, если дальше отходишь, тихо играет. Пока не найдёшь.

Или вот ремнём хлестались. Все встают кругом, парами, друг перед дружкой. А один, кто водит, бежит за тем, у кого пары нет. Бегали за кругом, вокруг стоящих. Водящий должен

ремнем ударить убегающего. А тот может встать впереди какой-нибудь пары, третьим. Тогда стоящий в паре последним бежит, а водящий его догоняет. Вот так играли».

Чеснокова Екатерина Васильевна (дев. Белянцева), 1930 г.р., родилась в д. Бухалкино Поляшовского с/с Шарьинского района. Живет в д. Сергеево Ивановского сельского поселения.

КАК ЗАМУЖ ВЫХОДИЛА

«Из всех праздников, которые в молодости гуляли, помню «свозки» на Троицу. В гости в нашу деревню приходили из других деревень – на потолоке (полати) постели устилали, чтобы разместить всех на ночёвку, сёстры приезжали. Было это в 1950-е годы. На беседки ходила молодёжь 14-15 лет. Как начиналась поздняя осень, после уборки урожая, так у нас в Бухалкино и Поляшово и начинались беседки. Много гармонистов приходило, весело было. Придут ребята, и мода такая что ли была, бывают лампы. Керосиновыми тогда дом-то освещался. Девки побегут, снова найдут стекло.

Парни «Сормово» спляшут, девки «Ветлужского». И способ такой знакомиться был – «у столбика стоять». Большое гулянье в нашей деревне было 2 августа на Ильин день. Знакомиться обычай у нас был такой: не парни девушек вызывали к столбику или за занавеску, а посыпала девка свою подружку – позвать того парня, с кем ей хочется познакомиться. А парни ещё и ответить могли: «Не хочу к ней выходить, а вот с тобой, подружка, пошёл бы...»

Вот так меня мой будущий муж и посватал:

– А что, если предложу выйти за меня замуж? – спрашивала.

– А что, если соглашусь, – отвечаю, не растерявшись...

Небалованная была, но смела больно. 2 января свататься приехали: он, его мать, сестра, тётя да двоюродные сестры... Стол собрали, самогон выставили. Все ночевать

**Екатерина Васильевна Чеснокова,
собирательница трав. 2017 г.**

остались. Мама наказывает: «Смотри, не ложись с ним – ещё не жена». Постелила ему постель в дому, а сама на печку полезла. А он ко мне в горенку стучится, мол пustи. А я говорю: «Мама, не разрешает спать вместе».

– А чего не разрешает-то... Не задену я тебя. Так и ночевали вместе, не задел.

Надругой день в ЗАГС пошли расписываться. И уж после этого он за мной на трёх лошадях приехал, меня перевозить. В сундуке с приданым было: занавески тюлевые, ватник, одеяло ватное, подвесы ко кровати, накидушки, подушки пуховые. (Отец у нас знатный охотник был, на рябчиков, зайцев, других зверей охотился). Кровать железную с сеткой и матрас пружинный еще погрузили, самовар медный, швейную машинку старую, пальто с чернобуркой и с цигейковым воротником, рукоделье всякое, натяблениники и повязки, платья крепдешиновые и крепжоржетовые, которые покупала, когда в Перми гостила у сестры и дяди.

Вот так и начали свою жизнь... Всех трёх сыновей своих крестила, несмотря на гонения на церковь. Старшего крестил батюшка из д. Печенкино, а среднего и младшего – воцерковлённая бабушка, Августа Баушева, из д. Третьяково».

ТРАВЯНЫЕ ЧАИ

«Пью только травяные чаи, собранные здесь, на родине. Собирать лечебные травы привычка нужна и знание, конечно. У нас в семье это от бабки. Вот я до сих пор таблетками не пользуюсь. Давление с возрастом стало мучить. Так как голова заболит, я заварю валерьяны и холодную повязку на голову положу – и полегчает.

Заготовляю траву-зверобой (она от 90 болезней), завариваю как чай. Каждой травы по горсточке: пустырник, иван-чай, таволга (быльником зовётся), семена тысячелистника. Сею календулу, собираю мяту, подорожник сабельник (но надо знать место – в логах живет), можжевельник (веточку в веник, которым парятся, сын любит, баню новую поставил).

**Смирнова Галина Михайловна, 1942 г.р.,
д. Сергеево Ивановского сельского поселения
Шарьинского района.**

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

«Послевоенное детство помню хорошо. Было голодно. Ходили босиком, одежду не на что было купить. Даже по проталинам босыми бегали... Пекли хлеб из пестов, добавляли подорожник, лист земляники, колоколец. Колоколец – это расщеплённые головки льна. Собирали сосульки от клевера, сушили в печи на противнях, потом мяли на столе руками, получалась как травяная мука.

Варили картошку прямо с кожурой, толкли ее и добавляли этой травяной муки. Делали маленькие колобушечки и ставили в печь. Так же пекли с липовым листом, крапивой и лебедой.

Чтобы как-то прокормиться, садили много картошки, которая и была основной едой. С 15 лет работала дояркой на ферме. Из дикорастущих растений в пищу употреблялись песты, щавель, крапива, позднее стали использовать цвет клевера, листья липы».

Галина Михайловна Смирнова у своего дома
в д. Сергеево.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИГРИЩА

«Тогда, в 1950-е годы, традиции народных праздников в деревне ещё были живы. В каждой деревне гулялся свой праздник. Например, Тихонов день – в Третьяково, Копотихе (Васильевском) – это днем. Вечером все переходили в Сергеево. Ночью молодёжь гуляла в деревне Марутино. С гармошкой ребята по деревне ходили, частушки пели, всех девок выманивали. На вечёрах раньше ребята ходили с песнями кругом – «Сормово», с гармонями и частушками. Когда взрослые гуляли, кому лет по двадцать, – это называлось «большое игрище». А ещё маленькие игрища были – это подростки собирались, годов по 14-15. Собиралось человек до тридцати, со всех-то деревень. Игрищ было три, числа с десятого по пятнадцатое января. Гуляли день и вечер часов до двенадцати. А беседки по простым дням делали. Каждую неделю, по очереди, у каждой девушки. Светато тогда не было – керосиновые лампы висели. Так парни-то наши лампы разбивали и шалили в темноте. Играли, к «столбику» вызывали.

Вот у которой девки вечер, она начинала игру «Столбики». В кути завешивали место. Куть – зад дома, а у некоторых куть за печкой была. Вот начинают играть двое, девка и парень. Идут в куть, там поцелуются, а иногда и нет,

это не обязательно. А потом каждый вызывает себе парня или девку. Бывает, что несколько пар сидят. До пяти пар сидело. Это называлось «у столбика». Которая девка просидит весь вечер у столбика и ничего не напрядёт, ту мать дома ругает. А сидеть можно было сколько хочешь. Если нравятся друг другу, то и сидят. А остальные другой «столбик» делали. Или на крыльце выходили.

Ещё на беседках на скамейках играли. Скамейку ставили. На скамейку парень и девка садились спиной друг к дружке. Им кричат, они голову поворачивают. Если в одну сторону повернутся, то целуются. Потом меняются, один из них уходит, а новый садится. Игры были во время «свозок», когда девка, которая беседку делает, из других деревень в дом приглашает. Так вот и женихов себе присматривали – выбирали».

«КОМАНДОВАТЬ Я НЕ ЛЮБИЛА»

«Наш колхоз (имени Сталина) развивался: был построен животноводческий комплекс на 400 голов, все поля засевались, в д. Сергеево начала строиться новая улица. Колхозы в округе назывались: «Совет», «Россия», «Дружба» и тоже были крепкими. Я заочно закончила техникум, выучилась на агронома, работала на посевной и уборке урожая, была звеньевой и бригадиром. В 1971 году была награждена орденом Трудового красного знамени за уборку льна – посевы тогда были очень большие – до 200 гектаров, потом дошло до 1000 га. Но командовать я не сильно любила...

Потом старые председатели колхозов поуходили, лен уже не выращивали, сначала засевали под клевер, а потом всё стало распадаться. Сено перестали заготовлять – кормить скотину стало нечем, поля постепенно заросли. Коров перевозили на мясокомбинат, коровники животноводческого комплекса опустели, не сохранили ни одной фермы. А брошенные фермы растиаскали по домам на гаражи. Церкви позакрывали, приспособили под клубы. В 1966 году еще крестили детей, а потом вышел какой-то закон и крестить детей запретили. Пришлось ехать в Москву крестить сына, чтобы никто не узнал».

Дома в деревне Сергеево. 2017 год.

**Вурдакова Галина Тимофеевна, 1930 г.р.,
д. Сергеево Ивановского сельского поселения
Шарьинского района.**

ХОЖЁНЫЕ ПИРОГИ

«Заводили тесто: растворяли муку, клали ложки две мела (хмельную гущу от пива, под полом держали). Ставили в тепло с вечера, утром досыпали муку и творили тесто. Когда оно подойдет, пекли на поду на сковороде пироги. На пирог наливали сверху начинку. Готовили её из мелко молотой крупы. Ее со сметаной, яичком взбивают и наверх пирога наливают. И картошку наливали мяту со сметаной. Называлось печиво – «наливыши». Коровай подовые пекли, большие, как колеса, черные, ржаные, тоже с мелом. Коровай весил сем фунтов, на лопате вытаскивали деревянной.

Пряженцы пекли пшеничные, сдобные. *Загибени* с яблоками, с грибами, луковники пекли. Баранки гороховые, толокняные пекли на противне, тесто на молоке – «ссыдыши». И сметанки ещё в тесто положат».

«Рыбники пекли из «хоженого» теста на Крещение. Когда тесто выходило, его брали и раскатывали лепешками. А рыбу готовили в такой пирог целиком: очистив от чешуи и кишок. Вместе с головой и хвостом ее кладут

на лепешку, предварительно смазанную постным маслом. Сверху рыбу посыпают слоем нежареного лука, всё – и рыба, и лук – солится, закрывается сверху второй лепешкой. Выпекают рыбники на поду. Когда пирог готов и, накрытый чистым полотенцем, немного поостыл, можно подавать его на стол. С рыбника срезают целиком верхнюю корочку и разрезают на куски. Снимается рыба, ее тоже режут на части. Так же поступают и с нижней корочкой. Рыбу едят, прикусывая этими корочками».

КУЛИЧИ

«На Пасху обязательно пекли куличи. Приготовления к выпечке кулича начинались дня за два до Пасхи, так как ещё святить в церковь носили. Нужно было приготовить тесто. Тесто для кулича было сдобное, из пшеничной муки. Приготовление теста начиналось с подготовки опары. После того как опара поднимется в три раза по сравнению с первоначальным объемом, не давая ей осесть, надо добавить муки, сдобу – яйца, песок, масло сливочное, соль. Тесто хорошо вымешать. Из специй клали пахучие травы, изюм, орешки, корицу, ваниль, но не у каждой хозяйки это было. После того как кулич выпекался, его сверху обмазывали глазурью, приготовленной из сахарной пудры, сбитой с белком яичным».

Записано Гончаровой Т.Г. в 2017 г. в с. Рождественском, д. Марутино, д. Плосково, д. Сергеево Ивановского сельского поселения Шарьинского района.

Примечание

1. Тетрадь записей воспоминаний и рассказов старожилов Шарьинского района №1. Л. 1-16. Гончарова Т.Г. – 2017 г.
2. Полевой дневник экспедиционного выезда в Шарьинский район. Л. 1-7. Гончарова Т.Г. – 2017 г.
3. Тетрадь фотофиксаций. Ивановское сельское поселение Шарьинского района Костромской области. П.№ 1 – №4; №6-№8, №8/2. – Гончарова Т.Г. – 2017 г.
4. Тетрадь аудио записей Гончаровой Т.Г. – П. №1, №2, №4 от 26.07. 2017 г.
5. Тетрадь аудио записей Гончаровой Т.Г. – П.№6, №7, №8, №8/2 от 27.07. 2017 г.

Выставка «Резные расписные предметы домашнего крестьянского обихода». Дом Липатова. 2017 год.

Народная сказка

ХОРОШ, ХОРОШ ДВОРЕЦЬ

Хорош, хорош дворець,
Соломенної крылець.
Как во етом во дворце,
Во соломенном крыльце
Старицёк да баушка,
Парнецёк да деушка,
Лошадка с жеребёноцьком,
Коровка-та с телёноцьком,
А свинка с поросёноцьком,
А козоцька с козлёноцьком,
Овецька – та с ягнёноцьком,
А куроцька с циплёноцьком,
Собацька со шшэнёноцьком,
А кошецька с котёноцьком.

Жили оне, жили, не об цём не тужили, вдруг повадиуся к им голодной серой воук. Приходит он к дверям и громко стуцит да напевает:

«Хорош, хорош дворець,
Соломенної крылець.
Как во етом во дворце,
Во соломенном крыльце
Старицёк да баушка,
Парнецёк да деушка,
Лошадка с жеребёноцьком,
Коровка-та с телёноцьком,
А свинка с поросёноцьком,
А козоцька с козлёноцьком,
Овецька – та с ягнёноцьком,
А куроцька с циплёноцьком,
Собацька со шшэнёноцьком,
А кошецька с котёноцьком.

Старик, подай старуху! Жауко старику старуху подавать, он и говорит: «Воукушко, батюшко, возьми-ко хоть кошецьку с котёно-

цком. Оборадеу воук, уташиу в лес да там и сожрау кошецьку с котёноцьком».

На другой день с раннёва утра опять прибезжау, стуцит в двери да во всё горло орёт:

«Хорош, хорош дворець,
Соломенной крылець.
Как во етом во дворце,
Во соломенном крыльце
Старицёк да баушка,
Парнецёк да деушка,
Лошадка с жеребёноцьком,
Коровка-та с телёноцьком,
А свинка с поросёноцьком,
А козоцька с козлёноцьком,
Овецька – та с ягнёноцьком,
Собацька со шшэнёноцьком.

Старик, подай старуху!» Жауко старику старуху подавать, он и говорит: «Воукушко, батюшко, возьми-ко хоть собацьку со шшэнёноцьком». Оборадеу воук, уташиу в лес да там и сожрау.

На другой день с раннёва утра опять прибезжау, стуцит в двери да во всё горло орёт:

«Хорош, хорош дворець,
Соломенной крылець.
Как во етом во дворце,
Во соломенном крыльце
Старицёк да баушка,
Парнецёк да деушка,
Лошадка с жеребёноцьком,
Коровка-та с телёноцьком,
А свинка с поросёноцьком,
А козоцька с козлёноцьком,
Овецька – та с ягнёноцьком.

Старик, подай старуху!» Жауко старику старуху подавать, он и говорит: «Воукушко, батюшко, возьми-ко хоть овецьку с ягнёноцьком».

Оборадеу воук, уташиу в лес да там и сожрау овецьку с ягнёноцьком.

Вот так каждоё утро ходиу воук – ненасытное брюхо к старику, покудова не приеу всех до коровы с телёноцьком, а фсё пугау старику, старухи добивауся. Тут уж лопнуло старику терпинё, как услыхал он опять, что розбойник покою не даёт, орёт во всю мочь, схватив дедко ухват поболе и ну колотить да приговаривать: «Вот те за свинку с поросёноцьком, козоцьку с козлёноцьком, овецьку- с ягнёноцьком, куроцьку с циплёноцьком, собацьку со шшэнёноцьком и кошецьку с котёноцьком!» Насилу ноги унёс серой розбойник.

С тех пор он и дорогу туды забыу, И стоит опять дворець, соломенной крылець краще прежнева.

Хорош, хорош дворець,
Соломенной крылець.
Как во етом во дворце,
Во соломенном крыльце
Старицёк да баушка,
Парнецёк да деушка,
Лошадка с жеребёноцьком,
Коровка-та с телёноцьком,
А свинка с поросёноцьком,
А козоцька с козлёноцьком,
Овецька – та с ягнёноцьком,
А куроцька с циплёноцьком,
Собацька со шшэнёноцьком,
А кошецька с котёноцьком.

Тут и скаске конець, а кто слушау – моло-дець!

Записано Якушевой Еленой Петровной, 1951 г.р., с. Николо-Шанга, со слов бабушки Коцепаловой Натальи Ивановны, 1881 г.р., родившейся в деревне Плосково Шарьинского района.

Записано в транскрипции в соответствии с говором вышеуказанной деревни.

«У милого дом высок...»

У милого дом высок,
Перед окошками песок.
Милый ходит по песку,
Меня наводит на тоску.

Я гуляю, дело знаю,
Горячо не завлекусь.
С ягодиной гуляю,
А все изменушки боюсь.

Ягодинка, ты мне дорог,
Ягодинка, ты мне мил.
Из-за тебя из-за хорошего
Другой не полюбил.

Милый в армию поехал,
Не велел ни с кем гулять,
Не найдется – так не буду,
А найдется не унять.

Милого сестра ругает,
Да еще родная мать.
У меня наряду мало,
Не велят со мной гулять.

Я милого провожала,
За вагон держалася.
Пять километров бежала,
На шестом осталася.

Высоко на самолете
Много маленьких колес,
Ягодинка уехал,
И любовь с собой унес.

Записано Якушевой Е.П. у Рыбаковой Надежды
Михайловны, с. Николо-Шанга. 2007 г.

Взяли-взяли да угнали
Дорогого моего.
Неужели не хватило
Там народу без него.

Частушки

Все равно бы к одному:
С тобой, милый, на войну.
Все равно бы в самый бой.
Только, миленький, с тобой.

Из Хабаровска бы почта
Лучше не ходила бы.
От дроли писем не носила.
Сердце не дробила бы.

Думала, что с поля боя
Слез не будет никогда.
А теперь покатились,
Как по зеркалу вода.

Записано Якушевой Е.П. у Овчинниковой Екатериной Михайловны, с. Николо-Шанга. 2006 г.

«Загулял,
так не воротишь»

Загулял, так не воротишь,
Горькая рябинушка.
Зелена вина отведал
И пропал детинушка.

Двадцать пятое на призыв,
А седьмое на Урень.
Скоро мальчиков погонят
Из родимых деревень.

Записано Новиковым С.А. в 2017 г. в с. Одоевском Шарьинского р-на у Носачевой Евстолии Сергеевны, 1949 года рождения, уроженки села Богоявленово Костромской области

Частушки

У залёточки под ёлочкой
Просил, хотела дать.
Ну, дай, залёточка, под ёлочкой
Никто не будет знать.

Записано Новиковым Е.А. в 2017 г. в с. Одоевском Шарьинского р-на у Шатуновой Галины Николаевны, 1937 года рождения, уроженки деревни Спирено Шарьинского района Костромской области.

Никого я не виню,
Сама я виноватая.
Пошто я влюбилась
В такого вертovатого?

Не ругайте меня дома
За веселую гульбу,
Придет времечко такое:
Посылайте – не пойду.

Гармонист у нас хороший,
Я его приворожу.
Я возьму да на гармошку
Две ромашки положу.

То ли, то ли из-за Коли,
То ли из-за Шурочки
На меня теперь сердятся
Четыре дурочки.

Изменяет, изменяет,
Изменяет, лиходей.
Он не первую меняет,
Как цыганин лошадей.

Коленкоровые шторы
Туго натягаются,
Образованные люди
Так не выражаются.

Я спротопаю ботиночки
По самые носки.

Меня лечат от простуды –
Я болею от тоски.

Полюбить так полюбить
Паренька хорошего.
А такого нечего,
Который на два вечера.

Гармониста любить –
Надо чисто ходить.
Надо пудриться, румяниться
И брови наводить.

Меня миленький не любит,
Он боится бедноты.
Не из каменного дома,
Ягодиночка, и ты!

Мы с миленком записались
В радиолюбители,
У нас дети народились –
Громкоговорители.

Рассыпался горох
На зеленой грядке,
Я станцую и спою
На седьмом десятке.

Записано И.Ю. Семеновой у Лебедевой Александры Прокопьевны, 1934 г.р., в г.Шарья.

Пословицы

Ласковое телятко двух маток сосёт.

Стужа да нужда – нет её хуже.

Май, май, дай скотинке,
да на печь полезай.

Записано Новиковым Е.А. в 2017 г. в с. Одоевском Шарьинского р-на у Носачевой Евстолии Сергеевны, 1949 года рождения, уроженки села Богоявленово Костромской области

Ветлужские присловия

Солько деревень в округе было, про каждую – присказка своя.
Не промытые рубахи – заболотские.
За свиньями да с колами – то притыкинские.
Огороды не горожены – то гарцовские.
Негде полоскать да колотить – то кружковские.
Что богаты да бородаты – то семцовские и середневские.
Что подраться, потягаться – то сергеевские.
Без колодцев, без воды – то горковские.
Богомольный народ – то кривовские.
Не полосканы штаны – то песчанские.
Сами, сами комиссары – погорелковские.

Обрядовый фольклор

Середина Великого поста – в народе называлась средокрестие. Пекли постное печенье в виде птичек, жаворонков, и ребятишки с пустыми котомками ходили по домами и пели :

«Жаворон, жаворонок,
На окошке сидим,
Хвостом вертим,
Чивили, чивили,
Мы вчера не ели.
Сегодня захотели,
Взяли по котомке
И пошли по жаворонки».

В крестовую среду обязательно пекли кресты. Запекали в них или зернышко, или крестик, или денежку. Если попадется денежка – к богатству, зернышко – к сытому году, а попадется крест, то говорили: “Крест какой господь положит, такой и понесешь”. Ребятня ходила из дома в дом и собирала кресты. У каждого на этот случай сшила была котомка. Заходили в избу и пели:

Крест-воскрес, подавай нам крест.
Гуслица-гуслица, вода-студеница,
Чем хошь поливай, только крест подавай».

Или:

«Крест, в окресни, подавай нам крест.
Кислица, кислица, вода студена,
Воров не тронь, камешков не брось.
Коту молока перехотится.
Крынка масла опрокинется,
Христов день пододвинется.
Вы не режьте, не ломайте,
Все по целому давайте,
Кто не даст креста,
Не увидит Иисуса Христа».
Запекали в кресты деньги. Кому попадалась, тот считался счастливым.

Приставушки

Святки ряженые ходили по домам с приставушками:

«Скок за порог,
Еле ноги переволок.
Хозяин, хозяйка!
Вашему дому честному –
Живите здорово!
Хозяйка, давай пирога!
Не дашь пирога –
Уведем корову со двора».

Записано Гончаровой Т.Г. в 2017 г. у Нины Александровны Страховой, 1933 г.р. в Шарье.

Детский фольклор

Колыбельные

Баю, баюшки, баю.
Не ложися на краю,
С краю скатишься,
Мамку хватишься.

Спи глазок,
Спи другой –
Спи, малыш мой дорогой.

Баю, баю, баю, бай.
Пришел дедушка Бабай.
Говорит Митю дай!
А мы Митю не дадим –
Митя надобен самим.

Гули, гули, гуленьки.
Прилетали гуленьки.
Прилетали в уголок,
Зажигали огонёк.
Стали гули ворковать,
Стал Ванюша крепко спать.

Записано в 2017 г. Виноградовой И.В. у Шатуновой Александры Гавриловны, 1955 г.р., д. Быниха Поляшовского с/с Шарьинского р-на

Прибаумки:

С гуся вода – с (имя) худоба.

Не я тебя гляжу,
Не я тебя парю,
Гладит тебя, парит – бабушка Лукерья.
Которая шла из-за моря,
Несла три куфтыря здоровья.
Этому – немножко.
Тому-сему – маленько.
А (имя ребенка) – все подала.

Дождик, дождик – перестань!
Я поеду в Рязань.
А в Рязани – пусто,
Вырастет капуста.

Дождик, дождик – пуще лей,
Травка будет зеленей.

Дождик кап, кап, кап –
Капает в ладошки.
Не пойдем сейчас гулять,
Мы промочим ножки.

Поменики

По кочкам, по кочкам,
По маленьkim мосточкам,
Шел петух, в ямку бух.

Записано в 2017 г. Виноградовой И.В. у Шатуновой Александры Гавриловны, 1955 г.р., д. Быниха Поляшовского с/с Шарьинского р-на

Ладушки, ладушки.
Где были?

- У бабушки.
- Чего ели?
- Кашку.
- Чего пили?
- Брашку.

Кашка слатенька – бабушка добренька.

Сорока-ворона кашу варила,
Маше говорила:
– Сначала кашку скушай,
Потом и сказки слушай.

Записано в 2017 г. Виноградовой И.В. у Хомяковой Татьяны Павловны, 1961 г.р., д. Нежданово Одоевского сельского поселения.

Божья коровка, лети на небко,
Там твои детки кушают конфетки,
Всем по одной, а тебе ни одной!

Улитка, улитка, выстави рога.
Дам тебе пирога.

Записано в 2017 г. Виноградовой И.В. у Алексея Беляева, 2007 г.р., с. Одоевское Шарьинского р-на.

Диалекты деревни Катунино

Али – или;
Бай, ой, пёка – это самое;
Баять – говорить;
Бекурка – емкость для животных;
Встреклить – смотреть в окно;
Вон де – там;
Вокурат – точно по тебе сшило;
В кути – в прихожей;
Вздымаёт – удерживает человека на снегу;
Голбец – подполье;
Досёлева – до сих пор, до определенного места;
Заступ – лопата;
Зачнү – начну;
Зачурала – заняла;
Калужина, лыва – лужа;
Кошуля – пальто из овчины;
Куркуль – человек живущий для себя;
Кутъка пряла – нет дома;
Лонись – в прошлом году;
Нали – даже;
Не пойму тебе – не возьму тебя;
Неуваленный – нерасторопный;
Намедни, давеча – недавно;
Науськать – научить;
Оболокаться – одеваться;
Обыдёнком – сходить в один день туда и обратно;
Одйнова – один раз;
Окутка – одеяло;
Паре – хотя;
Пахтуля – маслобойка;
Перемякиваться – кувыркаться;
Потки – птицы;
Плетуха – большая корзина;
Половоқ, залавок – стол;
Посулить – обещать;
Подостила – простыня;
Пелючаться, кочевряжиться – показывать свой характер;
Пылко – быстро;

Рушник, утирка – полотенце;
 Сенник – кладовка;
 Тойить, бабанёжить – ласкать детей;
 Тарёлочник – посудник;
 Тулуп – пальто из овчины до пят;
 Тын – забор;
 Хрущое – крупное;
 Цацурка – сахар;
 Цело – большой снежный занос;
 Чулан – кладовка;
 Чуко – что она сказала.

Загадки на беседках

Мать толстуха, дочь краснуха,
Сын перебор, повалил за забор.
 (Печка)

Кабы всталла, до неба достала,
 А если бы руки да ноги,
 Вора бы связала.
 А если бы рот да глаза, все бы рассказала.
 (Дорога)

Много мяса, мало дров.
 (Заноза)

Ногами сучит, пупом трет,
 Приподнимет да и ткнет.
 (Стан)

У девушки сиротки загорелось в середке,
 А у парня молодца, призакапало с конца.
 (Самовар)

Девушка тоненька, дырочка маленька,
Пятеро держат, пятеро пихают,
Двое смекают, ладно ли пихают. (Иголка)

Пониже пупенца, повыше коленца,
Куда пихают, да как называют? (Карман)

Бабушка мохнушка, дедушка колотушка.
Как озябнет, так и пихнет. (Рукавица)

Встану я рано,
Пойду к Ивану.
К долгому носу,
К толстой шабале. (Умывальник)

Диалектные слова и загадки собраны и записаны в 2017 г. Раскатовой Надеждой Александровной в д. Катунино Шарьинского р-на у Голубевой Зинаиды Петровны (1931 г.р.); Голубевой Нины Павловны (1933 г.р.); Аписова Бориса Викторовича (1935 г.р.); Коноваловой Надежды Алексеевны (1950 г.р.); Лашманова Валерия Александровича (1937 г.р.); Лапницкого Владимира Михайловича (1942 г.р.); Плещановой Анны Андреевны (1927 г.р..

Трижды о любви

Александр Николаевич Тихомиров известен в Поветлужье как поэт. В рукописи его новой книги «Трижды о любви», подаренной во время нашей встречи музею-заповеднику «Костромская слобода», есть много интересных рассказов-воспоминаний о деревенском быте 1950–1980-х годов. Деревня Нужна Шарьинского района, где он родился в 1956 году, представлена здесь как островок спасения и гармонии с природой, питающей народное творчество, красоту традиционных обычаев и обрядов.

НУЖНА

В семнадцать лет я написал: «Речка Нужна, речка, реченька, Ты течёшь по родине моей.

Речка Нужна, речка, реченька Из озёр, морей ты всех милей!»

Спустя годы любовь к речке Нужне не угасла, а стала ещё нежнее и трогательнее. Еле заметная, она петляет среди смешанного леса, чтобы, вырвавшись на простор, нести чистые, родниковые воды в Ветлугу – через Вол.

Запомнилась то ли сказка, то ли быль, рассказанная моей родной бабкой Натальей, рожденной ещё в 1886 году и прожившей долгую и трудную жизнь. «Шурка, ты даве ходил имать пескарей в речке, озяб. Увидишь, схватит тебя комуха и захвораешь. Неужели меженный день не надоедает лазить по калужинам? Присядь, я тебе сбаю, откель название у нашей речки такое – Нужна». Так начала бабка рассказ непередаваемым старославянским говорком.

«Приехал в наши края один барин и облюбовал место, где решил построить себе дом. Местность, говорят, и впрямь была баская. В тапоры нанял он работников. Раньше дом начинал строиться с туалета, который назывался нужником. Ну вот, подвёл барин работников, показал долонью, где надо копать яму для нужника. Работники позабали мучник с салом и принялись за дело. Яму выкопали, когда стало вечерять, и они решили опочивать, чтобы с утра продолжить данное барином задание.

Ночесь-то и скрянулась земля. А оттуль потёк звонкий ручеёк. Так барин и не построил дом, а ручей, вытекший из подготовленной для нужника ямы, назвали впоследствии речка Нужна». Бабка умолкла, а я сидел разочарованный и представлял, что любимая мною речка с вкусной родниковой водой берёт своё начало из туалета, который ассоциировался в сознании пятилетнего ребёнка с вонючими туалетами жилых домов. Для успокоения души я сам выдвинул версию.

Пришли на берег ручейка люди и облюбовали здесь место для строительства домов. Ручеёк стал им нужен для питья, готовки пищи, умывания, стирки, а позднее для установки мельницы, ловли рыбы. Назвали они маленькую речку Нужна и отстроенную деревню Нужна. Со временем ударение с последнего слога перекочевало на первый, и отсюда появилось современное название моей маленькой родины – Нужна, с которым она и умрёт, проагонировав ещё несколько лет.

Деревня была нужна и в предвоенное время, становясь передовым колхозом по району, и в военное лихолетье, отправив самых крепких мужиков, большинство из которых сложили головы далеко от родины. Она была нужна в период строительства социализма, славясь уже в крупном колхозе своей молочнотоварной фермой с самыми высокими надоями. Все доярочки возглавляли клуб трёхтысячниц, надаивая от коровы до четырёх тысяч литров молока в год.

А какой народ жил в тихой глухой деревеньке! Старшие женщины, почти все вдовы, которых я смутно помню, а имена многих не знал, врезались в память простонародными именами, взятыми от фамилий: Беляиха, Клюиха, Шариха, Мухориха. В отличие от Кабанихи, сварливой и деспотичной из «Грозы»

Островского, деревенские женщины были сама доброта, трудолюбие, скромность.

Безгранична преданность погибшим мужьям и нежная любовь к детям делали их святыми при жизни. Я преклоняюсь перед вами, милые женщины! Уцелевших мужиков тоже называли по-особому. У них с трудом вспоминается настоящая фамилия, так как она заменялась именем отца. Тихомиров Иван Степанович был Иван Степанов, а например, Колесов Василий Семёнович – Василий Семёнов. Их уже не забыть до конца дней.

Вспоминаю с улыбкой ещё один эпизод. Все мои ровесники звали отцов папами, а мы – тятей. Как у Пушкина «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвца!» Чувствуя неловкость, я задал вопрос отцу, почему так? Он подвёл меня в кухне к залавку, где лежали горячие ржаные караваи, только что вынутые материю из русской печи, и спросил: «Похож я на каравай?»

Хлеб в детстве мы называли папкой. Так просто он объяснил мне сложившуюся ситуацию. Каждый кусочек земли дорог мне по-особенному и имеет название, придуманное предками: Макарова Навина, Долин Лог, Кирпичёво, Сухманово, Сиротские, Большая Пожня, Потаниха. Гектары, получившие имена собственные, видимо много значили для жителей.

Мне не хочется переходить от приятных воспоминаний к прозе жизни. Больно осознавать, что когда-то весёлая, гостеприимная деревня превратилась в хутор, года которого сосчитаны. А сколько деревень уже существует только в сердцах тех, кто родился и жил в них?

Вот горький перечень ближайших соседей: Копотиха, Кропачиха, Никутиха, Круглица, Молочница, Васильевское, Ракитиха, Уоловничиха и т. д. Много оторванных от малой родины переселилось в Шарью и другие города, но я верю, что им, как и мне, часто снится по ночам каждому своя деревня, такой, какая запомнилась в детстве.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Люли, люли, люленьки,
Прилетали гуленьки.
Прилетали гуленьки,
Сели вокруг люленьки.
Стали гули ворковать,
Стал наш Шура засыпать.

Бабка пытается уложить меня спать. А мне не спится:

«Баю-баю-баю-бай,
Выходит дедко Бабай.
Подпоясался мешком,
Подпирался бадожком!»

Я зыркаю на бабку глазёнками. Она продолжает:

«Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю:
Придёт серенький волчок,
Схватит Шуру за бочок
И утащит во лесок,
Под берёзовый кусток».

Я сдигаюсь к центру люльки, но глаз не закрываю. Засыпаю только под пение любимой моей колыбельной:

Месяц плыл, мерцали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шёл по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Боже, – говорил малютка, –
Я озяб и есть хочу
Кто согреет и накормит
Горемыну сироту?

Той сторонкой шла старушка,
Услыхала сироту:
Приютила и согрела,
И поесть дала ему.
Спать в постельку уложила.
«Как тепло», – промолвил он.
Закрыл глазки, улыбнулся
И заснул спокойным сном».

Бабка полупоёт, полурассказывает низким, хрипловатым голосом. Скрипит берёзовый очеп, продетый через вкрученное в матицу железное кольцо. Мерно качается зыбка, где сплю я, убаюканный колыбельными песнями. В молодости бабка была первой певуньей в деревне. Силу и высоту её голоса неожиданно мне довелось услышать. Переступив однажды порог, я замер у дверей.

Бабка сидела, прислонив спину к оконному косяку, закрыв глаза, и пела вместе с певицей, выступающей по радио.

Пела без слов, необычайно высокими нотами, пела самозабвенно. Это была и оперная ария, и вой волчицы о погибшем выводке, и надрывный плач старой уставшей женщины.

Песня-плач о любимом сыне Серёженьке, умершем в малолетстве; о сыновьях Володеньке и Енушке, убитых в Великую Отечественную войну; о сыне Шуроньке, заболевшем и угасшем неожиданно, в расцвете лет, уже в пятидцатые годы.

Как смогло выдержать сердце матери!

Песне не хватало места в стенах маленькой избушки. Она рвалась в открытое окно и уносилась ввысь, туда, где летают души её сыновей.

Так они и пели: Надежда Обухова в записи по радио и бабка Наталья, сидящая на скамейке в крестьянской избе. Бабка боготворила знаменитую в своё время певицу.

Я стоял и слушал. Отрешённое от всего земного, лицо бабки было так красиво!

Точно сказал поэт Глеб Горбовский о таких лицах в стихотворении «Белорусские бабки»:

«Почти у каждой —
Профиль правильный.
Резьба по дереву тонка.
Всё непотребство, все корявинки
Зашлифовали им века...»

Полуглухая, почти ослепшая, бабка пела не в унисон с певицей; то отставая от неё, то забегая. Это была её лебединая песня. Со слезами на глазах я вышел, чтобы не мешать ей, и тихо прикрыл за собой дверь.

ЧАСТУШКИ ОТ ТАМАРЫ

Тамара – Душенина (Добролюбова) Тамара Николаевна. Родилась она в 1933 году в деревне Нужне и всю жизнь занималась сочинительством частушек. Они у неё на разные темы и трогают неожиданными поэтическими оборотами и забытыми словами. Обделённая по жизни любовью, оставшись одна, она много частушек посвятила этому светлому чувству.

Тосажу цветочек синий
и цветочек аленький;
Как бы мне любовь большую
Отличить от маленькой.

Попляши, моя подруга,
Дроби выколачивай,
Ты при встрече, дорогой,
Глаза не отворачивай.

Ты играй, играй, гармошка,
Поиграй, пожалуйста;
А ты, милый, из друзей,
Пожалуйста, разжалуйся.

Мой залетка уезжает,
Я кричу ему: «Пока!»,
Надоел он мне похоже
Колорадского жука.

Меня спрашивал любимый –
Замуж не хочу ли я?
От сознанья, что любима,
Ног своих не чуяла.

Я ходила по лесочку,
Собирала ягоды.
Полюбила не на шутку,
А любить не надо бы.

То оврагу протекает
Чуть приметный ручеек.
Ты приди ко мне, мой милый,
Как и раньше, на чаек.

У колодца нет ведерка,
Как же мне напиться-то?
Очень был веселый парень,
Как же не влюбиться-то?

Моя чашка чайная
Разбилась вдруг нечаянно.
В ласкового мальчика
Влюбилась я отчаянно.

Сизокрылый голубочек
Над деревней кружится.
Полюбила бы сильнее,
Да никак не любится

Милый, за игру веселую
Любила я тебя.
Ты играл не на баяне,
А на сердце у меня.

Речка Нужна серебристая,
И камни в ней видать.
По любви своей потерянной
Не стану я страдать.

Говорят, что не влюбляйся,
А я полюбила бы,
И по острию ножа
Немного походила бы.

Я тропиночку торила,
Да не мне по ней ходить.
Завлекала не на шутку,
Да не мне его любить.

Вышли вечером на берег,
За рекой костер горит,
А мне мамочка с залеточкою
Встречаться не велит.

Покупай, подруга, серьги,
Золотые покупай,
Если парень тебя любит,
То сильнее завлекай.

Что-то травушка-муравушка
Поникла до земли.
Ой, подруга, успокойся,
По залетке не реви.

Ты гори, гори, не гасни,
Огонечек маленький.
На пути мне повстречался
Паренек лукавенький

Подойду я к огороду
И сорву травиночку.
Повстречаю на дороге
Снова ягодиночку.

Вспоминаешь ли, мой милый,
Девочку несмелую?
Для тебя я надевала
Свою блузку белую.

Отлюбила гармониста,
Отлюбила Колечку.
Отходил он вечерочком,
Откурил махорочку.

Выходила девка замуж,
Нажилась скорехонько,
Не желала в жизни кланяться
Ему низехонько.

Какое счастье – держать в руках тонкие ученические тетрадки, исписанные красивым папиным почерком, и переноситься в далёкие годы его детства и снова переживать вместе с ним нужду, голод, физические трудности, душевные страдания, радости побед и свершений. Папа был прекрасным рассказчиком, и отдельные истории я слышала неоднократно, но, конечно, многое стёрлось из памяти. То, что он успел кое-что записать (очень жаль, что далеко не всё из задуманного) – настоящий подарок.

Папа всегда много читал, особенно интересовался историей, и очень много знал: память у него была отличная даже в пожилом возрасте. В нём жила неуёмная жажда знаний. А путь к образованию и образованности оказался очень непростым.

*О.А. Заботкина,
преподаватель русского языка
Дарэмского университета (Англия),
сотрудник Костромского музея
деревянного зодчества в 1970-е годы.*

АЛЁШКИНА ШКОЛА

«Нет ничего более человечного в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим»

Ф. И. Тютчев

Алексей Заботкин родился в с. Сандогора в 1923 году и был седьмым ребёнком у Сергея Никаноровича и Матрёны Николаевны. Всего в этой большой патриархальной крестьянской семье было 11 детей, но шестеро умерли в детстве. Хотя Заботкины считались середняками, жили они очень бедно.

Из папиной тетради: «Если можно провести такое сравнение, то в жизненный океан я был выпущен подобно пущенному в море парусному судну, не имеющему ни компаса, ни средств борьбы с морской стихией. И так плавал я в этом океане очень долго, попадая иногда в штормы, из которых с трудом удавалось выйти. Труд и только труд... Постоянный безупречный труд помогал мне находить ориентиры в этом полном неизвестностей жизненном пути.

Разумеется, на этом пути немало сделал я больших и малых ошибок. Причиной тому в значительной степени являлось отсутствие должного образования, в первую очередь, и необходимого воспитания – во вторую, а может, наоборот».

1931 год. В СССР введено обязательное начальное образование для детей 8 – 10 лет. Алёша Заботкину в 31-м исполнилось 8 лет, и он пошёл в школу сразу во второй класс, когда сестра Мария (1921 г.р.) ходила в тот же второй, а брат Василий (1919 г.р.) – в третий. Пусть он сам расскажет об этом: «Исключением из правил (сразу во второй) послужило то, что Павла Ивановна Знаменская, учительница Сандогорской начальной школы, обходя дома на предмет записи тех, кого родители отпустят учиться на следующий год (тогда всё решали родители: кому, когда и

Лёша Заботкин с родителями Матрёной Николаевной и Сергеем Никаноровичем. 30 апреля 1934 года.

сколько учиться), по предложению моей мамы послушала, как я читаю «Букварь» и книгу для чтения «Школа и деревня». Читал бегло: знал их наизусть. Похвалив, Павла Ивановна обещала прислать с Маней (моей сестрой) для меня букварь иной редакции. И не забыла. Букварь был с другим текстом, отличался от того, какой читал я. Подержанный, я даже запомнил его обложки розового цвета, одна из них отвалившаяся. Несколько приёмов – и этот букварь знал наизусть. Весной 1931 года в объявленный день ученики пошли сдавать книжки – это было и переводными экзаменами: учительница единолично при всём классе экзаменовала по чтению, письму и умению решать примеры (устно и письменно у доски). Судя по ответам, объявляла, кого она переводит в следующий класс, а кто оставлен на второй год, или, как говорили, «на вторую зиму остались; ещё двое шоптаников износит» (валенки далеко не все девчонки носили, не говоря о мальчишках).

Так вот, в тот день мама посыпает и меня «сдавать книжки», то есть тот самый букварь с розовыми корочками. И робко было, но всё же пошёл, ободряемый моей незабвенной мамой: «Иди, иди, Лёнушко, вместе с Марёной-то, не бойся. Пусть послушают и другие...». И вот я впервые переступаю порог Школы! Надо ли говорить, какое волнение испытал при этом: я – в Школу! В коридоре шум, гвалт и много, много ребятишек и девчонок. И все они мне показались очень большими. Наверное, оно так и было, если я во втором классе сидел за одной партой с соседским парнишкой Веретеновым Ванькой, который был старше меня на пять лет и который всегда выручал меня: съедал мою порцию горохового супа, так как этот суп при попытке проглотить его тут же «выскакивал» обратно. Причиной тому был однажды увиденный мною в супе червь, которого в школьной кухне повариха зачерпнула в мою маленькую эмалированную чашку. Начало 30-х было голодным, и в школе в большую перемену давали по черпачку постного горохового супа бесплатно. Однажды и дома был на обед гороховый суп. На моё «не хочу» отец заставил есть. И после первой же ложки вынужден был меня выпустить из-за стола к лоханке. Тогда-то и открылось, что в школе я не «обедаю».

Но вернёмся к моему первому школьному дню. Естественно, я держался поближе к Мане и тем самым обратил на себя ещё большее внимание: новичок в последний день занятий, да ещё такой маленький, худенький оборвыйши.

К счастью, вскоре прозвенел звонок (звонила тётя-техничка в колокольчик, какие подвешивали к дуге) – и все разошлись по своим классам. Вошла Павла Ивановна, и начались экзамены. Вызвала к доске девочку-второгодницу, и та так плохо читала и считала, что Павла Ивановна в сердцах бросила ей: «Что, тебя ещё на один год оставлять в первом классе?!» И почему-то вслед за этим к доске позвала... меня. Как я шёл к доске

под взглядами всего класса и не споткнулся – удивляюсь. Поставив лицом к классу, заставила читать сначала в одном месте книжки, а потом в другом. Затем, проверив умение считать устно, задала пример, который я быстро решил на доске мелом, впервые взятым в руки. Обращаясь к классу, Павла Ивановна сказала: «Вот так надо уметь читать и считать». И ко мне: «Давай букварь, осенью приходи во второй класс. А теперь иди садись за парту». Что я тогда испытал! Во 2-й класс!! Этак сразу!!! Счастливее меня, конечно, в классе никого быть не могло. И это счастливое состояние я принёс домой. Надо ли говорить о том, каким

подарком это было для любящей меня мамы: «Я же говорила...»

Однажды из второго класса был вызван в третий (там учительствовала Софья Ивановна Кубашина) помочь решить примеры у доски... своему брату Васе. Так и сказала Софья Ивановна: «Помоги-ка брату решить вот этот пример». Пример был со скобками, чего я ещё не знал, но сидящие на передней парте мне успели шепнуть, чтобы вначале решал именно в скобках и надписывал сверху, а затем судя по знакам между скобками. Уловив подсказку, я вмиг решил пример. Тогда Софья Ивановна резюмировала: «Меняйтесь с бра-

А.С. Заботкин первый справа в первом ряду. 1945 г.

том книжками: ты переходи в третий класс, а ты (обращаясь к Васе) пойдёшь во второй опять». Когда я вернулся в свой второй, то Павла Ивановна спросила, зачем меня вызывали. Покраснев, ответил: «Да низачем». И было такое состояние, как будто меня уличили в нехорошем поступке. По дороге из школы Вася предупредил меня, чтобы дома я не говорил о происшедшем. Так и не узнал дома никто, что мы могли с Васильком поменяться классами.

1933 год. Март месяц. 30-е число.

Алексеев день. В этот день мне исполнилось 10 лет. Мать вспоминает, что раньше этот день невозможно было пропустить: в Слободу, к монастырю, съезжались торговцы из Костромы, Ярославля, Данилова, Любима и других городов, и шла очень бойкая торговля, где можно было купить всё - от детской игрушки до комплекта упряжи. Нынче ничего этого нет. К тому же, после неурожайного 1932-го даже нечем отметить этот день.

Апрель – май. Начались посевные работы. Взрослые (отец, мать и Шурка) все на поле. Васька – в колхозной конторе. Манька – в няньках. У нас нет хлеба, а как хочется кушать! Бригадир – Горячёв Михаил Фёдорович – принёс круглый подовой хлеб (мягонький его называют). Это Шурке – брату, иначе он не хочет идти на работу: голоден. Ах, как хочется немного отрезать, но боюсь: заругают, а то ещё и налупят.

Июль. Я не выдержал. Ушёл на хутор Середневку к тёте Дуне (сестре отца). Тётя Дуня, дядя Иван и их Панушко (ему 13 лет) – все уходят на работу. Мне неловко у них проживаться, и я берусь пасти коров.

Сентябрь. Стало холодно, идут дожди, коровы меня не слушают. Я выбиваюсь из сил, стираю до крови ноги и отказываюсь пасти. Мне стыдно, что не допас до конца, я сразу

же ухожу домой и при этом переживаю, чтобы в Колесове не узнали, что я пас, а то будут «пастухом» звать.

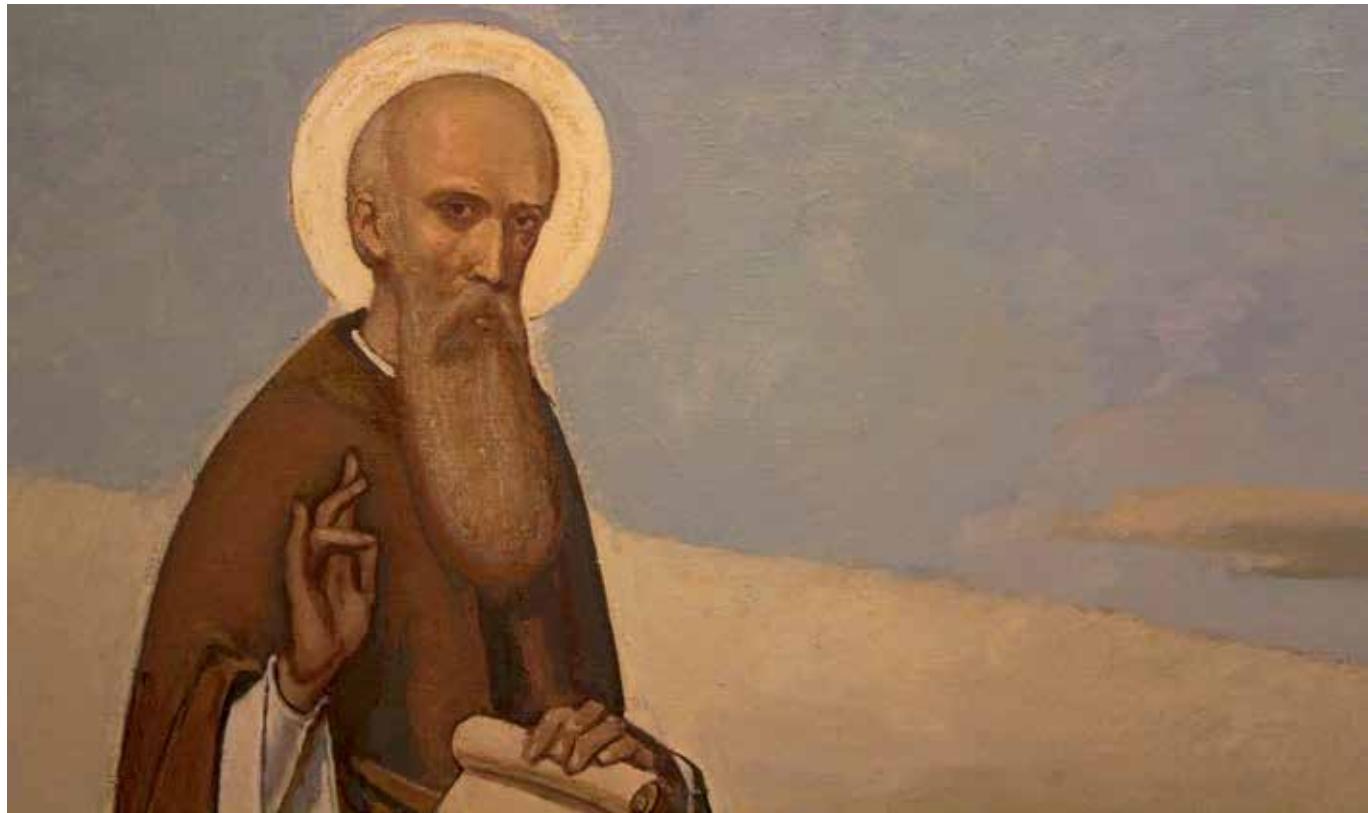
А из четвёртого класса я ушёл в... пастухи. Может, кому-то теперь незнакомы слова «есть нечего, одеться и обуться не во что». А ведь так было! Было! Я кричу об этом, чтобы услышали (иногда, к сожалению, приходится кричать). Ведь не только я «бросил» школу. Уже не ходила Маня, она нянчила детишек в людях; не ходил и Вася, он работал в колхозной конторе рассыльным и одновременно истопником-уборщиком. До этого пас овец и коров в Почкине Чапкове, где я часто помогал ему. Теперь я иду по его стопам: пасу овец в Колесове (это 1934 и 1935 годы). Хотя и привык к не совсем удобному и подчас нелёгкому труду пастуха, но школа из головы не выходила. Может, действовали слова односельчан: «Лёшка, тебе бы учиться надо!» Я всего только две зимы ходил в школу.

И теперь, вспоминая, как я сел сразу во второй класс и ходил в третий помогать Ваське задачки решать у доски, мне вдруг захотелось учиться в школе, непременно выделяясь из числа других. Осенью 1935 года после окончания пастьбы пошёл я в четвёртый класс. Но и на сей раз закончить четвёртый класс не удалось: подвернулась работа.

1936 год. 1 января.

Васька уходит из конторы на должность почтальона. Чтобы место рассыльного осталось за нами, отец решил послать меня работать в контору. В мои обязанности входит топить печь, поддерживать чистоту в конторе и в коридорах, следить за наличием свежей воды, собирать (когда будет дана команда) собрания, совещания, и другие поручения в этом роде. Как ни говори, а 50 сотых трудодня круглый год – это 180 трудодней! Заработок взрослого человека».

А было Алёшке в то время 12 лет...

ВЕТЛУЖСКАЯ СТОРОНА: ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Так называется выставка в Шарынском краеведческом музее, открытая к 600-летию прихода на Красную гору над рекой Ветлугой святого преподобного Варнавы Ветлужского, просветителя Поветлужья.

Чёрно-белые фотографии, книги, церковные принадлежности, которым не один десяток лет, рассказывают об истории святынь края с древних времен, в том числе и об эпохе их разрушения и осквернения, их восстановления и созидании новых храмов. Центральное место на выставке занимают икона преподобного Варнавы Ветлужского, монашеское одеяние-схима, переданное музею митрополитом Костромским и Нерехтским Ферапонтом в 2016 г.

Выставка напоминает посетителям некоторые страницы из жития Преподобного Варнавы Ветлужского. Родился он в последней четверти XIV века в городе Великий Устюг.

Был «саном иерей»; впоследствии, овдовев, оставил приходское служение и принял монашеский постриг, при пострижении наречен именем Варнавы («сын утешения») в честь святого апостола Варнавы. В 1417 г. вятские и ветлужские марийцы под предводительством князя Кельдебек предприняли поход на русский город Великий Устюг и разорили его. Преподобный Варнава был пленён, но через некоторое время Кельдебек дал ему свободу. На вершине горы Варнава построил небольшую часовню и келью. Вначале черемисы относились к прибывшему издалека иноку настороженно, однако со временем святой стал пользоваться среди населявших Поветлужье племен большим уважением. Овладев местным наречием, преподобный неустанно проповедовал Слово Божье, и вскоре многие из бывших язычников стали обращаться в истинную веру.

Н.Ю.ШАБАЛИНА,
зав. Шарьинским музеем-филиалом
ОГБУК «Костромской музей-заповедник»

ИСТОРИЯ ХРАМОВ ШАРЬИНСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

Храм в честь преподобного Варнавы Ветлужского

Преподобный Варнава Ветлужский является покровителем Ветлужской земли. С конца 1980-х гг. XX века в Поветлужье началось восстановление почитания Варнавы Ветлужского. Осенью 1991 г. в Варнавине был освящен первый в новейшее время храм, посвященный преподобному. В начале 1998-го года в п. Ленинском был реконструирован из бывшего клуба Шарьинского леспромхоза храм в честь преподобного Варнавы Ветлужского. С 2003 года ежегодно совершается крестный ход в день памяти 24 июня преподобного Варнавы Ветлужского.

Церковь Николая Чудотворца в селе Николо-Шанга

В состав Богородицкого стана согласно переписной книге в 1616 году входил погост Никольский (сейчас село Николо-Шанга). Первоначально на этом месте стояла деревянная церковь, построенная в 1785 г., но она сгорела. В 1806 году на средства прихожан выстроена каменная. В 1938 году церковь была закрыта, перед войной её начали ломать. С храма были сброшены кресты, разрушены два яруса колокольни и каменная ограда, осквернено древнее священническое кладбище, сожжены иконы, уничтожено всё внутреннее убранство церкви. В суровые годы Великой Отечественной войны жители Николо-Шанги были лишены возможности молиться в родном храме. С конца 1944 – по февраль 1945 года в окрестностях села размещалась прибывшая с фронта 205 Полярная дивизия, прозванная фашистами «дикой». В главном алтаре Преображенской церкви для воинской части была устроена гауптвахта, в правом приделе – баня, а по центру храма – конюшня. Лишь в ноябре 1947 г. по настойчивой просьбе верующих Николо-Преображенский храм был вновь открыт.

Богородицкая церковь в с. Зубовском

Это село было центром древнего Богородицкого стана. В переписи 1616 года записано: «Погост на реке Ветлуге а на погосте церковь Рождества Пресвятой Богородицы, тёплая с трапезой деревяна клецки образа и всецерковное строение приходных людей...» Каменное здание церкви выстроено на средства прихожан в 1842 году. Приход объединял 17 селений с числом прихожан 844 мужского пола и 923 женского пола. От церкви сейчас остались одни стены на крутом берегу реки Ветлуги, выше д. Симаново.

Христорождественская церковь в с. Дороватово (ныне с. Рождественское)

В Троицком стане одним из церковных центров был погост Рождественский, названный по имени стоявшей здесь церкви Рождества Христова. В переписи 1616 г. читаем: «Деревня Дороватая а в ней стала церковь Рождества Христова, деревянина, клецка, тёплая с трапезной...». Когда в деревне Дороватой построили церковь, место стало называться погостом.

К началу XIX века в селе существовали две каменные церкви с каменной колокольней: первая церковь без колокольни построена в 1802 году. В церкви три престола: главный престол – в честь Рождества Христова, боковые – в честь Успения Божией Матери и великомученика Георгия Победоносца. Она сохранилась и до сих пор. До недавнего времени в ней были мастерские местной школы-интерната. А вот другая, двухъярусная церковь, памятник архитектуры XIX века, выстроена в 1852 году на средства прихожан и помещика Федора Лугинина. Старожилы помнят, что её золоченый крест был виден издалека, но и эту церковь постигла судьба многих русских храмов – в тридцатые годы её разрушили.

В 90-е годы XX столетия началось возрождение храмов и православной веры на Костромской земле, в том числе и в селе Рождественском. Как и в былье времена, всем миром собирали средства для восстановления церкви Рождества Христова.

МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ

Посещение музея Ферапонтом, митрополитом Костромским и Нерехтским. 2016 г.

Протоиерей Серафим Гангур в храме прп. Варнавы Ветлужского.

Крестный ход в Шарье 24 июня в день преп. Варнавы.

Церковь Варнавы Ветлужского. Шарья 2014 год.

Богородицкая церковь в с. Зубовском.

Христорождественская церковь д. Дороватая, ныне с. Рождественское.

В истории прихода есть важная дата – 25 июня 2006 года. В этот день архиепископом Костромским и Галичским Александром освящен храм в честь Рождества Христова с. Рождественского Шарьинского района.

Покровская церковь в Заболотье

Центром церковного прихода было село Заболотье. Деревянная церковь построена здесь в 1702 году. В 1822 г. на месте деревянной церкви сооружена каменная Покровская церковь, выстроена она была на средства прихожан. В приходе было 14 селений. Прихожан мужского пола – 1231 человек, женского пола – 1334.

Троицкая церковь в селе Троицком

В переписи 1659 г. говорится:

«Село Троицкое на реке на Ветлуге а в селе место церковное... храм Живоначальной Троицы, а в 1627 г. этот храм от молниева посещения сгорел и остались той церкви образа и образ местной Живоначальной Троицы на золоте да Николы Чудотворца да Макария, на золоте же, всего 13 образов...»

В селе было две церкви. Деревянная построена на средства прихожан в 1727 году и возобновлена в 1884 году. Другая, каменная Воскресенская церковь, построена прихожанами в 1817 году. Приход объединял 40 селений с числом прихожан 3714 человек.

Церковь Николая Чудотворца в селе Одоевское

В переписи 1616 г. значится: «Погост Никольский на речке Ветлуге стал ново на пустоши, на Никольской, а на погосте церковь Николая Чудотворца деревянна клецки да другая церковь Богоявления тёплая с трапезой...»

Деревянная церковь построена в 1751 году на средства князя Ивана Васильевича Одоевского.

Она находилась на поле, километрах в двух от села, в 1901 году прихожанами перенесена в село и возобновлена. В деревянной церкви были древние иконы, священные сосуды, резные изображения. Ещё до основания церкви, в 1750 году, князь Одоевский пожертвовал приходу священническое облачение с фамильным гербом князей. Жаль, что ничего этого не сохранилось. При церкви существовало братство святителя Николая, имевшего цель помогать бедным, оказывать материальную поддержку учащимся школ, содействовать умственному и нравственному просвещению прихожан.

Приход объединял 60 селений, причем некоторые находились за рекой, стояли от села на 20–28 километров.

Каменная двухэтажная церковь в селе Одоевском окончательно построена в 1814 году. Боковые приделы к трапезной храма пристроены в 1872–1874 годах. Вверху находился главный Всехсвятский престол с Никольским и Петропавловским приделами, внизу – главный Богоявленский престол с Покровским и Тихвинским приделами.

Закрыта она не позже 1930-х годов, колокольню сломали. Община восстановлена в 1990 году, активные восстановительные работы начаты были в начале 2000-х годов.

Введенская церковь в Конёве

Деревянное здание церкви построено здесь прихожанами в 1875 году.

Приход объединял 11 селений: прихожан мужского пола – 1403 человека, женского пола – 1474.

Троицкая церковь в с. Ново-Троицкое (Майтиха)

Деревянная церковь выстроена прихожанами в 1904 году, она объединяла 11 селений. Прихожан мужского пола – 867 человек, женского пола – 908.

Ильинская церковь в селе Ильинское (Поляшово)

Деревянное здание храма возведено в 1905 году на пожертвованные неизвестным благотворителем средства – 3000 рублей и на пособие крестьян – 2000 рублей. В приход входило шесть селений, 1649 прихожан, из них 802 чел. – мужского пола.

Богородице-Рождественская церковь в селе Васильевском

Она построена в 1908 году (деревянное здание). В приход входило 13 селений, отошедших от Троицкого и Одоевского приходов, он объединял 2150 прихожан, из них 1063 – мужского пола.

Успенская церковь в селе Печенкино

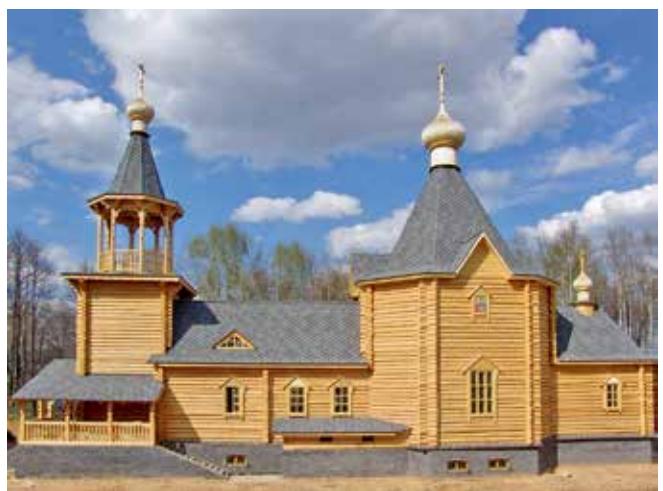
Эта каменная церковь выстроена в 1850 году на средства тайной советницы Ширинской – Шихматовой. Достопримечательностью церкви была копия с чудотворной иконы Успения Божьей Матери в Киево-Печерской лавре, принесенная в дар митрополитом Киевским Филаретом. 16 селений прихода объединяло 2127 прихожан мужского пола и 2203 – женского пола. Сейчас церковь действующая.

Свято-Никольский храм в Шарье

Перед самой революцией в 1916 году в Шарье был построен красивейший деревянный храм в честь святителя Николая Чудотворца. Находился храм в центре города, был он построен на средства прихожан и просуществовал недолго. После революции 1917 года начались гонения на церковь и в 1929 году храм закрыли, открыв в здании клуб, а затем кинотеатр «Северный». В 1988 году шарынцы собирали подписи, чтобы здание отдали церкви. Много сил было положено прихожанами для восстановления церкви: благоустройства алтарной части, территории вокруг храма, сооружались иконостасы, ворота при въезде и выезде из церковной ограды. Часть красивых старинных икон переданы церковью с. Николо-Шанги, многие иконы принесли прихожане.

Покровская церковь в д. Зabolотье.

Никольский храм в Шарье.

Действующий храм в с. Рождественском.

Одновременно с ходом строительных работ велись богослужения. Первая Божественная Литургия, собравшая большое количество прихожан, состоялась в храме 4 августа 1991 года. Тогда же, в 1991 году, состоялось первое венчание. В 1998 году возник пожар, и храм сгорел. Меценатом восстановления храма, нового строительства выступил Новиков Сергей Николаевич, генеральный директор лесопромышленного комплекса. Строительство завершилось в 2005 году.

Церковь Алексия Цесаревича в Шарье

Церковь устроена в специально оборудованном здании бывшего банка. Приписана к Никольскому храму. На базе Алексеевской церкви работает духовно-просветительский молодежный центр. Открыта Воскресная школа для детей. В пасхальные дни дети знакомятся с историей праздника, слушают пасхальные песни, играют в народные игры.

Храм в честь

Феодоровской иконы Божией Матери

Этот новый храм открыт был в 2013 году, построен он на денежные средства меценатов Алексея Зинченко и Ирины Щепиной в пос. Ветлужском.

Свято-Троицкий храм в п. Шекшема.

Храм в честь Казанской иконы Божией Матери

Храм реконструирован из здания бывшего посовета в п. Ветлужском в 2000 году.

Храм блаженной Матроны Московской

В 2012 году по просьбе верующих был открыт новый храм в пос. Зебляки.

Свято-Троицкий храм

В 2013 году в п. Шекшема по просьбе верующих был открыт новый храм.

Часовня святителя Спиридона Тримифунтского

Часовня была открыта в д. Нюрюг в 2010 году.

Часовня Серафима Саровского

Часовня была открыта в п. Варакинский в 2016 году.

Часовня в честь чудесным образом обретенной иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»

Часовня была открыта в с. Конёво в 1991 году.

Храм блж. Матроны Московской в п. Зебляки.

Е.Н. ВАХРУШЕВА,
зав. межпоселенческой библиотекой
Шарьинского района Костромской области

«ОТ СЕМЬИ ТРОПИНКА К РОДУ И НАРОДУ»

Работа межпоселенческой библиотеки Шарьинского района, объединившая 16 сельских библиотек, направлена на то, чтобы сберечь человеческий опыт, воспоминания, литературные и фольклорные источники. Избрав краеведческую деятельность одним из приоритетных направлений, библиотека пошла по пути написания программ и проектов по краеведению и этнографии.

Этим летом состоялся такой проект сотрудничества с Костромским архитектурно-этнографическим и ландшафтным музеем-заповедником. За круглым столом в администрации района состоялся интересный разговор о необходимости сохранения культурного наследия нашего края и знакомство с научными сотрудниками музея-заповедника, участниками экспедиционного выезда в села Шарьинского района, первого среди районов области, куда прибыла команда этнографов с целью собрать материал по всем аспектам традиционной народной культуры Костромского края.

Сбор фольклорного материала.

Наш разговор о накопленном в районе опыте краеведческой работы получился очень интересным. Все учреждения культуры, и особенно библиотеки, имеют опыт по сбору краеведческого материала и готовы поделиться им, так как эта работа ведется библиотекарями постоянно, на протяжении многих лет. Самый главный способ сбора краеведческого материала – это интервью. И в этот раз мы обратились к такой форме работы. Очень большую помощь по сбору материала нам оказывают наши неравнодушные читатели – жители сельской глубинки. В деревне Марутино живет Майорова Татьяна Николаевна (Марутинская школа), в деревне Берзиха – Ухарева Лира Николаевна, бывший библиотекарь. Этую женщину хочется особо отметить, так как у нее совершенно необычный подход к краеведению – она составляет викторины и на протяжении многих лет публикуется на страницах газеты «Ветлужский край», и стала лауреатом премии имени Серкова. Темы ее публикаций разнообразны – от литературного краеведения до говоров Шарьинского района, о женщинах района, прославивших наш край. В поселке Зебляки живет Шорохова Вера Васильевна – собирательница истории поселка Зебляки, директор музея им. Героя соц. труда Г.А. Худякова. Большая исследовательская история ведется в селе Николо-Шанга, здесь

Вахрушева Е.Н. (справа) выступает на встрече за «круглым столом» в администрации Шарьинского района. 2017 г..

хочется сказать о большой собирательской работе Якушевой Елены Петровны. Большой друг нашей библиотеки – Смирнов Андрей Юрьевич, человек увлеченный краеведением.

В сельской глубинке живет немало других людей, помогающих в сборе материала по истории нашей малой родины. Каждый из них делится воспоминаниями, опытом и накопленными знаниями. Очень важно, что существует «обратная связь» с жителями района. Убедительным подтверждением этого стали работы, представленные на конкурс. «Мое советское детство» (Логунова В.Н.), «О жизни молодой семьи в военные годы» (воспоминания Т.В. Ореховой, 1922 г.р.). Темы рефератов были самые разнообразные – от фольклорных традиций (д. Катунино Шарьинского района) до увлекательных историй, рассказанных по старинным фотографиям из бабушкиного альбома.

Мы с увлечением готовимся к семейной читательской конференции «От семьи тропинка к роду и народу», где будем говорить о традициях семейного чтения и где прозвучат рефераты победителей нашего совместного проекта.

Если обратиться к опыту прошлого, то самым зрелищным и интересным получился проект 2012 года «Горенка». Именно тогда мы начали собирать материалы по народным традициям Поветлужья, устному народному творчеству, собирать предметы старины.

Все наши краеведческие находки очень ярко были представлены на краеведческих чтениях «Мир русской деревни». Здесь было все – и рассказ о русской кухне (Одоевская библиотека), и представление «Русское гостеприимство» (Катунино и Поляшово), и выступление Зебляковского молодежного совета «Жениться – не лапоть надеть» (фрагмент русского свадебного обряда), и рассказ о Средокрестие (Конево). Настоящим событием года стала выставка-выставка «Красива ты, душа костюма Поветлужья» о кукольном мастерстве нашего края.

В старину под словом «досуг» понимали прежде всего умение, а не развлечение. В деревнях люди сами делали необходимые им

в быту вещи – утварь, шили одежду и др. Однако многие ремесла забыты, технологии утеряны. И этой проблемой всерьез озабочились библиотекари района. Силами местных жителей, читателей района, библиотекарей и старожилов был собран материал об умельцах района и некоторых технологических аспектах мастерства. Так появился сборник «Не привыкай к безделю, учись мастерству и рукоделью» (автор – составитель З.Б. Первушина). В него вошли и основные виды ремесел нашего края (плетение из бересты, резьба по дереву, бондарное дело, пимокатство, кузнечное дело и др.), а также представлены мастерицы – рукодельницы по бисероплетению, изготовлению игрушек, вышивке лентами и др. Опыт краеведческой работы сельских библиотек стал нашей палочкой-выручалочкой. Погружение в атмосферу быта наших предков, знакомство с играми сверстников, живших в те далекие времена, действительно вызвали интерес у юных читателей, так как именно они были участниками и краеведческих чтений.

Сегодня сельская библиотека занимается краеведением и этнографией не только потому, что библиотекарь понимает важность такой работы, но и потому, что есть социальный заказ, интерес и к краеведческой литературе, и к мероприятиям, посвященным истории нашей малой Родины. В качестве примера хочется сказать и о традиции, сравнительно недавно появившейся в нашем районе – это проведение Лугининских ассамблей. Они стали преемниками Лугининских краеведческих чтений, имеющих более давнюю историю.

С 2015 года межпоселенческая библиотека работает по муниципальной целевой программе «Книжный дом». «По заветам Петра и Февронии» – одна из ступеней программы опять нас вовлекла в «преданья старины глубокой», но теперь уже через призму семейных ценностей. О том, как хранились традиции семьи и передавались из поколения в поколение, мы узнали из воспоминаний читателей разных возрастов. В течение этого года мы собираем материал о

самых важных периодах в жизни человека: рождение, взросление, учеба, становление молодой семьи, отношение в семье между старшими и младшими поколениями.

Это то, о чем надо сегодня говорить, чтобы сохранить традиции семейного воспитания и вырастить интеллектуально и нравственно здоровое поколение. Нашу миссию мы реализуем через творчество наших читателей. Сотрудничество с участниками летней этнографической экспедиции музея-заповедника «Костромская слобода» в Шарьинский район и участие в выпуске музейного альманаха дали новую жизнь этому творчеству.

Экспедиционный выезд в с. Богоявленское.
И.Э. Баринштейн (в центре), председатель
Шарьинского отделения РГО. 2017 год.

Конкурс исследовательских работ и рефератов «Семейные традиции и фольклорное наследие Костромского края»

ФОТОГРАФИЯ ИЗ БАБУШКИНОГО АЛЬБОМА

Мне с раннего детства нравилось рассматривать фотоальбомы, особенно нравились старые фотографии. Рассматривать их можно было только вместе с мамой. Она боялась, что я могу нечаянно испортить дорогие ей снимки и поэтому не разрешала мне брать альбомы самостоятельно. У бабушки же мне вообще не давали смотреть фотографии, так как я был не очень аккуратный.

«Вот подрастешь немного, и я тебе покажу», – отвечала бабушка на мои просьбы. Я, конечно же, очень ждал момента, когда бабушка исполнит свое обещание. И вот как-то в зимний вечер (мы с сестрой тогда оставались ночевать у бабушки) бабушка достала свои альбомы, села на диван, посадила нас с сестрой по обе стороны от себя и начала осторожно перелистывать старые, непонятного цвета страницы. И на этих страницах оживали различные истории и случаи. Интересно было смотреть на совсем молодых бабушку и дедушку, их родителей, которых мы ни разу не видели живыми, на теть и дядь, на маленького папу. Я внимательно разглядывал каждую фотографию и задавал бабушке кучу вопросов, на которые та терпеливо отвечала. Меня удивляло то, как люди с годами изменяются внешне и не верилось, что когда-нибудь и я буду старым.

Среди фотографий я заметил фотографию-портрет незнакомой женщины. Эту женщину я точно никогда не видел, и она мне никого не напоминала. Ее открытое, детское лицо было похоже на лицо маленького ребенка. Весь ее образ привел меня в замешательство: с одной стороны – это была взрослая, довольно упитанная, неопределенного возраста женщина; с другой стороны – ее одежда, старенькое цветастое платье, а может быть кофта, неаккуратно

Вторая слева в первом ряду
Шуронька Булынная.

застегнутая у ворота на большущую булавку, поверх которой надет то ли передник, то ли какая-то полосатая тряпка. Внешний вид – короткие, темные, слегка растрепанные волосы, на шее бусы, вроде искусственного жемчуга в два ряда; выражение лица – всё было как не у совсем здорового человека. Маленькие прищуренные глазки, большие мочки ушей и улыбка невинного ребенка. Эта фотография меня очень заинтересовала. Кто эта женщина? Откуда у бабушки эта фотография? Встречались ли с ней бабушка и дедушка? Где жила эта женщина и чем занималась? Как ее звали? Были ли у нее родственники? Все эти вопросы возникли сразу. Бабушка рассказала мне следующее:

«Мы ее звали Шуронькой Булынной. Когда она приходила в деревню, то останавливалась в доме Чесноковой Павлы Ивановны. Шуронька была прозорливой (умела предвидеть будущее). Булынной ее звали за то, что она любила повторять это слово «булынные». Что означает это слово я не знаю. Еще она любила собирать игрушечных рыбок. Их у нее было очень много и все разные. Шуронька носила рыбок с собой в больших карманах. Достанет резиновую рыбку, мнет в руках и все приговаривает: «Ай, какая булынная».

Своего дома у Шуроньки не было, она странствовала по деревням. И в каждой деревне, куда она приходила, находились люди, которые давали ей приют. Живя у таких людей,

она ходила на беседки в разные дома, где помогала людям то словом, то советом, то делом. Однажды твой дед уехал по колхозным делам с большими деньгами, и его долго не было. Я очень сильно переживала. А Шуронька говорит: «Чу! Едет!». И, правда, на следующий день приехал твой дед – жив и здоров. Еще Шуронька могла исцелять. Как-то твой дед поранил сильно ногу. Нога долго не заживала и сильно болела. Пришла к нам в дом Шуронька Булынная и спрашивает деда, что тот стонет. Дед и показал ей рану. Шуронька плонула на рану и сказала, что через три дня все заживет. Через три дня на ране образовалась толстая корка, которая через какое-то время сошла, а под ней образовалась новая, чистая кожа и даже рубца почти не осталось».

Рассказанные истории были необыкновенными, даже чудесными. Я стал расспрашивать про Шуроньку и других жителей нашей деревни. Вот что мне рассказала соседка моей бабушки – Зеленова Александра Васильевна: «Я сама родом из деревни Сергеево, а замуж вышла в деревне Малиниха. Но мы там не долго жили, очень хотелось переехать в свою родную деревню. Сидели как-то в доме моего отца и решали, где лучше в Сергееве дом строить. Дом моих родителей стоял с восточной части деревни, самый крайний, и отец предложил строиться около него. Весь наш разговор слышала Шуронька Булынная, она в это время была у родителей в гостях. «Не строй здесь, – сказала она мне, – это булынное место. Стройся лучше с того краю (и показала на другой край деревни) там город будет, будешь в самом центре жить».

Что делать, не знаю? На тот край ехать не охота, там нет ничего, поле начинается, весь народ как бы на этом краю живет. Посидели, посоветовались, решили, что Шуронька зря не скажет и стали строить дом там, где она указала. Сам видишь, где я живу: в окно видать все дороги и магазины, клуб, школу, почту, колхозную контору (хоть и бывшую), а где поле было, там сейчас поселок стоит, люди живут. Сижу теперь у окна – все вижу, как в телевизоре. Вот так все было».

Чем больше я узнавал про Шуроньку, тем больше удивлялся. Мне захотелось подробнее узнать о жизни этой замечательной женщины-странницы. Я узнал от людей, что настояще имя Шуроньки – Цветкова Александра Михайловна. Она часто ходила молиться в церковь в Николо-Шангу. Я знал, что в нашей библиотеке есть книга о храме села Николо-Шанга «Свет твой присносущий». Обратившись в библиотеку к Изюмовой Марине Павловне за помощью, я был обрадован, когда увидел на странице этой книги изображение Шуроньки на общей фотографии. Правда, прочитав эту книгу, я не нашел никакого упоминания о Шуроньке. Женщины в деревне рассказывали мне, что у нее вышла какая-то неприятность с одной женщиной, что ходила в тот храм, и Шуронька сильно сетовала на то, что та женщина ее из храма выгонит. Через какое-то время Шуронька и правда больше не стала ходить в храм. Молилась дома, где ее привечали, перед домашними иконами. Жители нашей деревни показали мне еще несколько снимков, на которых запечатлена Шуронька. Когда Шуронька умерла, никто в деревне толком не знает, но где-то в восьмидесятых годах. Похоронена она на кладбище в Козлово, в городе Шарья, в ограде со своими родными.

Когда я смотрю на фотографию Шуроньки Булынной, мне становится очень жаль, что сейчас около нас нет таких святых людей. Жизнь и путь юродивого – это подвиг, великий труд на благо людей, помочь в спасении их душ. Когда рядом есть такие люди, то волей-неволей начинаешь задумываться о том, все ли ты делаешь правильно, не обижашь ли кого-нибудь понапрасну, не приносишь ли страдания своим родным и близким. Ведь нам всем хочется быть хорошими, добрыми, терпеливыми, но не всегда мы таковыми являемся. У кого мы можем всему этому научиться? Жаль, что порой мы не задумываемся, что многие вещи, пылящиеся на чердаках старых домов, в том числе и фотографии, хранят удивительные истории о том, как люди жили до нас.

Ростислав КОРОЛЁВ (13 лет).

М.П. ИЗЮМОВА,
библиотекарь Марутинской
поселенческой библиотеки

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ НАШЕГО КРАЯ В ПРОШЛОМ

Красив русский свадебный обряд. С годами элементы теряются или видоизменяются, но основные моменты остаются. Один из вариантов этого обряда записан по воспоминаниям Лебедевой Раисы Яковлевны, 1928 года рождения.

Первый этап свадебного обряда называется «свата́нье». Сначала устраивались «смотрини»: жених с родителями приезжал в дом невесты, смотрели, что есть у родителей, обговаривали приданое. Если они приходили к соглашению, то родители невесты ехали в дом жениха и смотрели, где и как будет жить их дочь, намечали сроки свадьбы.

Перед свадьбой был «девичник». Подруги помогали невесте собирать сундук с приданым. В него обязательно входили наряды и постельные принадлежности: перина, подушки, одеяло. Остальное в зависимости от благосостояния родителей.

Когда приезжал жених, подруги на другой половине избы одевали невесту. Процесс одевания сопровождался обрядовыми песнями и слезами. Жених обязан был заплатить за невесту выкуп подругам. Они старались запросить побольше и придумывали разные задания.

Жених забирал невесту. Его машина «в свадебном поезде» движется первой, за ним – невеста, следом родители и гости. В машине жениха вместе с ним едут друзья, с которыми прошлым вечером он гулял в последний раз и прощался с холостой жизнью. В машине невесты – ее подруги. «Свадебный поезд» направлялся в церковь для венчания, затем в ЗАГС (регистрация в ЗАГСе может быть в любой день после венчания). После венчания все ехали в дом жениха. Там мать жениха встречала молодых с хлебом на вышитом полотенце и солью. Определялся

хозяин в доме: кто больше откусит. По дороге в дом молодых обсыпали зерном и провожали к столу.

Столы стояли в виде буквы «П». Со стороны невесты располагались ее гости, приглашенные в устной форме или специальным приглашением, а напротив – гости жениха. Свадьбу вел тамада. Он по очереди предоставлял гостям слово.

Невеста одаривала всех родственников жениха, просила разрешения у родителей называть их мамой и папой. То же делал и жених.

В первый день свадьбы жених с невестой не разлучались. Гости старались выкрасть невесту, чтобы потребовать за нее выкуп.

На второй день гости старались занять место молодых. Если место было занято, место должны были выкупать.

Когда все были в сборе, свадьба продолжалась. Гости шутили, жених благодарил родителей невесты за дочь, проверяли, какая невеста хозяйка. Гости били глиняную посуду и бросали медные деньги. Она мела пол, собирала деньги. Жених вытаскивал из деревянного чурбана вкоточенные в него деньги.

С. В. ГЛУШКОВА,
библиотекарь Пищевской
поселенческой библиотеки

Материал записан в 2017 году по воспоминаниям Лебедевой Раисы Яковлевны, 1928 г.р., д. Кучериха, Шарьинский район.

ЖИЗНЬ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Орехова Таисия Васильевна родилась 5 февраля 1922 года в деревне Потешиха Ветлужского района Горьковской области.

Таисия Васильевна вспоминает:

«Семья была большая – три брата и четыре сестры, поэтому в школу не ходили, грамоте не обучались. Приходилось сидеть и нянчить младших братьев и сестер. Мать работала животноводом, ухаживала за овцами, а отец работал в поле – пахал, боронил. В семье была своя лошадь. Жили бедно: ели одну картошку, ее жарили, парили, терли и пекли драники.

Помню свадебную пору осени 1940 года. Были просватки. Как это проходило? Со стороны жениха и невесты встретились родители. Они договорились насчет даты свадьбы и количества гостей. В 1941 году, на Масленицу, я вышла замуж, мне едва исполнилось 19 лет, отдали меня за Павла Ивановича в село Печенкино.

Обычно молодая жена после свадьбы переходила жить в семью мужа, она во всем должна слушаться мужа и свекровь.

Свекровь моя была дояркой, и я пошла ей помогать. Работала скотником, пастухом и на прочих работах. На фермах в то время полу не было, зимами примерзала к земле обувь. На работе все уставали, потому что нужно было все делать вручную: ухаживать за скотом, косить сено, возить дрова (фермы отапливали

лись печками), воду. Доить коров приходилось тоже руками, доильных аппаратов в то время еще не было. Все это делали женщины, работали без выходных. Труд на ферме был очень тяжелый, уставали сильно, постоянно хотелось спать, т.к. утром на ферму приходили к 4 часам – уходили к обеду, а вечером – опять на ферму.

Дома оставались малые дети, да и домашние дела надо было успеть сделать: скотину накормить, постирать, в огороде навести порядок.

Мужа вскоре завербовали в Пороховетские лагеря. А уже на Пасху в 1941 году забрали на войну. Вместе совсем мало мы пожили – месяца 3-4. Когда пошел на войну, я осталась беременная. Муж так и не вернулся, погиб. Декретных в то время не было и работали до самых родов. Чтобы прокормить свою семью, ездили продавать в Ветлугу десяток яиц, на вырученные деньги покупали кильки, картошку одну есть надоело.

Ходили работали за еду в д. Пустошь Горьковской области. Также пасла коров в д. Мещериха Костромской области, стада были большие, до 30 голов. Весной заготавливали дрова, складывали их в клетки, чтобы за лето они просохли. А зимой по снегу на санях возили домой. Весь этот нелегкий труд делали женщины и дети.

Свекровь во всем слушались, жили дружно, ну, и она помогала – водилась с детьми. Умерла она в Новосибирской области, у сына.

Вся жизнь отдана была нелегкому труду в колхозе. Хоть и трудно было, но жили дружно, ругаться было некогда, т.к. с раннего утра до позднего вечера были в работе.

С.И. СОКОЛОВА,
библиотекарь Печенинской
поселенческой библиотеки

По воспоминаниям Ореховой Таисии Васильевны, 1922 г. р. Записано в с. Печеники.

ЛЕЧЕБНЫЕ СВОЙСТВА РАСТЕНИЙ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Если голова болит, надо приложить капустный лист. Ушибы натирали настойкой из девясила, и боль проходила.

Нарывы лечили дёгтем.

Понос – заваркой из конского щавеля.

Простуду – горячим настоем липового цвета.

Зубную боль снимает дубовая кора.

Записано у Самодуровой Ироиды Борисовны, 1947 г. р., д. Шубиха Шарьинского района.

От нарывов, чирьев (сучье вымя) – лист красной свеклы. На лист с лицевой стороны намазать сливочным маслом и приложить к больному месту на ночь. Утром промыть марганцовкой, и так каждый день до полного очищения раны от гноя.

От недержания мочи – каждое утро натощак съесть 2-3 веточки свежей петрушки (желательно не магазинной).

При переломах снять отёчность и ломоту на погоду поможет настойка из берёзовых почек. В бутылку засыпать почки, залить водкой, настоять две недели и делать примочки на ночь.

Записано у Бариновой Надежды Юрьевны, 1949 г. р., Шарья.

Горло лечили полосканием из настоя липового цвета.

При порезах прикладывали подорожник.

От кашля – дышали над картофелем. Делали из пережжёного сахара сосульки.

Если болят ноги, на больное место прикладывали листы лопуха, капустный лист, а также одуванчики, картофельные ростки – всё это в виде настойки натирания.

При поносе – конский щавель, черёмуха, дубовая кора.

От кашля – для растирания использовали внутреннее сало.

Записано у Шевченко Людмилы Павловны, 1950 г.р., п. Шекшема.

От кашля – чай с малиной и мёд , натирались внутренним салом.

От первов – настойка из мяты.

От высокого давления – смородина.

Ноги болят – сирень белую настаивали на самогоне и натирали больные суставы.

Записано у Великжаниной Нины Ивановны, 1935 г.р., п. Шекшема.

От нарывов использовался зверобой, моча, компрессы.

От давления – смородина, черноплодная рябина.

От головных болей – рябина красная.

От кашля – малина и мёд.

От бородавок – чистотел.

От порезов – зверобой чистотел.

От боли в ногах – золотой ус. А ещё: собирали мох скрипун, пока он цветёт, а цветёт он долго, настаивали на самогонке, натирали ноги и руки, когда болели.

Записано у Шипицыной Людмилы Николаевны, 1954 г. р., п. Шекшема.

При простуде мылись в большой печи, парились берёзовыми вениками.

От кашля – сахар жжёный с водкой (самогоном).

От свинки – берёзовые листья, мать парила со сливочным маслом от своей коровы.

От кори – закрывали зеркала, всё что было в доме, а ребёнка одевали во всё красное.

От болячек – берёзовый деготь, делали его сами.

От чесотки – смола ели.

Записано у Лебедевой Нины Степановны, 1934 г.р., д. Воробьиха, Мантуровский район.

С.С. ХАХИЛЕВА,
заведующая ДТ «Искусница»
п. Шекшема Шарьинского района
Костромской области, 2017 г.

Заметки коллекционера

ТАКОЙ ПРОСТОЙ, НЕ ПРОСТОЙ ГВОЗДЬ

С чего начинается увлечение тем или иным видом коллекционирования? Почему человек заостряет своё внимание на созиании, каких-то конкретных предметов? Среди моих знакомых немало людей, увлечённых коллекционированием марок, монет, предметов старины, и у каждого своя история, своя точка отсчёта коллекционирования. Я же расскажу вам о своей истории начала собирательства и изучения на первый взгляд обыденного предмета в каждом хозяйстве – о гвозде.

Лет эдак с десяток назад, сидя на берегу небольшой лесной речки с удочкой в руках, я медленно переводил взгляд с поплавка на крутой склон обрывистого берега, под которым было так удобно рыбачить в омуте чистой речушки. Внимание привлек слой чёрного цвета, разрезавший буро-рыжий берег невдалеке от места, где я расположился. Заинтересовавшись столь резким цветовым переходом в слоях береговой почвы, оставил удочку и поднялся к тёмной полосе на обрывистом берегу.

При ближайшем рассмотрении полоса оказалась перегоревшими деревянными угольями. По весне вода подмыла крутой бережок, и кусок метра в два длины обвалился, обнажив старое место пожара. Но что самое интересное – из почвы торчал по всей вероятности железный штырь. Выдернув его из земли и очистив от налипшей гари и грязи, я понял, что передо мною громадный кованый гвоздь. Тут же рядом я подобрал ещё парочку, но гораздо меньших размеров.

В общем, громадный пятидесятисантиметровый гвоздь и положил начало будущей коллекции простых и привычных для нас гвоздей, однако имеющих за собой тысячелетнюю историю развития человечества.

Свою первую специальность столяра-плотника подвижного состава я получил в 1983 году, когда пришёл работать в вагонное депо. Позже

пришлось освоить специальность плотника-кровельщика, много лет проработать специалистом по обслуживанию зданий и сооружений. Так или иначе, все профессии были связаны со строительством, и, наверное, отсюда и взялся интерес к извечному спутнику строительства – гвоздю.

Строительные, кровельные, толевые, отделочные, обойные, декоративные, штукатурные, шиферные, обувные, подковные, корабельные и баржевые – каких только видов гвоздей не придумал человек, чтобы облегчить и улучшить свой быт. История этих простейших крепежных деталей уходит во времена, когда еще первобытный человек пользовался костями рыб и животных, шипами растений и заостренными корнями деревьев для скрепления различных предметов, частей построек. Но самыми распространенными в древности были деревянные гвозди, которым придавалась нужная форма. Кстати, деревянные гвозди не теряли свою актуальность никогда. В начале XX века деревенские сапожники умело вбивали в подошвы сапог миниатюрные березовые гвоздики. Березовые шпильки разбухали от воды и крепко держали подметки.

Первые металлические гвозди стали изготавливать в бронзовом веке, отливая или выковывая их из меди и бронзы, а впоследствии, в железном веке, из более прочного материала – железа. Именно тогда родилась и их традиционная форма – заостренный стержень со шляпкой, не изменившаяся за прошедшие тысячелетия. Простая вещь из быта наших предков – кованый гвоздь, прекрасно сохраняется после многих десятилетий верной службы и нескольких веков лежания в земле.

По роду своей деятельности приходилось ездить много, как по своему, так и по соседним районам нашей области. И если на глаза попадался интересный старинный кованый гвоздь, никогда не проходил мимо. По возможности старался пополнить коллекцию. Обычно кованые гвозди попадались при разборке старых зданий, но бывало, что встречались и при копке котлованов под фундаменты или при других земляных работах.

Ведущая «круглого» стола – зам. главы администрации Шарьинского района И.Э. Баринштейн. Краевед А.Ю. Смирнов дарит музею-заповеднику коллекцию старинных гвоздей. 2017 год.

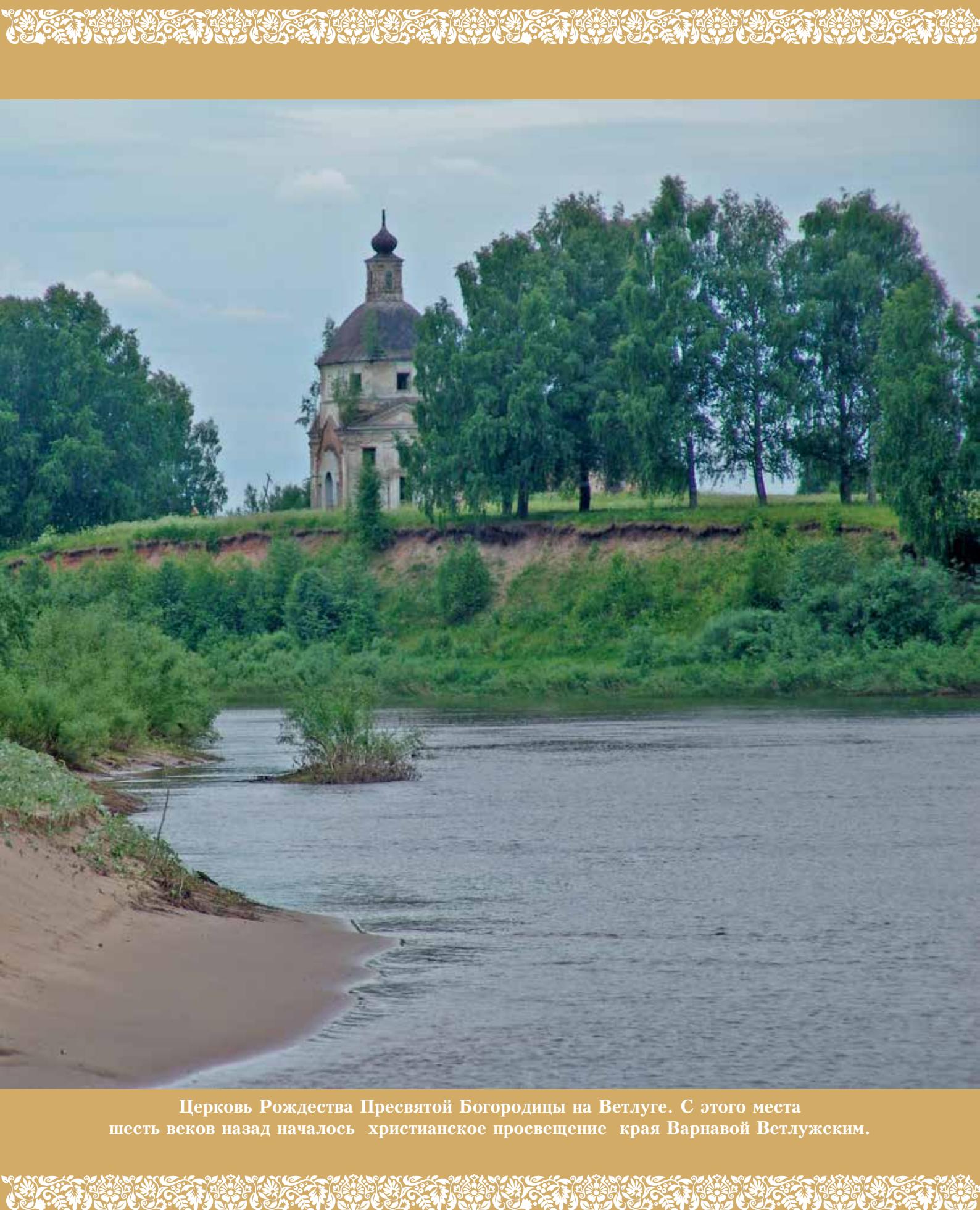

Наверно, надо было фиксировать каждую находку, где и когда найдена, при каких обстоятельствах. Но оговорюсь – я не являюсь профессиональным коллекционером. Гвозди собирались хаотично, от случая к случаю. Не было даже мыслей, что ими кто-то заинтересуется. Оказалось напрасно.

Научные сотрудники музея-заповедника «Костромская слобода», побывавшие в Шарьинском районе летом 2017 года, с большой заинтересованностью отнеслись к собранной мною коллекции. Поэтому сомнений в передаче её музею у меня не было. Надеюсь, что посетители музея с интересом будут знакомиться с давним спутником человека – гвоздём.

Кстати, самый большой кованый гвоздь в коллекции имеет длину в полметра, а самое маленькое кованое изделие – всего сантиметр.

А. Ю. СМИРНОВ, краевед-коллекционер.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Ветлуге. С этого места
шесть веков назад началось христианское просвещение края Варнавой Ветлужским.

«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»

Художественно-этнографический альманах

Электронное издание Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода».

Выходит с 2013 года.

Сайт: <http://www.kostrsloboda.ru>

Выпуск №2 (13) 2017 год.

Издание рекомендовано к печати научно-методическим советом
Музея-заповедника «Костромская слобода».

Под общей редакцией А.И. Митина,
директора Музея-заповедника «Костромская слобода»

Редактор-составитель – Т.Г. Гончарова,
учёный секретарь Музея-заповедника «Костромская слобода».

Дизайн – И.В. Васильев
Компьютерная верстка – Т.А Свешникова
Художник – Ольга Швейцер

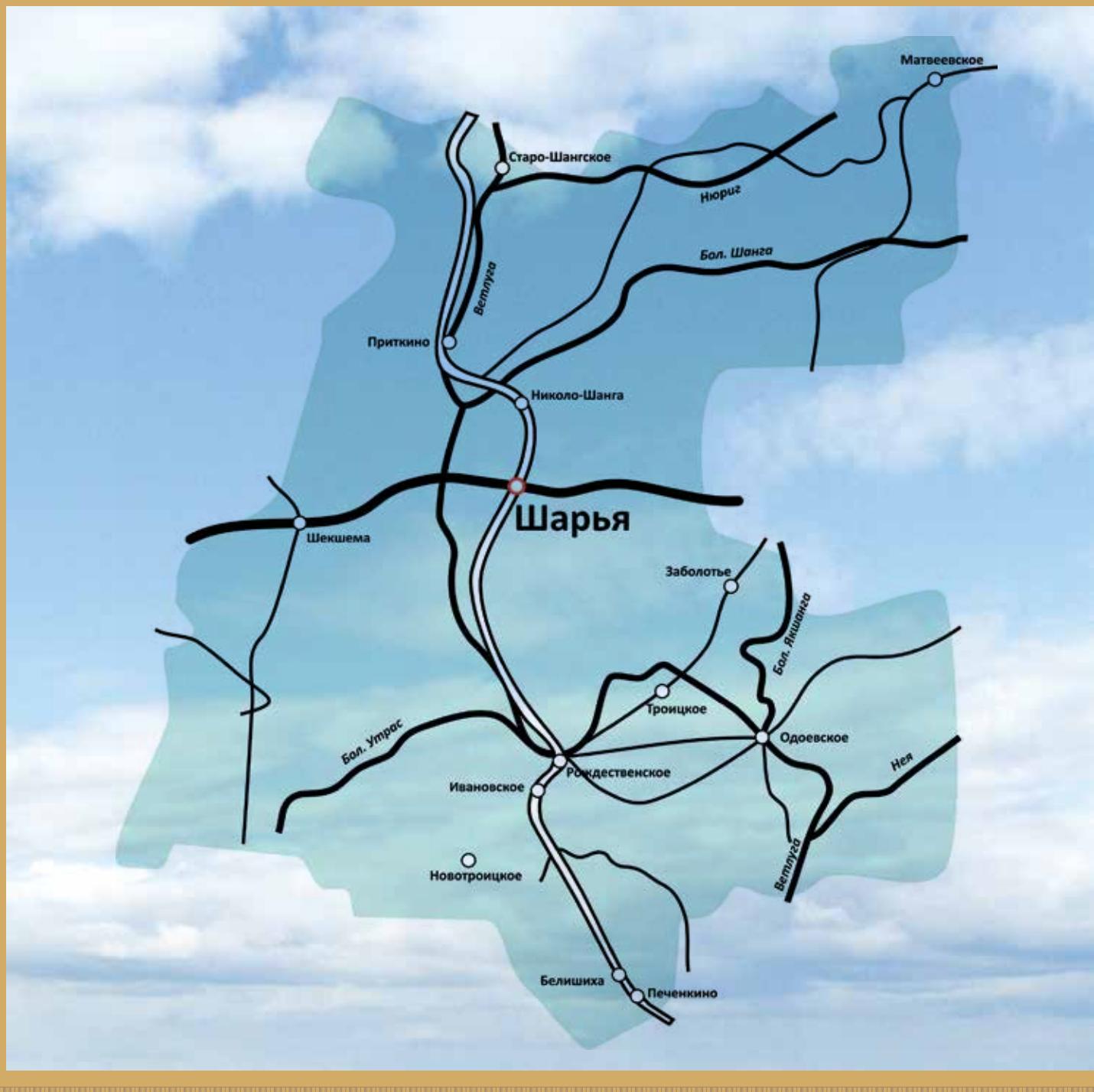
Фото:

Евгений Новиков, Сергей Пиляк, Татьяна Гончарова, Светлана Дерепашук,
а также снимки из архива музея-заповедника «Костромская слобода»

Объем: 12,5 п.л. При использовании материалов выпуска или их фрагментов
ссылки на издание обязательны.

Адрес редакции:
156000, Кострома, ул. Советская, д.41 а. Телефон: 31-31-12.
E-mail: muzeizapovednik@yandex.ru

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
КОСТРОМСКАЯ СЛОВОДА

156004, КОСТРОМА, УЛ. ПРОСВЕЩЕНИЯ 1Б, ТЕЛ.: (4942) 37-38-72, ФАКС: (4942) 37-25-73